

Константин Крылов

Поведение

Примечание от Warrax. Разумеется, я не разделяю использованные автором понятия «добро» и «зло», но не править же текст. Следует читать «то, что соответствующая этическая система считает правильным / недопустимым» соответственно.

Кстати, встречал описание книги как «Крылов К.А., Крылова В.И. Поведение. М., Педагогический поиск, 1997» — но в подавляющем большинстве случаев указывается один автор. Значения для смысла не имеет, просто для уточнения.

Мои комментарии в тексте выделены цветом.

Два фрагмента удалены — там антисоветчина с очень натянутой попыткой «натянуть» теорию как объяснение. Комментировать там «что не правильно» смысла нет. Зато добавлены в приложении очень грамотные примеры анализа различных вопросов с использованием данной теории от Джагга ака 17ur.

Оглавление

Часть I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ	4
Поведение.....	4
Типы общественных отношений.....	11
Строение общества	19
Часть II. НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ. ЦЕННОСТИ	23
Нормы поведения	23
Ценности	24
Основные ценности	25
Отношения между ценностями	32
Нормы отношений внутри сфер деятельности	34
Часть III. ЭТИКА	40
Этические системы.....	41
Этика и понятие истины.....	52
Часть IV. ПОЛЮДЬЕ	58
Проблематичность этического поведения	58
Полюдьё	60

Дополнение. Базовые эмоции, три свойства сознания.....	63
Часть V. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ БЛОКИ	70
Цивилизационные блоки	71
Часть VI. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЁ ВРАГИ.....	102
Негативное поведение, внеморальность и зло	106
Нулевая этическая система: диаспоры	107
Варварство	111
ПРИЛОЖЕНИЯ от Джагга 17ur	115
1. Чего боятся русские	115
2. Краткое рассмотрение войны	119
3. И вновь о проблемах	124
4. О доминировании	127
5. О «северной» демократии	131
6. Этика. Война. Примечания и дополнения	136
7. Этико-футуристическое об армии.....	141
8. К вопросу о власти с точки зрения формальной этики.....	150
9. О «северной» экономике. Та же сказка, только на изворот	158
10. Продолжаю теоретизировать	163
11. ИМХО о происхождении «северного полюдья»	167
12. О восприятии денег в различных этических системах. Коротко.....	171
13. Пикейно-пикейное. «Северная дипломатия»	173

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Предлагаемая книга подготовлена на основе лекционного цикла, прочитанного авторами в 1995–1996 гг. для ограниченной аудитории. Поскольку некоторые из затронутых в лекциях вопросов в настоящее время стали предметом общественного интереса, мы сочли возможным предпринять издание текста лекций.

Книга посвящена вопросам, обычно относимым к области социологии, а именно человеческому поведению. Излагаются основы *формальной теории поведения* как особой дисциплины, предполагающей определенный подход к своему предмету. На этой основе строится *теория нормы* и *формальная этика*. Кроме того, дается *историческая интерпретация* отдельных положений теории, представляющая самостоятельный интерес.

Изложение рассчитано на неспециалистов. Для понимания текста не требуется ничего, кроме внимания и здравого смысла, в том числе справочная литература или специальное образование. Все вопросы, которые авторы хотели изложить, изложены здесь полностью. По этим причинам мы не использовали ссылочный аппарат, тем более, что его подготовка сильно усложнила бы ситуацию с изданием, и ничего не дала бы в принципиальном плане.

К сожалению, авторы не имели возможности переработать текст. Он публикуется «как есть», с минимальными исправлениями.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают свою признательность Алексееву М.Ю., Волкову В.А., Кондратьевой Н.С., Кравченко В.П., Малашкину А.С., Малашкину В.С., Прокопишиной Н.А., Шалимовой Н.В. и Шинкареву А.Д. за участие, содействие и помощь. Моя особая благодарность — А.А. Орлову, моему другу и оппоненту, без участия которого не было бы этой книги.

Часть I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Поведение

Поведение — это все то, что человек делает или не делает намеренно. Таким образом, поведение — это совокупность актов действия и бездействия, совершаемых человеком.

Намеренным можно считать любое *действие*, которое человек мог бы не совершать, или совершить его иначе.

Намеренное *бездействие* тоже следует считать элементом поведением. Человек, который кого-то ждёт, может при этом просто сидеть на стуле; но это *намеренное* бездействие, поскольку он мог бы встать и уйти. Такого рода целенаправленное воздержание от каких-то действий можно считать своего рода «отрицательным действием».

Простые и сложные действия

Простыми следует считать действия, которые можно только довести до конца или прервать, но нельзя *выполнить иначе*.

Это не значит, что простые действия являются какими-то «элементарными процессами», наподобие сокращения отдельной мышцы. Простое действие может быть очень сложным процессом, состоящим из множества разнообразных актов. Главным является то, что *все эти акты не контролируются человеком*.

Простым действием является, например, выстрел: каков бы ни был процесс, происходящий внутри ружья, человек может или нажать на курок, или не нажимать на него. После нажатия на курок остаётся только ждать результата: мы не можем остановить запущенный механизм выстрела. Разумеется, мы можем прервать это действие, выронив ружье или направив его в другую сторону — но сам механизм выстрела для нас недоступен.

Таким образом, понятие «простого действия» *относительно*, и зависит от способности человека к пониманию смысла своих действий и контролю над ними. Если человек умеет делать что-то только одним способом, то данное действие является для него простым. Например, когда человек делает шаг, сокращается множество мышц, но для человека есть только один выбор — шагнуть или не шагнуть.

Сложные действия — это упорядоченные последовательности простых действий.

Условия совершения действия

Для того, чтобы совершить какое-либо действие, человек должен как минимум *мочь* (быть в силах) его совершить, и *уметь* это делать. Для того, чтобы ходить, плавать, играть в шахматы, решать математические задачи, или вообще что бы то ни было делать, человек должен иметь физические или умственные силы для этого, и, кроме того, уметь совершать

определенные действия в определенной последовательности. В дальнейшем мы будем говорить только о тех действиях, которые по силам любому здоровому взрослому человеку. Что касается умения их совершать (то есть обладания соответствующей моделью поведения), то оно не может считаться чем-то данным заранее. Люди обучаются различным вариантам поведения в тех или иных ситуациях на протяжении всей своей жизни.

Поведение и понимание

Для того, чтобы научиться какому-то действию, совершенно не обязательно понимать, что, как, и зачем это делается. Большая часть поведенческих навыков усваивается людьми без размышлений. Люди, однако, способны анализировать свое (и чужое поведение), тем самым создавая для себя возможность управления им.

Мышление такого рода — это особая деятельность, которую можно охарактеризовать как *восприятие собственных действий*. Его результатом является *понимание*.

Понимание связано с тем, что в сознании появляется *новый* элемент. Понимание — это *различение*, разделение сознания, появление двух разных объектов мышления там, где был один¹ или вообще ничего не было (в таком случае речь идет об отличении объекта мышления от нейтрального «фона»). С точки зрения анализа поведения понимание является способностью различить в действии, которое раньше казалось простым, отдельные элементы. В таком случае это действие становится сложным, и, как правило, появляется возможность совершать его разными способами.

Это не значит, что действия, которые мы называли простыми, являются чем-то непонятным. Напротив, они воспринимаются человеком как нечто до такой степени понятное и «само собой разумеющееся», что он не различает их сложной структуры².

Поведение как последовательность действий сводится к тому, что *заведомо понятные* вещи соединяются в определенную последовательность и реализуются в виде действий. Поведение — это *соединение*. Любое поведение переживается примерно так: «*Сначала* надо сделать вот это, *потом* вот это, *после этого* вон то, и если сделать всё это *вместе и в нужной последовательности*, то получится все как надо». Короче говоря, понимание — это **деление** («/»), поведение — это **соединение** или **сложение** («+»).

Отношение поведения к мотивам и результатам действий

Необходимо различать поведение и его результаты. Человек совершает намеренные действия, и это является его поведением. То, что с ним при этом *происходит* — это уже не поведение, а его результаты, зачастую с поведением не связанные. Допустим, человек переходил улицу и попал в автокатастрофу. То, что в результате этого он скончался, является, если угодно, фактом биографии, но никак не его *поведением*. Это с ним *случилось*, произошло — но *не он это сделал*. Но точно так же, если человек пытался повеситься и

¹ Акт понимания переживается примерно так: «Я-то думал, что это всё одно и то же, а, гляди-ка, есть разница!».

² И полная темнота, и слишком яркий свет не позволяет ничего видеть. Так и «слишком ясное» понимание чего-то ничего не позволяет различить.

повесился, его смерть тем не менее не относится к его поведению. У него *получилось*, а могло и не получиться. Скажем, веревка могла оборваться. Сказанное касается и всех остальных человеческих дел. Мы можем *пытаться* что-то сделать, но что в результате этого *выходит* — другой вопрос (если угодно, *фактографический* или *исторический*).

С другой стороны, к поведению как таковому не относятся человеческие мотивы и побуждения. Человек под влиянием каких-то эмоций ведёт себя определенным образом, но мог бы вести себя иначе, будь он другим человеком или окажись в другой ситуации, или прийти ему в голову мысль, до которой он (случайно) не додумался в данный момент. Некоторые виды поведения могут вообще не сопровождаться какими-либо эмоциями: человек просто делает то, что полагается в данной ситуации — как, например, в случае профессионального поведения (на рабочем месте).

Итак, поведение — это нечто *среднее* между эмоциями и побуждениями (предметом психологии) и тем, что *получилось* (что относится уже к области фактов). Поэтому мы часто определяем поведение в терминах психологии или истории. «Он испугался» — это психологическое суждение. «Он ничего не добился» — это описание фактического положения дел. Но, например, утверждение «он действовал *правильно*» — это не оценка *намерений* человека (они могут быть любыми) или *результатов* его поведения (даже «правильные» действия могут в некоторых обстоятельствах привести к нежелательным результатам). Это характеристика поведения как такового.

Поведение является чем-то вполне самостоятельным и несводимым ни к переживаниям, ни к своим результатам и последствиям действий; это нечто *среднее* между «хотелось» и «получилось».

На вопрос: «*почему* (этот) человек себя *так* ведёт» можно дать три ответа. Первый ответ — «потому что ему *хочется* это сделать». Это относится к области мотивов или психологических побуждений. Для того, чтобы выяснить это, надо заниматься психологией данного индивида. Второй возможный ответ — «потому что он пытается *добиться* таких-то *результатов*». Это относится к области фактического положения дел. Для этого надо исследовать конкретную ситуацию и попытаться выяснить, чего же именно он добивается.

Следует заметить, что все эти выяснения могут *ничего* не дать: человек может иногда что-то делать *не* потому, что ему это нравится (это может быть совершенно не так), но и *не* потому, что он чего-то ждёт от своих действий (в некоторых случаях даже и не ждёт от них ничего хорошего или полезного для себя).

Но существует *третий* вариант ответа: человек что-то делает, потому что он *умеет* это делать. Он может делать что-то *только потому, что иначе не умеет*³.

Более того, *большая* часть наших поступков совершается *только по этой причине*. Сознательные решения принимаются людьми *крайне редко*. Глупость или отсутствие инициативы здесь не при чём. Просто для того, чтобы что-то *решить*, надо *выбрать* один из нескольких вариантов поведения, а для этого нужно как минимум *уметь* поступать по-разному. Очень часто мы владеем только *одним* вариантом поведения (в данной ситуации); ещё чаще мы знакомы с несколькими, но только одним владеем более-менее

³ См. сказанное выше о простых действиях.

сносно. И **мы поступаем не так, как нам хочется, и не так, как нам выгодно, а как умеем**, пусть это даже бывает невыгодно и неприятно. И это вполне объяснимо. Мы можем поступить *не так, как нам хочется* (пусть даже испытывая страдания). Мы можем поступить *не так, как следует* (пусть даже безрезультатно). Но мы *не можем* действовать так, как мы *не умеем* действовать, как не может играть на скрипке или водить машину тот, кто этому не учился.

Как правило, человек делает то, что *умеет делать лучше всего*. Это вполне достаточная причина для объяснения подавляющего большинства наших поступков в личной, профессиональной или общественной жизни.

Поведение *вырабатывается* на протяжении жизни. В некоторых случаях речь идет о сознательном обучении или самообучении человека определенному поведению, в других — о полусознательном подражании или даже о случайном образовании модели поведения. В некоторых случаях мы сами себе придумываем схемы поведения. Но изучать поведение можно и *помимо* этого, не интересуясь, где, как и от кого человек ему научился.

Противоречия между поведением и мотивами действий

Следует иметь в виду, что *законы поведения и законы мышления не совпадают*. Люди ведут себя не так, как мыслят. Более того, в некоторых отношениях законы мышления *прямо противоречат* законам поведения. Например, с *точки зрения мышления* человек относится к *самому себе* по-другому, чем к остальным людям: свои дела для него важны, а чужие нет, свои интересы для него близки, а чужие враждебны, себе он прощает всё, а другим ничего, и так далее. Требуется *усилие*, чтобы «посмотреть на себя объективно», со стороны. Но в то же самое время человек *ведёт себя* по отношению к себе обычно так же, как и к остальным, а именно — *так, как умеет*. Если ему, к примеру, надо заставить себя что-то делать, он, как правило, действует так же, как если бы он заставлял другого человека: если он склонен уговаривать других, он уговаривает и себя, если привык орать — орет и на себя мысленно. И никакого противоречия тут нет: он, может, и хотел бы обращаться с собой иначе, чем с другими, но он *не умеет* этого делать. Более того, при попытке обращаться с собой иначе, чем с другими (или с другими иначе, чем с собой), у него может вообще ничего не получиться, поскольку он не умеет вести себя иначе.

Общество: функциональное определение

Общество, с точки зрения его членов — это прежде всего **возможность совместной деятельности людей, или координации их поведения**.

Люди, которые могут наблюдать друг за другом, видеть и слышать друг друга, даже касаться друг друга (например, в переполненном автобусе), тем самым ещё не составляют никакого общества. В таких случаях говорят, что между ними «нет никаких отношений».

Далее, они могут думать друг о друге, иметь какие-то мнения друг о друге, но и это не позволяет их считать обществом. (Что бы ни думали друг о друге люди в автобусе, это остается их личным делом).

Наконец, люди могут *воздействовать* друг на друга (например, толкаться) — но, тем

не менее, нельзя сказать, что тем самым они составляют общество: это *не те* отношения, которые мы называем *общественными*.

Но, предположим, что в переполненном салоне автобуса кому-то надо выйти. Ему придётся обратиться к другим людям: чтобы он мог пройти к выходу, они должны его пропустить. Это действие, которое можно выполнить только сообща. И вот тут, пусть даже на короткое время, между людьми возникают *общественные отношения*.

«Совместными действиями» можно считать всё, что предполагает *координацию поведения* хотя бы нескольких человек. При этом, как уже было сказано, намеренное бездействие тоже считается частью поведения. При совместной деятельности часто возникают ситуации, когда воздержание от действий со стороны одних людей является условием успешной деятельности других, и наоборот — действия одних людей могут препятствовать действиям других. Например, если человек чем-то занят, а окружающие просто не мешают ему (например, не шумят, не заходят в его комнату), то это следует понимать как пример координации поведения.

Общество: субстанциональное определение

Выше было приведено функциональное определение общества, а именно — утверждение о том, *что оно делает*, причем при взгляде *изнутри*, с точки зрения находящихся в нем людей. Но общество можно рассматривать и извне, задаваясь вопросом о том, *что оно есть* «по своей сути» — или, более точно, *из чего оно состоит, какими существенными свойствами обладает, и как устроено*.

Устройство общества будет рассматриваться ниже. Тем не менее следует ответить на вопрос, из чего оно состоит. Кажется совершенно очевидным, что общество состоит *из людей*, как дом — из кирпичей, а тело — из мяса и костей. Тем не менее и это неверно, хотя бы потому, что какие-то люди могут покинуть общество, да в конце концов и покидают его через известный промежуток времени (поскольку все люди смертны), а общество останется *тем же самым*. И, наоборот, *все* люди могут оставаться в обществе (иногда даже на тех же самых местах) но общество станет *другим* (как, например, в периоды переустройства).

Из этого следует, что общество не *состоит* из людей. Оно не состоит даже из отношений между ними. **Общество — это сила, которая соединяет людей вместе.** Можно сказать, что общество состоит из этой силы. Что касается членов общества, то они не являются, строго говоря, его частями, в том же самом смысле, в котором кирпичи являются частями стены. Их можно, скорее, сравнить с намагниченными кусочками железа, которые притягиваются друг к другу и отталкиваются друг от друга, образуя сложные узоры. Все они находятся в общем магнитном поле, пусть даже и создаваемом ими самими.

Прим. W.: всё просто — общество является *системой*.

Множественность обществ и время их существования

Можно ли в рамках подобных определений говорить о *разных* обществах? — Да, можно; например, две группы людей, не ведущих и не могущих вести никакой совместной

деятельности, принадлежат к разным обществам.

Что касается времени существования каждого общества, оно может быть любым. По сложившейся традиции словом «общество» называют в основном те образования, которые существуют достаточно долго (скажем, столетия). Но это условие совершенно произвольно; мы будем считать обществом все объединения людей, которые обеспечивают возможность совместной деятельности и координации поведения людей, и в которых поддерживаются общественные отношения.

Общественные отношения

Под *общественными отношениями* (или общественными связями) можно понимать все то, что позволяет людям осуществлять те или иные совместные действия, или координировать свое поведение. С точки зрения отдельного человека система общественных отношений, в которую он включен — это его готовность (согласие) или неготовность (несогласие) делать (в настоящем или будущем) те или иные дела совместно с другими людьми.

Участники общественных отношений

Участниками общественных отношений являются люди. При этом предполагается, что они *способны управлять своим поведением*, в частности — *устанавливать и прекращать отношения между собой* по своей собственной воле⁴, то есть могут принимать решения о том, «с кем иметь дело».

Следует иметь в виду, что совместные действия далеко не всегда предполагают, что все их участники находятся в одном месте и действуют в одно и то же время. Например, строительство собора может продолжаться многие годы. Архитектор, проектировавший здание, мог заняться совершенно другими делами, или даже умереть. Тем не менее люди, реализующие его планы, действуют совместно с ним, — а, значит, между ними существуют отношения. Другой пример: муж и жена, оказавшиеся в разных городах, и не имеющие возможности общаться друг с другом, тем не менее остаются между собой в супружеских отношениях, что подразумевает сложную совместную деятельность (например, муж покупает жене заказанные ею вещи, жена стирает его белье, и т. д. и т. п.).

Поведение и общественные отношения

Совместные действия, совершаемые членами общества, чрезвычайно разнообразны. Подавляющее большинство этих действий необходимы для поддержания жизни и благосостояния людей, и не являются «социальными». Общество сделало эти действия

⁴ Эта способность, однако, ограничивается извне целым рядом факторов — начиная от «объективных обстоятельств», включая физическую невозможность совместной деятельности (например, различное местонахождение), а также разного рода коммуникационные барьеры (если люди говорят на разных языках), и кончая разнообразными историческими и культурными ограничениями (если они принадлежат к различным конфликтующим группам, — скажем, национальным или религиозным). Кроме того, в любом обществе имеются определенные отношения, которые практически никем не контролируются. Эти отношения, как говорится, складываются сами собой, помимо сознательных решений людей. Ниже мы рассмотрим это подробнее.

возможными, но не более того: совместное вскапывание огорода или работа на конвейере могут и не нести в себе никакого «социального» смысла.

Некоторые действия, однако, направлены не только на внешние объекты, но и *на само общество*, то есть затрагивают саму возможность совместной деятельности. Такие действия имеют «социальный» смысл. Так, передача за столом солонки является одновременно и прагматическим действием (соль нужна, чтобы посолить пищу), и социальным действием (подтверждающим «хорошие отношения» в семье). Кроме того, существуют и «чисто социальные» действия, не имеющие никакого прагматического смысла (например, приветствие при встрече). В дальнейшем мы будем игнорировать прагматическую сторону человеческого поведения, сосредоточившись только на её социальном смысле.

Если рассматривать общество в те моменты, когда его структура не меняется («синхронно»), то можно видеть, что *социальное поведение* людей сводится всего лишь к двум основным вариантам: *поддержанию отношений* с другими людьми и *уклонению от отношений* с ними.

Важно отметить, что уклонение от отношений выражается в *действиях*, равно как и участие. Под уклонением здесь понимается не пассивность, а *сопротивление*, оказываемое человеком при попытке привлечь его к участию в отношениях, в которые он вступать не хочет. Оно, разумеется, может быть активным (когда, например, человек говорит «нет» или демонстративно отворачивается в ответ на какое-то предложение), или пассивным (он просто игнорирует то, что ему говорят), но в данном случае это неважно.

Если рассматривать моменты изменения структуры общества («диахронно»), то картина усложняется: социальное поведение людей в таком случае включает в себя *установление* отношений и их *разрыв*. Такими действиями являются, например, знакомство или ссора. Это действия, так сказать, «второго порядка» по отношению к тем, о которых уже говорилось — то есть к поддержанию отношений и уклонению от отношений.

Односторонние и двусторонние действия

Все действия, совершаемые людьми, можно разделить на *односторонние* (асимметричные) и *двусторонние* (симметричные).

Односторонними (асимметричными) можно назвать действия, которые человек совершает (по отношению к другим людям или вещам) *один*, не нуждаясь в постороннем содействии.

Двусторонние (симметричные) действия, напротив, таковы, что они не могут быть совершены без помощи и участия других людей⁵.

⁵ Классификация совместной деятельности по указанным признакам является широко распространенной и часто воспроизводится в социологической литературе. Изложение можно найти, например, у П. Сорокина («Система социологии», Т. I, гл. 5, § 2). Однако интерпретация классифицируемого поведения сильно различается. (Ср., напр., понимание смысла односторонних и двусторонних отношений у Сорокина и здесь).

Типы общественных отношений

Поскольку общественные отношения поддерживают возможность тех или иных действий, то, казалось бы, логично предположить, что существуют односторонние и двусторонние общественные отношения.

Ситуация, однако, несколько сложнее. Представим себе, что два человека несут бревно, но только один определяет, куда именно его нести: он молча идет в определенную сторону, а второй просто следует за ним. Здесь *совместная* по сути деятельность предполагает — в качестве неперемного условия — определенные *односторонние* действия. Нести бревно могут только двое; но выбирать направление должен кто-то один, иначе возникнет известная ситуация из басни про лебедя, рака и щуку. Значит, существуют какие-то общественные отношения, которые делают возможной подобную сложную деятельность — то есть позволяют одновременно реализовываться и односторонним, и двусторонним действиям.

С другой стороны, существуют ситуации, когда люди совершают действия определенного типа (допустим, асимметричные) и при этом уклоняются или сопротивляются попыткам вовлечь их в действия другого типа (допустим, симметричные). Человек, говорящий «я сам», когда ему предлагают помощь, ведет себя именно таким образом. Он не просто делает что-то сам; он активно сопротивляется попыткам других людей поучаствовать в его делах.

В общем случае, существуют всего четыре альтернативы: человек может поддерживать оба типа действий (симметричные и асимметричные), поддерживать один из них и уклоняться от другого, или уклоняться от обоих. Соответственно, можно ввести четыре типа общественных отношений.

С этого момента в дальнейших рассуждениях будут использоваться условные обозначения. Обозначим двусторонние (симметричные) действия символом P , а односторонние — S . Если речь идет об уклонении от соответствующих действий, имеет смысл обозначить это знаком отрицания (в виде черточки над буквой). Так, уклонение от односторонних отношений будем обозначать через \bar{S} , а от двусторонних — через \bar{P} .

Таким образом, все общественные отношения можно классифицировать так:

	Участие в односторонних действиях	Уклонение от односторонних действий
Участие в двусторонних действиях	PS	$P\bar{S}$
Уклонение от двусторонних действий	$\bar{P}S$	$\bar{P}\bar{S}$

Отношения собственности

Когда мы говорим о собственности на что-то, или обладании чем-то, мы часто подразумеваем под ними какие-то особые отношения между человеком и *вещами*. Но это неправильно. Отношения собственности — это отношения между человеком и другими людьми. Нельзя даже сказать, что это отношения между людьми *по поводу вещей*. Как и во

всех остальных случаях, это отношения по поводу *действий* (в том числе, разумеется, и действий над вещами).

Отношения собственности сводятся к тому, что человек не позволяет другим людям участвовать в своих действиях (допустим, над какой-то вещью), причем все остальные *считаются* с этим. Ребенок, прижимающий к себе игрушку со словами «*это моё!*», утверждает свое право собственности на данную вещь. В данном случае слово «*моё*» означает просто «не смейте это трогать». Точно так же можно сказать «*это моя мысль*», утверждая свое право собственности на нематериальный объект. Наконец, никакого объекта собственности может и не быть. Человек может сказать «*это моё дело*», имея в виду только то, что он намерен заниматься им сам, и только сам, без постороннего вмешательства. Таким образом, отношения собственности могут вообще не иметь в виду никакие предметы собственности, будь то материальные объекты или что-то другое.

Отношения собственности устанавливаются в результате особых действий «второго порядка». В данном случае их можно назвать *присвоением*. Разумеется, попытка установить подобные отношения может быть и неудачной (например, окружающие могут и не посчитаться с претензиями индивида на единоличное обладание какой-то вещью, или его исключительным правом заниматься каким-то делом).

Описанные отношения подразумевают участие в односторонних отношениях и уклонение от двусторонних, то есть описываются формулой $\bar{P}S$.

Отношения принадлежности или участия

Отношения *принадлежности* (к чему-то, общему для нескольких людей, — например, к коллективу, группе и т. п.), иногда называемые ещё отношениями *включенности, участия* или *членства*, являются своего рода противоположностью отношений собственности. Они сводятся к тому, что человек совершает определенные действия только совместно с другими людьми, но не сам по себе.

Примерами таких отношений являются семейные, дружеские, и прочие групповые связи между людьми. Именно этот класс отношений *объединяет* людей, позволяя им создавать разного рода коллективы.

Подобного типа отношения можно ещё назвать отношениями типа «*часть/целое*», где целым является коллектив.

Эти отношения подразумевают участие в двусторонних отношениях и уклонение от односторонних, то есть описываются формулой $P\bar{S}$.

Понятия коллектива и общности

Выше было сказано, что общество нельзя рассматривать как нечто, состоящее из людей. Тем не менее существуют социальные объекты, состоящие из людей как из частей. Их можно называть группами, коллективами, и т. д. и т. п.

Коллектив — это множество людей, связанных между собой отношениями принадлежности (к данному коллективу), то есть отношениями типа $P\bar{S}$. Разумеется, в коллективе людей могут связывать и другие отношения, но отношение принадлежности

является *необходимым* условием пребывания человека в коллективе.

Таким образом, всякий реальный коллектив состоит из людей, у которых есть какое-то общее дело.

При этом совершенно необязательно предполагать, что каждый человек в коллективе должен обязательно поддерживать личные отношения со всеми остальными его членами⁶.

Промежуточным образованием между «обществом» и «коллективом» является то, что мы сочли возможным назвать словом «общность». Общность — это совокупность людей, косвенно связанных друг с другом односторонними отношениями по поводу одних и тех же объектов или действий. Общностью, например, можно назвать какое-нибудь поселение, в котором все люди живут за счет натурального хозяйства и не имеют общих занятий, но соблюдают нормы общежития (например, не нарушают границ чужих участков). Общностью можно назвать и жителей одного дома в крупном городе, где каждый ходит на свою работу и не общается с другими жильцами — однако, не выкидывает мусор на лестничную клетку и не досаждают соседям ночным шумом.

Властные отношения

Этот тип отношений заслуживает особого внимания, поскольку его часто смешивают с отношениями собственности. Это не вполне верно. Властные отношения действительно предполагают асимметричные (односторонние) отношения между управляющим и управляемыми. Но столь же верно и то, что они включают в себя и симметричные (двусторонние) отношения между ними.

Тот, кто управляет неким коллективом, или имеет власть в этом коллективе, сам является частью этого коллектива. Управляющая система всегда является частью управляемой системы. Власть можно определить как ситуацию, когда *человек обладает тем, частью (или участником) чего является он сам*. Такого человека можно рассматривать как своего рода «собственника» того коллектива, в который включен он сам.

Поясним это подробнее. Что, собственно, вообще заставляет того, кто управляет чем-то, действовать *в интересах* (или, как минимум, *считаясь* с интересами) управляемого? Только то, что он сам — часть того, чем он управляет⁷.

Отношения собственности и участия — это отношения между людьми по поводу совершаемых ими действий. То же самое верно и для властных отношений. Управляют, собственно, не людьми, а *действиями* людей.

Специфика властных отношений определяется тем, что на управление можно смотреть с *двух* разных точек зрения, и обе являются правильными. С одной стороны, управление какой-то деятельностью является частью той деятельности, которой управляют. Если какой-то коллектив людей что-то делает совместно (скажем, строит дом), то человек, распоряжающийся строительством, безусловно, *участвует* в строительстве дома. С другой

⁶ Коллектив — отнюдь не то же самое, что «контактная группа».

⁷ Хороший руководитель (как и хороший политик) вообще очень остро ощущает свою принадлежность к тому, чем он руководит или правит — хотя, в другом смысле, он этим же владеет. Из пересечения этих ощущений и возникает то, что называется «чувством ответственности».

стороны, он не позволяет вмешиваться в свои действия управляемым: его распоряжения должны ими просто выполняться.

Властные отношения основаны на участии в односторонних и двусторонних отношениях одновременно, то есть описываются формулой *PS*.

Независимость

Тип отношений, которые можно назвать *изолирующими*, или отношениями *независимости*, основаны на сознательном уклонении индивида как от односторонних, так и от двусторонних отношений, и описывается формулой \overline{PS} .

Эти отношения по своему смыслу противоположны властным. По сути дела, это *отказ* индивида совершать какие-то действия как самому, так и совместно с кем-либо, причем все остальные *считаются* с этим. О человеке, который установил подобные отношения с другими людьми по поводу каких-то действий, мы говорим, что он *свободен* от этих действий (например, от определенных обязанностей). Как и в предыдущих случаях, свобода — это свобода от необходимости совершать какие-то действия; свобода — это свобода чего-то не делать.

Следует иметь в виду, что независимость — это именно особый *тип* общественных отношений, а не *отсутствие* таковых. Жить в обществе и быть свободным от общества возможно, — если общество признает за индивидом подобное право. Свобода — нечто, существующее только *внутри* общества, равно как и власть. *Вне* общества эти понятия просто теряют всякий смысл: свобода — это свобода от определенных отношений с другими людьми, а где нет других людей, там нет и свободы (как, впрочем, и несвободы)⁸.

Человек как участник общественных отношений

Выше уже было сказано, какими свойствами должны обладать возможные участники общественных отношений. Далее были описаны сами отношения. Они были введены именно как отношения *между* людьми для координации совместного поведения. Возникает, однако, вопрос: *как человек может относиться к самому себе* (если, повторяем, речь идет только об отношениях, описанных выше?)

На первый взгляд, ответ на подобный вопрос очевиден. Так как речь идет об общественных отношениях, то отдельный человек вступает в них только в тех случаях, когда он взаимодействует с другими людьми. Вне общества, наедине с собой, он ни в каких общественных отношениях не участвует.

Но так ли это? Общественные отношения порождаются необходимостью координации совместной деятельности. Но и в полном одиночестве человеку приходится координировать свое поведение. Пытаясь совместить разные дела, или удерживая себя от какого-то действия, или создавая себе условия для успешной деятельности, и в прочих подобных случаях, человек вступает с самим собой в те же самые отношения, в которые он

⁸ Робинзон Крузо не был на своем острове более (или менее) свободен, чем в Лондоне: это понятие было вообще неприложимо к его поведению. Нельзя даже сказать, что он «мог делать всё, что хотел». Например, ему хотелось поговорить с другим человеком, но он не мог осуществить подобные желания.

вступает с другими людьми.

Таким образом, отдельного человека, даже в случае его изоляции от других людей, не всегда можно рассматривать как находящегося вне общества. Как правило, он находится в *обществе самого себя*.

В таком случае можно прибегнуть к *рекурсивному описанию* — *то есть определить свойства объекта через его отношение к самому себе*. Такое описание не сводится к порочному кругу: фактически речь идет всего лишь о том, что данный объект обладает определенным свойством, пусть даже и проявляющимся прежде всего для самого этого объекта⁹.

Остается определить, как именно человек относится к себе. Поскольку ему приходится координировать свою собственную деятельность (то есть увязывать одни свои дела с другими), то можно сказать, что он *управляет* своим поведением.

Итак, мы считаем «человеком» существо, *управляющее само собой*, то есть могущее быть определенным отношением вида $x = PS(x)$.

Если следовать этому определению, то получается, что человек является *частью самого себя и владеет собой*.

Первое будем считать очевидным. Куда интереснее второе обстоятельство — что человек является *своей* (же) *собственностью*. Это значит, что сила, соединяющая людей вместе, соединяет и всё то, что составляет человека, причем несимметричным образом: в человеке есть нечто (являющееся, разумеется, самим человеком), *владеющее* всем остальным (то есть опять-таки самим человеком).

Это странное свойство «обладания собой», самообладания (из которого тут же логически следует и власть над самим собой) делает человека очень своеобразным существом. Кажется, что в нем самом объединены «обладатель» и «обладаемое», причем объединены до неразличимости. Тем не менее эти две стороны человека всё время пытаются как-то различить. Управляющую человеком сторону его существа обычно называют «душой» или «разумным началом», или как-то иначе. Тем самым, конечно, не дается никакого определения «разума» или «души». Здесь только указывается на то, в каком отношении «душа» относится к человеку в целом: она им *обладает*, и, как следствие, *управляет* им.

Разумеется, самообладание и власть над собой нисколько не исключают того факта, что человек, как правило, подвластен далеко не только себе самому, но и многому другому (прежде всего другим людям). Но сколь бы зависимым и слабым не был бы данный человек, *он является человеком только потому, что* (в принципе) *способен управлять самим собой*. «Неуправляемый» (самим собой) человек *невменяем*, то есть не может быть участником общественных отношений¹⁰. Как говорят в таких случаях, он «не в себе». Все

⁹ Формула вида $x = f(x)$ вполне корректно определяет множество значений x . Фактически, рекурсивные определения являются естественным расширением (точнее, обобщением) обычных (предикаторных) определений вида $x = A$.

¹⁰ Данное условие можно понимать как необходимое и достаточное условие того, что мы называем вмениемостью в смысле «нормальности». Мы считаем «нормальными» всех людей, способных управлять собственным поведением. Все остальные критерии нормы (в том числе и такой, как способность и желание

«чисто человеческие» свойства определяются через человеческую способность управлять собой. Так называемая *свобода воли* в конечном итоге сводится к тому же самому — способности управлять собой.

Животные не обладают такой способностью, поскольку лишены «самообладания». Они не управляют своим поведением. Это не значит, что они управляются кем-то или чем-то извне. Они управляемы собственными инстинктами, которые не являются частью их самих. Это, скорее, *видовые* признаки. Если «управлять» — значит «определять поведение», то можно сказать, что животными «управляют» их *виды*. Но отдельные люди, в отличие от отдельных коров и лошадей, способны управлять собой сами. Отдельный человек с точки зрения *природы* — это *индивид, имеющий некоторые свойства вида*.

В этом смысле само обозначение человека как «индивида» этимологически не вполне правильно. Латинское слово *individuum* означает буквально *неделимый*, «атомарный», лишенный внутренних различий. Но именно эти различия внутри человеческого сознания и делают возможным самообладание, а, следовательно, и власть над самим собой. Можно говорить не о неделимости, а об *отделенности* человека — то есть о внутренних различиях, позволяющих сознанию управлять собой, и его отделенности от вида, «отдельности».

Следует, однако, иметь в виду, что *полное* самообладание в принципе невозможно. Чем более дифференцировано, *раздельно* внутри себя сознание человека, тем большей власти над собой он может достичь. Но эта власть никогда не может быть полной: какие-то части сознания (прежде всего управляющие человеком) сами оказываются *неуправляемыми*. В этом смысле человек — это всегда только *более или менее* человек, человек «в какой-то мере». Никакой человек не может полностью овладеть свойствами вида, хотя эти свойства в той или иной мере *концентрируются* в отдельном человеке.

Видовую компоненту индивида сейчас принято (опять-таки неправильно) называть «индивидуальностью», понимая её как уникальность и неповторимость отдельного человека. За этим термином стоит представление о человечестве как о виде живых существ, чьи особи очень сильно различаются между собой — в отличие от почти неотличимых друг от друга львов, тигров и дождевых червей. На самом деле в человеке сравнительно сильна не индивидуальная, а именно *видовая* характеристика. Отдельный человек является «своим собственным обществом» и, в какой-то мере, *своим собственным видом*.

Если при этом вспомнить субстанциональное определение общества как силы, соединяющей людей вместе, то об отдельном человеке можно сказать, что та же самая сила действует и *внутри него*.

Восприятие индивидами общественных отношений: четыре смысла слова «своё»

индивида находится в обществе других людей) не относятся к делу. Отшельник, живущий в пустыне и не желающий видеть людей, нормален, пока он способен управлять собственным поведением (пусть даже это выражается в соблюдении поста). С другой стороны, паталогически общительный человек, неспособный прекратить собственную болтовню, может оказаться гораздо менее нормальным.

Люди не только участвуют в общественных отношениях; они ещё и *осознают* это. Кроме того, общественные отношения являются предметом чувств и переживаний вовлеченных в них людей; не будет ошибкой сказать, что общественные отношения волнуют людей едва ли не больше, чем все остальное. В наши задачи не входит рассмотрение эмоций, порождаемых социальной активностью людей; это задача психологии. Тем не менее следует указать, каким образом люди обычно осознают и выражают свою вовлеченность в общественные отношения.

Социальное поведение, в основе своей общее для всех людей, выражается в словах и понятиях, ясных и очевидных для всех людей без исключения.

Наблюдение показывает, что все четыре типа общественных отношений выражаются в большинстве языков мира общим понятием «своё».

Своим человек может называть, во-первых, то, что *принадлежит ему* (вещь, территорию, ребенка, место за столом, профессию, должность, и так далее). Это понимание «своего» в смысле «собственности», то есть отношения, описываемого формулой \overline{PS} .

Кроме того, *своим* человек может называть то, к чему *принадлежит он сам* (семью, народ, организацию, партию, поколение, что угодно). В первом случае можно говорить о *собственности*, во втором — о *принадлежности* или *причастности*. Ясно, что смысл слова «своё» здесь меняется: когда кто-то говорит «это моя вещь», это значит совсем не то же самое, что и «мой народ». Здесь речь идет не об имуществе, но, напротив, о принадлежности к некоторой общности или коллективу.

Далее, человек может называть *своим* то, с чем находится в отношениях власти или подчинения, то есть в отношениях типа PS . Совершенно очевидно, что выражение «мой начальник» (впрочем, как и «мой подчиненный») имеет иной смысл, чем «моя вещь» или «мои друзья».

Наконец, существует и четвертый смысл слова *своё*. Он проявляется, когда человек говорит про что-нибудь «это моё право». Речь не идет о какой-либо собственности, об отношениях с коллективом, или о властных отношениях. Здесь речь идет о свободах, которыми «обладает» индивид в обществе, то есть о том, что определяется как отношения типа \overline{PS} .

Никакого *общества*, члены которого не понимали бы, что такое *свое* и *чужое*, быть не может. Общество в целом, как и конкретные общности людей, как раз и представляют собой сложные сплетения *своего*, *чужого*, *общего*, *ничейного* и т.п.

Границы своего и чужого определяют границы возможного поведения. Так, разница между некоторой суммой *своих* денег, и точно такой же суммой *чужих* денег очень велика, несмотря на то, что речь может идти об одной и той же купюре. Вся разница в том, *что человек может сделать с ней*. Разумеется, дальнейшее поведение может быть очень и очень разным (свои деньги можно поберечь или потратить разными способами, чужие можно, например, заработать или присвоить, и тоже очень разными способами), но всё дальнейшее поведение человека определяется тем, *чьи* это деньги. Точно так же можно очень по-разному относиться к своей и чужой семье, но это поведение изначально задано

тем, чья это семья.

Собственность и принадлежность, зависимость или независимость могут ощущаться (то есть пониматься) человеком в большей или меньшей степени. Тем не менее, при всех разнообразных вариациях, сами понятия остаются неизменными. Они могут только *накладываться* друг на друга, взаимно усиливать или ослаблять друг друга, или взаимно исключать друг друга.

Основные сферы деятельности

Назовем совокупность действий, реализующих одно из указанных выше общественных отношений, *сферой деятельности*. Сферы деятельности состоят из моделей поведения, то есть способов реализации тех или иных общественных отношений, которые могут складываться в обществе и могут передаваться от одного человека к другому путем обучения.

Общество может рассматриваться как *четыре взаимосвязанные сферы деятельности*, каждая из которых влияет на другие.

Перечислим их. Во-первых, это *сфера отношений собственности*, куда входят и *экономические отношения*. Положение дел в этой сфере определяет поведение людей относительно своей собственности, всего того, чем они владеют¹¹.

Во-вторых, это *сфера социальных отношений*, которые можно ещё называть *коммунальными*¹². Положение дел в этой сфере определяет поведение людей относительно различных групп и объединений, в которых они участвуют — начиная от своей семьи и вплоть до таких общностей, как «свой народ».

Именно в этой сфере протекает жизнь подавляющего большинства населения любой страны. Более того, само понятие *населения* или *народа* тесно связано именно с этой сферой.

В-третьих, это *сфера властных отношений*. Как уже было сказано, власть — это обладание тем *целым* (например, группой людей), в которое сам обладающий входит как *часть*. В этой сфере определяются механизмы *управления*, то есть деятельности по поддержанию такой ситуации.

Последнюю сферу деятельности можно назвать *сферой культуры*. Она образуется в результате изолирующего поведения. Практически, эта сфера связана с такими явлениями, как наука, искусство, религия — в общем, со всем тем, что называют словом «культура».

Эти утверждения могут показаться не вполне очевидными. В самом деле, какое отношение имеет изолирующее поведение, направленное на освобождение индивида от необходимости нечто делать, к тому, что мы называем культурой, особенно если её понимать достаточно широко (то есть включать в неё все материальные и духовные достижения человечества)? — Но все «достижения культуры» (начиная от техники и кончая искусством) имеют, в конечном счете, единую цель: *они позволяют достичь*

¹¹ В настоящее время эта сфера более или менее совпадает с "экономической сферой". Но так было не всегда, поскольку не всегда товарообмен и финансы играли существенную роль в жизни людей. *Собственность* далеко не всегда была обязательно *товаром*.

¹² Термин впервые использован А. Зиновьевым.

определенного результата, не совершая при этом тех действий, которые обычно к нему приводят. Так, например, автомобиль позволяет попасть в определенное место, не идя туда пешком. Литературное произведение позволяет пережить определенные эмоции, не участвуя в событиях, которые эти эмоции обычно вызывают. Короче говоря, с помощью объектов культуры и действий с ними становится возможным *избежать* необходимости совершать определенные действия.

Разумеется, предлагаемые культурой заменители не идеальны. Во-первых, предлагаемая замена бывает хуже оригинала, хотя бывает и наоборот. Во-вторых, необходимость пользоваться объектами культуры (материальной или духовной) вызывает появление новых моделей поведения, зачастую более сложных, чем предшествующие¹³. Но они тоже могут вызвать желание освободиться от них¹⁴. Как правило, такие попытки приводят или к отказу от каких-то культурных достижений, или к «замене заменителей», то есть к дальнейшему развитию культуры.

Следует заметить, что первый выход далеко не всегда является худшим по сравнению со вторым. Культура часто делает ошибки. Иногда приходится отказываться от замены тех действий, которые крайне тягостны и вызывают желание избавиться от них, — однако заменитель оказывается ещё менее приемлемым¹⁵.

Строение общества

Если определять общество как *совокупность* четырех сфер деятельности, неизбежно возникает вопрос об *устройстве* этой совокупности, то есть — каким образом эти сферы *связаны* друг с другом. Если сферы деятельности как-то *соотносятся* друг с другом (а это именно так), то между ними должны быть какие-то связи, различия, то есть какая-то *структура*. Такую структуру можно было бы изобразить в виде рисунка или диаграммы.

Прежде всего следует выяснить, какого рода отношения между сферами мы должны учитывать. Легко предположить, что разные типы общественных отношений могут *зависеть* друг от друга. Но легко заметить и то, что большая часть этих взаимосвязей зависит от типа общества, его истории, текущего момента, в общем — от множества случайных факторов. Заранее постулировать какие бы то ни было виды зависимости одних сфер деятельности от других нельзя¹⁶.

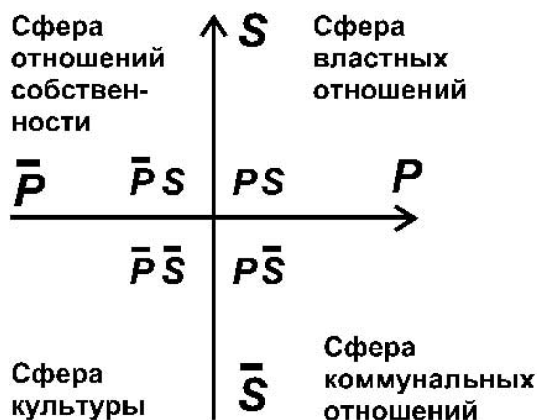
¹³ В этом процессе часто усматривают «суть» культуры, которая в таком случае оказывается усложнением ради усложнения. На самом деле это является лишь следствием, хотя и очень значимым, человеческих попыток упростить жизнь, избавившись от необходимости совершать определенные действия.

¹⁴ Например, идти пешком медленнее и тяжелее, чем ехать в автомобиле, но пользоваться автомобилем сложнее и даже опаснее, чем идти пешком.

¹⁵ Достаточно вспомнить историю попыток тех или иных обществ избавить своих членов от физического труда. Рабство оказалось плохим заменителем; по целому ряду причин от него пришлось отказаться, хотя во многих отношениях оно было куда удобнее, чем нынешняя техника.

¹⁶ Хотя нечто подобное предполагается в разных теориях общества очень часто. Маркс, например, считал, что от сферы собственности зависят все остальные сферы деятельности, причем эта зависимость является более значимой, нежели «обратные связи» от них — к ней. Макс Вебер придерживался прямо противоположной точки зрения, постулируя большую зависимость сферы собственности от культуры. Вполне возможно, что подобные «определяющие» зависимости действительно существуют, но нет никаких

Поэтому предположим, что все четыре сферы деятельности независимы друг от друга. В таком случае общество можно условно изобразить в виде плоскости, образованной двумя координатными осями:

Исторический экскурс: традиционное общество

Изучение реальных исторических обществ удобнее всего начать с так называемых *традиционных* — не потому, что они примитивно устроены, а потому, что их устройство более открыто для изучения, чем устройство современного мира.

Классическим традиционным обществом было древнеиндийское общество с его *кастовой системой*. Оно строилось на достаточно простых и вполне рациональных принципах. Основным постулатом было утверждение, что *человек может хорошо освоить поведение только одного типа*, причем желательно, чтобы он вёл себя таким образом *всю жизнь*, а его дети будут *вести себя так же*, как и он, поскольку научатся соответствующему поведению у него.

Утверждение о том, что человек может делать хорошо только что-нибудь одно, не является «естественным». Мы имеем дело с сознательно проводимым принципом построения общества. Это не значит, что общество не может быть построено как-то иначе.

Как известно, каждый человек в Древней Индии принадлежал к одной из четырех каст, или варн. Касты, или варны — это, собственно, сферы деятельности того или иного свойства. Они назывались: *Виш*, или каста собственников-вайшьев¹⁷; *Кшатра*, или каста воинов и правителей — *кшатриев*; *Брахмана*, или каста жрецов и хранителей знания — *брахманов*, а также каста слуг и «простолюдинов» — *шудр*. Человек рождался в определенной касте и от родителей усваивал соответствующие модели поведения, которые передавал потом своим детям.

Примечание W.: варны и касты — это не одно и то же, но в этом контексте не имеет значения.

Во всех четырёх сферах деятельности поддерживались очень жесткие нормы

оснований предполагать, что они одинаковы для любого возможного общества.

¹⁷ Вайшьи были именно *собственниками*, и далеко не все они занимались торговлей. Основу касты первоначально составляли богатые землевладельцы, нечто вроде «кулаков». Торговцы стали доминировать в касте несколько позже — когда роль торговли вообще возросла в связи с ростом городов и экономическим развитием общества.

поведения. Так, брахманам запрещалось иметь сколько-нибудь значительную собственность, а также участвовать во множестве занятий, разрешённых или даже обязательных для всех остальных каст. Их задачей было поддержание и воспроизведение определенных культурных явлений (например, передача знания). Главной обязанностью кшатриев было управление обществом и его защита (то есть война); основным занятием вайшьев — накопление имущества всеми доступными способами. Шудры считались служащей кастой, и ценились низко, поскольку в древнеиндийском обществе не было особенной нужды в совершении сложных коллективных действий¹⁸.

При этом психологическая готовность или неготовность человека вести себя определенным заранее образом, «склонности» людей к определенному типу поведения не принимались во внимание. Считалось, что *поведение не зависит от каких бы то ни было склонностей или подсознательных желаний*. Поведению учатся, а хорошо научиться можно только чему-то одному, одного типа. И начинать это обучение лучше с момента рождения, с подражания родителям.

Понятно, что такая система долгое время казалась и очень устойчивой, и довольно эффективной — до тех пор, пока предположения, лежащие в её основе, соответствовали действительности. А это имело место до тех пор, пока жизнь оставалась относительно неизменной, приращение нового знания не оказывало влияния на жизнь общества, коммерция была побочным явлением по сравнению с домоводством (натуральным хозяйством) и т. д. и т. п.

Исторический экскурс: Древний Рим

Другим примером традиционного общества можно считать систему, установившуюся в Римской империи в позднюю эпоху, когда резко возросла ценность стабильности и порядка. В этот период истории уже существовала коммерция как вполне самостоятельное явление, государство превратилось в чрезвычайно сложный механизм и т.д.

Здесь разделение общества на четыре сферы было довольно своеобразным, а именно культурно-этническим. Власть находилась в руках римлян-латинян, и из них же в основном состоял *plebs*, «простой народ», то есть люди, ценность которых исчерпывалась в основном их потомством. Бизнесом — а также и наукой, философией и искусством — занимались в основном греки. Эта система получила название «эллинизма» и просуществовала до конца античного периода.

Жесткого кастового деления в античном мире не существовало. Аналогичную роль играла своего рода система предрассудков, регулирующая общественное устройство зачастую эффективнее любых писаных законов. Так, например, латиняне считали занятия наукой и философией в качестве профессии чем-то лично для себя неприемлемым и даже

¹⁸ Любопытно, что в древнеиранском обществе положение этой варны было несколько иным. Древнеиранское общество имело ту же структуру, что и древнеиндийское, но было несколько более равновесным. Оно делилось на два непродводящих класса (жрецы и воины), и два производящих, а именно — крестьян (земледельцев и скотоводов) и ремесленников. Эти последние отличались тем, что нуждались в оплате своего труда, поскольку сами не производили пищи. Их социальный статус был, судя по всему, не столь низким, как в Индии.

признавали за собой отсутствие соответствующих способностей. Греки, может быть, хотели бы участвовать в управлении империей, но к реальной власти их не допускали. Так что духовная и властная сфера были достаточно четко разделены по национальному признаку. В сфере собственности дело обстояло не столь определенно. Греки удерживали в своих руках крупный бизнес, римляне зато владели достаточно большой собственностью, как правило, в виде недвижимости — хотя хозяевами были плохими, поскольку гораздо лучше умели завоевывать и управлять, чем копить, сохранять и оберегать имеющееся. Римляне хорошо умели делать только «что-то одно», а именно воевать и управлять¹⁹. Их поведение и все его навыки были направлены на это — что, разумеется, приводило к неадекватному поведению в других областях жизни.

¹⁹ Интересно, что этот факт был хорошо осмыслен даже в римской классической литературе. Знаменитое место в «Энеиде» Вергилия, где сравниваются (будущие) римляне и греки, кончается тем, что за греками остается сфера культуры, за римлянами же — властная: "Ты же, о римлянин, знай [только одно:] *как народами править*".

Часть II. НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ. ЦЕННОСТИ

Нормы поведения

В современных обществах не существует четко закрепленных границ между людьми (как это было в Древней Индии). По этой причине считается, что мораль и нормы поведения должны быть *одинаковы для всех людей*.

Отклонения от этого правила, конечно, всеми замечаются и признаются, но считаются чем-то нежелательным, чего можно было бы избежать, будь люди лучше. На самом деле нормы и правила поведения людей, действующих в разных сферах деятельности, *должны различаться*, или люди не смогут вести себя адекватно. Более того, эти нормы ещё и не вполне совместимы друг с другом.

Речь идет даже не о морали и этике, а о чём-то гораздо более примитивном — то есть о том, чего вообще люди *ожидают* друг от друга. Никто, как правило, не думает, что все люди будут вести себя по отношению к нему высокоморально. Но все ожидают, что поведение других по крайней мере *разумно*. Оно может быть хорошим или плохим, но не *бессмысленным*. В этом случае говорят, что человек ведет себя «нормально».

Итак, нормальное поведение — это поведение, соответствующее ожидаемому. В таком случае, *норма — это совокупность общественных ожиданий* по поводу поведения людей в той или иной сфере деятельности.

Нормы распространяются на *все* стороны поведения (например, существуют нормы сотрудничества, но есть и нормы ведения конфликта).

Определение нормального поведения

В общем случае, *нормальным* поведением в какой-либо сфере деятельности можно считать *любое поведение, которое не разрушает общественных отношений*, образующих данную сферу деятельности.

Так, в любом обществе порча или несанкционированное использование чужого имущества считается нарушением норм поведения, поскольку подобное поведение нарушает (и тем самым разрушает) отношения *собственности*, принятые в данном обществе. В то же время такие же действия по отношению к членам других обществ иногда рассматриваются как нормальные и допустимые, поскольку они не нарушают общественных отношений в *данном* обществе²⁰.

Разумеется, такое определение может быть слишком широким: в любом конкретном обществе существует множество обязанностей и запретов, образовавшихся в силу достаточно случайных обстоятельств. Но все необходимые нормы, имеющие место в любом обществе, одинаковы, поскольку одинаково мотивированы. Совокупность подобных норм составляет то, что иногда называют «естественным правом».

Следует отметить, что нормы поведения не обязательно согласуются между собой.

²⁰ Не следует при этом смешивать ценностные суждения (типа вышеприведенного) с этическими (которые будут подробно рассмотрены ниже).

Часто бывает так, что поведение, не нарушающее общественных отношений в одной сфере (и в этом смысле нормальное), нарушает их в другой сфере. Противоречия между нормами поведения можно назвать *общественными противоречиями*. Судя по всему, они (в той или иной мере) имели место во всех известных нам обществах.

Ценности

Ценностью мы будем называть единство норм поведения, принятых в некоторой сфере деятельности. Или, по-другому: ценность есть то, чему не может противоречить ни одна из норм данной сферы.

Ценности обычно не столько понимаются, сколько *переживаются* людьми — как нечто, вызывающее легко узнаваемые эмоции. Наиболее заметное свойство ценностей с этой точки зрения состоит в том, что они являются *объектами стремлений*: люди хотят, чтобы общественные отношения соответствовали этим ценностям, и не хотят противоположного.

Это не значит, что ценности являются чем-то непостижимым. Напротив, все они могут быть описаны рациональным образом, что и будет сделано ниже.

Отступление: индивидуализм и коллективизм

В дальнейшем изложении мы будем использовать слова «индивидуалистические ценности» и «коллективистские ценности». Во властной сфере и сфере коммунальных отношениях поведение человека является *коллективистскими*, а в сфере собственности и культурной сфере — *индивидуалистическими*. Соответственно, человек, чьё поведение в большей мере относится к первым двум сферам деятельности, может быть назван «коллективистом», а в противоположном случае — «индивидуалистом». Кроме того, «коллективизмом» и «индивидуализмом» называют эмоциональное отношение к собственному поведению.

Здесь под «коллективизмом» понимается не столько привязанность к обществу других людей, сколько тот факт, что в некоторых ситуациях человек вообще *принимает во внимание* других людей, ставит своё поведение в зависимость от их поведения. Это поведение может быть нравственно осуждаемым, но оно продолжает оставаться коллективистским, пока оно *ориентировано на других людей*.

Индивидуализм, в свою очередь, совершенно не предполагает мизантропии, ненависти или презрения к окружающим. Человек может думать про себя, что он любит людей, и *действительно* их любить, но это не мешает ему оставаться индивидуалистом. Индивидуализм здесь понимается как такое поведение, при котором человек *не учитывает* поведение других, не считает нужным думать о них и вообще *не связывает* своё поведение с чужим, а действует, исходя из каких-то своих соображений. Это не значит, что он игнорирует мнения других людей, не слушает никаких советов и т. п. Индивидуалист готов прислушаться к чужому мнению — но только если оно обосновано чем-то безличным, например, логикой. Но это значит, что он «слушает» не другого человека, а *его логику*. Чужое мнение становится значимым для него только в этом случае. Он может поступить

согласно чужому мнению и по другим причинам — например, потому что его вынуждают так поступить. Но и в этом случае он считается с *силой*, а не с людьми. Условности и правила приличия он может тщательно соблюдать, но только потому, что не хочет неприятностей. Все это не мешает ему быть индивидуалистом.

С другой стороны, коллективист может быть куда более неудобным и неприятным человеком. Существуют многие разновидности «дурного коллективизма», чему примером может стать любая коммунальная квартира. Но когда мы видим, что человек делает что-то *только* потому, что другим людям (или другому человеку) это будет *приятно* (или *неприятно*), мы сталкиваемся с коллективистским поведением. Индивидуалист во всех случаях сочтет это бессмыслицей, поскольку ему действительно *нет дела* до других.

Основные ценности

Существует всего пять основных ценностей, четыре из которых соответствуют сферам деятельности, а одна — деятельности вообще. Соответственно, четыре ценности связаны с нормами поведения в каждой из сфер, а одна — с необходимым условием всякой деятельности вообще.

Сфера коммунальных отношений: справедливость

В сфере коммунального поведения отношения между людьми имеют первостепенное значение. Следует напомнить, что основные отношения в сфере коммунальных отношений *симметричны*. Понятие справедливости сводится к требованию, чтобы симметричные отношения между людьми были равносимметричными, то есть чтобы *все люди могли принимать равное участие в общих делах*. При этом, поскольку справедливыми или несправедливыми бывают отношения, а не действия, справедливость — это скорее равенство *возможностей* действовать, но отнюдь не тождественность *результатов* действий.

Идея справедливости не эквивалентна идее «равенства» в смысле «одинаковости». «Одинаковость», безусловно, удовлетворяет критерию симметрии, но является её простейшим случаем, чем-то вроде «тривиального решения» в математике, к тому же оно нереализуемо и нежелательно для самих людей, даже остающихся в рамках чисто коммунальных отношений. При более внимательном рассмотрении самой идеи справедливости она принимает формулировку «каждому своё»²¹ и сводится к той мысли, что все отношения в обществе должны иметь свою обратную сторону, действие должно быть равно противодействию, и т.д. и т.п. Разумеется, отношения собственности и власти воспринимаются с этой точки зрения как нечто несправедливое само по себе (и как источник всяческих несправедливостей), и совершенно правильно, поскольку эти отношения по сути своей несимметричны.

²¹ Эта формулировка имеется, например, у Платона («Государство», 433a-b). Впрочем, интерпретация, даваемая Платоном этому принципу, ошибочна: он рассматривал справедливость как ситуацию, когда каждый занимается своим делом и не вмешивается в чужие дела (433d), то есть как стабильные отношения собственности (*PS*, а не *P \bar{S}*). Надо сказать, что эта ошибка Платона.

Примечание W.: вообще-то, это неверно: несимметричные отношения вполне могут восприниматься как справедливые, если есть обратная связь, а итог взаимодействий стратегически взаимовыгоден. Скажем, русский менталитет подразумевает сильное государство с авторитарным правителем, возможно — жёстким, но при этом справедливым. Но не будем отвлекаться.

Идея справедливости имеет смысл только по отношению ко многим людям, к коллективу. Она основана на *сравнении* людей. Понятие справедливости относительно *одного* человека не имеет смысла. (Робинзон на своем острове, пока оставался один, просто не имел возможности поступать справедливо или несправедливо). С другой стороны, эта идея не является чем-то «положительным». У справедливости нет своего *содержания*. Справедливость не требует, чтобы «всем было хорошо». Она требует, чтобы всем было в каком-то смысле *одинаково* хорошо или *одинаково* плохо — чаще даже последнее, поскольку это легче устроить. Главное — чтобы это было *всем* и *одинаково* (то есть симметрично). *Что именно* будет одинаково всем — не столь важно²².

Прим. W: Неверно. Понимание справедливости зависит от менталитета соответствующего социума и вовсе не обязательно подразумевает уравниловку. Должно быть *одинаковое отношение*, что вовсе не эквивалентно «всем одинаково ощущается». Более того, отношение может зависеть от некоторых обобщённых свойств индивида: скажем, ко всем героям и ко всем предателям отношение отлично от отношения к просто обывателям. Обобщая: несправедливость — это предоставление / использование *незаслуженных* преимуществ. При этом вопрос заслуг зависит от менталитета конкретного социума. На дальнейшие рассуждения, впрочем, это не влияет.

Когда речь идет об «идее справедливости», может создаться впечатление, что обсуждаются *теории* или концепции относительно того, что такое справедливость. Такие теории действительно есть, их довольно много и они очень по-разному трактуют этот вопрос. Но мы говорим не о теориях, а о фактах поведения. В данном случае справедливость можно определить так: справедливость — это то, чего люди *ждут* от коммунальных отношений, от поведения других людей в данной сфере. Эти ожидания вызваны не размышлениями относительно добра и зла, а свойствами самих коммунальных отношений.

Идея справедливости заключается в том, чтобы все отношения между людьми были бы симметричны — непосредственно или «в итоге».

Прим. W. Соответственно, этот тезис ложен. Наглядно: отношения учитель/ученик, командир/подчинённый не могут и не должны быть симметричными, однако при этом могут быть как справедливыми, так и несправедливыми (причём в разных культурах понимание будет отличаться). Далее до конца главки рассуждения также ложны.

²² Известный лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство или смерть!» демонстрирует это, хотя и в абсурдной форме. Смерть действительно является чем-то вполне справедливым, поскольку наступает одинаково и для всех. (Кстати, существование бессмертных людей показалось бы остальным людям верхом несправедливости, — если бы, конечно, бессмертные жили бы в одном обществе со смертными).

И ещё одно. Было сказано, что идея справедливости бессодержательна. Это не попытка осудить саму эту идею. Мы не осуждаем само существование общества — а идея справедливости является естественным следствием его существования. Кроме того, она действительно необходима обществу, хотя, может быть, и не достаточна для его нормального функционирования. Справедливость, для того, чтобы она имела смысл, надо ещё чем-то *наполнить*.

Бессодержательна эта идея вот по какой причине. Само понятие «симметрии» достаточно неопределенно. Особенно это касается сложных форм симметрии — когда не «у всех все одинаково», а «одно компенсирует другое». Возьмем, к примеру, семью. Если муж сам зарабатывает деньги, сам готовит еду и моет посуду, вообще все делает сам, а жена только живет на его средства и пользуется им как бесплатной прислугой, это никто не назовет справедливым положением вещей. Но, допустим, она сидит с грудным ребенком. Интуитивно понятно, что «одно другого стоит», и ситуация представляется более справедливой.

В реальной жизни вопрос «что чего стоит» является фундаментальной проблемой, причем именно проблемой справедливости. Это касается и цены в самом прямом, денежном смысле слова. Всем понятно, что существует понятие «справедливая цена». Кстати говоря, понятие это не из сферы собственности — полностью справедливые цены сделали бы «экономическую жизнь» совершенно невозможной.

Ситуацию, в которой отношения между людьми в большинстве случаев справедливы, можно называть по-разному, но обратную ситуацию в большинстве случаев называют *неравенством* (хотя это не очень точное слово).

Прим. W.: как написано выше, эти рассуждения некорректны. Суть не в сложности симметрии, а в невозможности таковой для многих отношений, и справедливость здесь — свойство системы, т.е. общества, в целом, отношения же между отдельными элементами могут быть весьма неравными. Именно «каждому своё», *заслуженно и честно*, а не «равенство».

Не хочу писать объёмные комментарии, но не могу не заметить, что фетиш равенства — это либерально-демократическое явление, которое верно лишь *de jure*, между тем как *de facto* наследник миллионера никак не равен обычному гражданину, формальное равенство в суде нивелируется дорогими адвокатами и т.д. и т.п. И, кстати, использование справедливых цен вполне возможно, но в социалистической, а не капиталистической экономике.

А, главное, бессодержательна идея *универсальной* справедливости, «общечеловеческих ценностей», в рамках конкретных культур справедливость имеет вполне определённое структурное наполнение, что, собственно, и изучает эта работа.

Сфера собственности: польза

Вполне очевидно, что отношение обладания асимметрично, точнее — антисимметрично, то есть исключает симметрию. Разница между собственником и всеми остальными очень велика: он может делать со своей собственностью то, чего все остальные

делать не вправе²³.

В сфере собственности тоже существуют свои нормы отношений, и, соответственно, своя ценность. Её можно назвать идеей *пользы*. Если коммунальные отношения должны быть *справедливы*, то отношения собственности должны быть *полезны* для тех, кто в них вступает (прежде всего для собственника).

Опять-таки напомним, что речь идет не о теориях. Возьмем самое примитивное понимание пользы — той пользы, которой каждый желает самому себе. Она сводится к тому, чтобы «*стало лучше, чем было раньше*». Под «лучшим» понимается обычно *приумножение* богатства, здоровья, вообще предметов обладания.

Итак, идея *пользы* состоит в том, что отношения собственности должны способствовать *приумножению* объектов собственности (как материальных, так и любых других), а не порче или уничтожению их.

Своеобразным вариантом такой ценности, как польза, является *добро*. Добро можно определить как «пользу для другого». «Сделать добро» значит «сделать что-то *полезное* для другого человека», «дать ему что-то» или «сделать что-то за него». (Кстати, само слово «добро» во многих языках первоначально имело значение «имущество», что сохранилось в русской бытовой речи до сих пор). Впрочем, слово «добро» имеет и некоторые дополнительные значения, которые будут рассмотрены ниже.

Прим. W.: обычно термины «добро/зло» понимаются как метафизически (часто — религиозно) определённые, и вообще «обросли» паразитарными коннотатами. Отсылаю к соответствующей главе «*Princeps Omnium*», а здесь лишь напомним, что вообще не рекомендую использовать эти термины из-за их неконкретности и манипулятивности, в рамках же этой работы — внимательно отслеживайте, что именно под ними подразумевает автор.

Разумеется, пользы можно желать и *себе*, и *другим*. Заметим только, что сама по себе польза (и, соответственно, добро) *никак не связана со справедливостью* — прежде всего потому, что не предполагает сравнения с другими людьми. Здесь человек сравнивает себя (или другого) с *собой* же (или с ним же), а не с другими. Идея добра, кроме того, не есть идея *превосходства над другими*. Человек, желающий себе добра, хочет не того, чтобы ему стало лучше, чем *другим*, а именно того, чтобы ему стало лучше, чем ему было *раньше*, или чем есть *сейчас*. Человек сравнивает свое положение не с другими людьми (о них он может и не думать), а со своим же прошлым (или настоящим) положением.

Особенно это заметно, когда пользу приносят не себе, а другому — скажем, своему ребенку или любимой женщине. В таких случаях добро делают *несмотря* на то, справедливо это или нет. «Я подарил любимой норковую шубу, потому что хотел видеть её счастливой», говорит вор, укравший эту вещь. Сделал ли он добро? Объективно говоря, да. *Ей* он безусловно хотел «сделать добро», неважно за чей счет. В менее драматичной ситуации отец, желая помочь сыну, устраивает его в престижный вуз «по блату», хотя по отношению ко всем остальным поступающим это крайне несправедливо. Он просто *не*

²³ Если это не вполне так, это не вполне его собственность (что может легко ощутить всякий, берущий вещь напрокат).

думает о них.

Следует заметить, что идея пользы не только асимметрична, но и *асинхронна*. Она предполагает *сравнение двух разных моментов времени* (прошлого и настоящего, или настоящего и будущего). «Сделать что-то хорошее» всегда значит «сделать лучше, чем было».

Польза — не более содержательная идея, нежели справедливость. Как уже было сказано, желать добра (себе или другому) значит желать *обладания* чем-то, чего сейчас не имеется. «Лучше» здесь понимается именно в этом смысле. Но представления о том, *что именно* следует иметь и *стоит ли* иметь это вообще, в самой идее пользы *нет*. Эти представления должны взяться откуда-то ещё. На бытовом уровне все просто: «лучше» для себя означает «как мне *хочется*», или «как я считаю *полезным для себя*», а для другого — смесь «как *ему хочется*» (по моим представлениям) и «как *ему будет лучше*» (опять-таки по моим представлениям). Эти представления могут быть неправильными как в том, так и в другом случае. Представим себе две ситуации. В первой родители запретили ребенку есть шоколад, потому что у него от шоколада сыпь на коже. Любящая бабушка тайком дает внуку шоколадную конфету, потому что внук её выпросил у нее. Сделала ли бабушка добро? Да, — по своим представлениям. Возьмем другой, противоположный случай. Дочка хочет выйти замуж, а мать ей запрещает это, поскольку считает молодого человека неподходящей парой. Мать при этом говорит: «Я делаю это для твоего же блага». Более того, она действительно так думает. Делает ли она добро? Да, — по своим представлениям. Права ли она в своих представлениях? И если да, то в каком смысле?

Нормы поведения возникают, когда пустые понятия пользы и справедливости начинают чем-то наполняться. Общественная (но бессодержательная) идея справедливости и индивидуальная (но опять-таки бессодержательная) идея пользы должны превратиться в свод представлений о том, *что чего стоит* (справедливость) и *что вообще имеет стоимость* (польза). Эти представления меняются от общества к обществу и являются в значительной мере *исторически обусловленными*.

Общество, в котором большинство отношений между людьми *полезны*, обычно считает себя *процветающим* (или хотя бы стремящимся к процветанию). В противоположной ситуации отношения между людьми становятся разрушительными, или *истощающими* общество в целом.

Властная сфера: превосходство

Отдельной проблемой является *совмещение* пользы и справедливости. Как уже было сказано, полезное — не обязательно справедливо, а справедливость сама по себе не связана с пользой.

Более того, *простейшие* формы пользы и справедливости просто *отрицают* друг друга. Нет ничего более справедливого (и менее полезного), чем большое кладбище. Но предельное пожелание добра («пусть всё будет, как ты хочешь»), если бы оно осуществилось, привело бы к крайней несправедливости (в конце концов, Нерон и Калигула именно «делали что хотели», и не следует думать, что другие на их месте не

захотели бы чего-то подобного).

Тем не менее существует ценность, некоторым образом сводящая вместе пользу и справедливость. Интересно, что она не похожа ни на ту, ни на другую. Это идея *превосходства*, доминирующая в сфере властных отношений.

Ее двойственная природа тесно связана с двойственной природой власти — как *обладания* тем, *частью* чего является сам обладающий, то есть отношения *PS*. Если *справедливость* — ценность общественная, а *польза* — индивидуалистическая, то *превосходство* некоторым образом является и тем, и другим. Вспомним определение справедливости — «*пусть всем будет одинаково*», и определение пользы (или добра) — «*пусть мне (или кому-то) будет лучше*».

Прим. W.: Вдруг кто читает не подряд, так что напоминаю, что приведено некорректно понимание справедливости.

Преимущество можно определить так: «*пусть мне (или кому-то) будет лучше, чем всем остальным*», что обычно звучит как «*Я лучше (сильнее, могущественней, значительней) других*».

Это определение, опять-таки, бессодержательно. Здесь ничего не говорится о том, что такое «лучше»²⁴.

Несовместимость *справедливости* и *превосходства* всегда волновала людей, пытающихся прийти к какой-то непротиворечивой жизненной позиции. При более-менее последовательном рассмотрении вопроса каждый раз получалось, что желание превосходства нелепо и бессмысленно, если мерять это желание критериями пользы или справедливости. На этом месте возникали целые философские системы и научные теории, сочинялись гипотезы об «инстинкте власти», о «воле к власти», якобы врожденной для человека и вообще для всех живых существ. Лев Гумилев в своих книгах называл то же самое явление «*пассионарностью*» и определял его как нечто *противоположное* «здоровым инстинктам» человека, в том числе и инстинкту выживания. Задолго до этого Ницше различал «*волю к жизни*», основанную на инстинкте самосохранения, и «*волю к власти*», которая (и только она одна!) может подвигать на действия *против* этого инстинкта.

Прим. W. На всякий случай: не надо путать «волю к власти» у Ницше со стремлением к власти чел-овеков.

Идея превосходства наиболее сильно выражает самую суть силы, соединяющей людей. Это и неудивительно, поскольку именно властные отношения и властное поведение реализует в себе обе компоненты этой силы (*PS*). Тут она проявляется наиболее отчетливо. «Руководитель прежде всего *объединяет людей* вокруг себя», говорят о властном поведении. Но это и значит, что в его распоряжении оказывается какое-то количество силы, соединяющей людей вместе, сколько-то энергии, обычно рассеянной в обществе. Это обычно вызывается тем, что в самом обществе этой силы остается *меньше*. Великие вожди

²⁴ Кстати, это «лучше», как правило, *не похоже* на «лучше» с точки зрения пользы. Очень часто оно выглядит как «хуже». Для того, чтобы добиться превосходства над другими, люди пускаются в такие предприятия, на которые ни за что бы не согласились, желая они себе пользы (и *только* её). Жизнь человека, стремящегося к превосходству, *тяжела*, и чем большего он достиг, тем, как правило, тяжелее эта жизнь.

и императоры обычно возникают в эпохи общественного хаоса и беспорядка, когда сила, соединявшая людей в общество, казалось бы, ослабевает. Но на самом деле она никуда исчезнуть не может — она просто переходит в свободное состояние, и ей оказывается возможным завладеть. *Желание иметь власть — это желание иметь эту силу в своем распоряжении*, больше ничего. Это и есть превосходство. В пределе можно пожелать превосходства не над какими-то конкретными людьми, а над обществом в целом.

Превосходство — такая же бессодержательная идея, как и первые две. В ней нет никаких указаний на то, каким образом и во имя чего один человек стремится возвыситься над всеми остальными, зачем он пытается объединить их и куда он их поведет. Конкретные виды превосходства в разных культурах различаются особенно сильно.

Замечание. Добро как проявление превосходства

Одной из традиционных проблем, связанных с человеческим поведением, является «проблема благотворительности». Легко объяснить прагматическими причинами склонность человека к причинению вреда ближнему (просто во многих ситуациях это приносит пользу тому, кто это делает: отнять хлеб у голодного, чтобы съесть его самому). Труднее объяснить не столь уж редкие случаи прямо противоположного поведения (отдать свой хлеб голодному), особенно если благодарности ждать не приходится.

Тем не менее существует одна веская причина для благотворительности, а именно — достижение и демонстрация собственного превосходства. В этом смысле индейский потлач — чистое выражение такого добра-превосходства, когда раздаваемые материальные блага «впрямую» меняются на престиж.

Прим. W. Может быть и другая мотивация: «от тюрьмы и сумы не зарекайся», т.е. поддержание взаимопомощи как социальной нормы.

Сфера культуры: свобода

Наконец, есть и нечто противоположное идее превосходства. Это идея *свободы*, возникающая в сфере культуры. Она возникает из соответствующего поведения людей и сводится к идее *независимости* от отношений участия, собственности и особенно власти.

Пятая ценность: жизнь

Общественные отношения возможны только в том случае, если существуют люди, вступающие в них. Поэтому само *существование* участников общественных отношений тоже можно определить как особую ценность.

Следует заметить, что *жизнь* является такой же *общественной* ценностью, как и все остальные, точнее говоря — их условием. Жизнь как ценность не следует смешивать с «инстинктом самосохранения», и тем более сводить первое к последнему. Не является она и предельной ценностью, «по определению» более ценной, чем все остальные. Люди могут жертвовать своей (и тем более чужой) жизнью ради реализации какой-то другой ценности.

Другие ценности

Других ценностей, связанных с поведением людей в обществе, не существует. Разумеется, такие понятия, как истина, красота, и т. п., тоже можно называть ценностями, поскольку они являются нормативными объектами. Но это не социальные ценности; они не могут рассматриваться все вместе.

Отступление: происхождение ценностей

Все четыре основные ценности имеют *дочеловеческое* происхождение. Они порождены обществом, а не людьми — а подобие общества существует уже у стайных животных.

Это не значит, что у собаки или крысы имеется какое-то *понятие*, скажем, о справедливости (или какой-либо иной ценности), но они иногда демонстрируют *поведение*, которое можно считать *справедливым*, причем с полным на то основанием. Волк, таскающий еду своей волчице, вместо того, чтобы съесть её самому, делает ей *добро*. Что он при этом думает и думает ли он вообще, здесь не существенно. Тот же самый волк, дерущийся с другим волком, не будет убивать соперника после того, как тот поджал хвост. Убивать того, кто сдался и отступил, *несправедливо*. Что касается стремления к *превосходству*, тут, наверное, не надо даже приводить примеров. Большая часть времени, свободного от поисков пищи, у животных уходит на то, чтобы установить, как это называют зоологи, «порядок клевания»²⁵. Столь же очевидно и стремление к *независимости* (свободе) — достаточно попробовать запереть дикого зверя в клетку, чтобы в этом убедиться.

Иерархия ценностей и отношения сфер поведения у животных заданы биологически и зависят от видовой принадлежности. Хорошим примером может служить «кошачье» и «собачье» поведение. Все кошачьи — более или менее индивидуалисты, собачьи могут образовывать огромные стаи с очень сложной иерархией внутри них. Нельзя же сказать, будто тигр сознательно «исповедует» какие-то «ценности». Он ведет себя определенным образом, не думая о том, как называются его действия. Тем не менее его поведение вполне укладывается в определенную классификацию, ту же самую, в которую укладывается и поведение человека.

Отношения между ценностями

Все пять ценностей пытаются реализоваться в одном обществе. На практике между ними всегда есть трения, поскольку достичь реализации всех ценностей сразу обычно бывает затруднительно.

Особенно острые конфликты возникают между противоположными ценностями. Классическим примером можно считать конфликт между идеями справедливости и превосходства. Само существование власти явно противоречит идее справедливости — а, с другой стороны, власть необходима для того, чтобы в обществе была хоть какая-то

²⁵ Термин образован в результате наблюдений над голубями. Самый сильный голубь имеет право клевать всех, а его не смеет клевать никто. Следующего по значимости может клевать только вожак, зато он отыгрывается на тех, кто слабее — и так далее до самого низа.

справедливость. Идея превосходства и идея справедливости должны как-то совместиться. Самым простым является совмещение по схеме: «справедливость *для себя*, превосходство *над другими*». Такого рода общества нуждаются в чем-то внешнем, в каких-то врагах, которых можно превзойти. Это как-то оправдывает существование властных и силовых структур.

Существуют и много других, гораздо более сложных и изощренных вариантов решения тех же проблем. Это касается как общества в целом, так и его частей, вплоть до любого (сколь угодно маленького) устойчивого объединения людей. В любом коллективе, в любой организации, вообще везде и всюду людям приходится как-то решать все те же самые проблемы.

Иерархия ценностей

Одним из самых простых и широко распространенных способов упорядочить ценности является установление их иерархии. Это значит, что какие-то ценности считаются «более важными», нежели другие. Как правило, в результате выстраивается своего рода шкала, где какая-нибудь одна ценность выходит на первое место, далее следует другая, и так далее. Соответственно, какие-то сферы деятельности начинают считаться более важными, чем другие.

При этом большинство наиболее существенных признаков, разделяющих общество на так называемые «классы» или «страты», обычно связаны именно с господствующими ценностями. Общество, в котором какая-то одна сфера поведения *доминирует*, будет поддерживать преимущественно те нормы поведения, которые характерны для этой доминирующей сферы. Так оно и есть. При этом возникает своеобразная *иерархия норм поведения*: несмотря на то, что всеми признается необходимость и неизбежность разных способов поведения, какой-то один из них начинает считаться лучшим, наиболее достойным, а остальные — более или менее низменными и подлыми. Поскольку оценка — это некоторая *идея*, то её можно навязать даже тем, кто сам ведет себя по-другому и даже *не может позволить* себе совершать одобряемые этой идеей поступки.

При этом ведущей ценностью может быть любая из вышеперечисленных. Какая именно из них станет главной в каждом конкретном случае, зависит от исторических причин. Нельзя сказать, что какой-то вариант имеет фундаментальные преимущества перед другими. Деление людей на «благородных» и «подлых» в военизированных обществах, одержимых идеей превосходства, ничем не лучше и не хуже деления на «богатых» и «бедных» там, где принято «наживать добро», а это, в свою очередь, не лучше и не хуже замкнутых общин, поделенные на «своих» и «чужих» (где самым лучшим признается спокойная жизнь и добрые отношения с соседями), или «свободных» и «несвободных». В самом примитивном случае (когда доминирующей ценностью признается жизнь) общество делится просто на сильных («здоровых») и слабых²⁶.

²⁶ Например, средневековая Европа была иерархически организованной структурой, в которой главной ценностью признавалось *превосходство*, понимаемое как обладание силой и властью. Соответственно, наиболее замечательным и достойным восхищения выглядело поведение рыцаря, воина. В буржуазной Европе Нового Времени основной ценностью становится богатство (сначала, как водится, имущество, позже

Казалось бы, при таком положении вещей могут существовать всего пять типов общественного устройства. На самом деле это не так. Даже если первая и главная ценность уже определена, очень важно, какой именно способ поведения будет признан *вторым* по значимости. *Третье* место тоже чего-то стоит, хотя оно уже и не столь существенно, как первые два. Только когда *все четыре* ступеньки пьедестала заняты, можно говорить о типе данного общества. Например, в упомянутом выше Средневековье вторыми по значимости ценностями были религиозные идеи, поддерживаемые тогдашними интеллектуалами²⁷. Это определяло специфику средневекового мира. Если бы второе почетное место принадлежало ценностям из другой сферы, мы имели бы совершенно другое общество²⁸.

Кроме того, существенно *расстояние* между признаваемыми ценностями. Оно не является постоянным: по мере усиления или ослабления значимости разных сфер поведения оно меняется, как расстояние между лошадьми на ипподроме. Бывает, что два «общественных идеала» идут, так сказать, корпус к корпусу, а иногда один так сильно обгоняет все остальные, что на фоне его успеха различия между ними кажутся малозначительными. В этом отношении история возвышения буржуазной этики (то есть навязывания её *всему* обществу как образца) весьма примечательна. Например, в «героический период» первоначального накопления второй главной ценностью после богатства было *превосходство*. Когда время акул капитализма и концентрации капитала прошло и наступила пора «общества потребления», на второе место в иерархическом списке выдвинулись сфера коммунальных отношений.

Нормы отношений внутри сфер деятельности

Внутри сфер деятельности (то есть между людьми, ведущими себя одинаковым образом) существуют какие-то нормы отношений. Как правило, они гораздо более устойчивы и определены, нежели между людьми, чьи основные интересы находятся в различных сферах деятельности.

Нормы отношений включают в себя нормы сотрудничества и нормы конфликта. В любой сфере деятельности всегда случается и то, и другое. Более того, нормы конфликта, как правило, более четко определены, поскольку конфликтов всегда больше.

Конфликтное поведение

Конфликт — это ситуация, в которой одни люди сознательно и целенаправленно пытаются *нанести ущерб* другим. Слово «ущерб» не является синонимом выражения «неприятные переживания». Переживает человек или нет, и что именно он переживает — это психология. Ущерб — это *лишение*, которое сводится к тому, что потерпевший лишается каких-то возможностей.

Четыре вида ущерба, который может быть причинен человеку в соответствующих

деньги), а образцом для подражания — делец.

²⁷ «Главное — победа, но нельзя забывать и о спасении души».

²⁸ Всего можно выделить сто двадцать возможных вариантов иерархии ценностей. Трудно сказать, все ли они реализуемы. Подобрать исторические примеры для многих вариантов, скорее всего, возможно.

сферах деятельности, таковы. Во-первых, человека можно лишить его собственности, или права самостоятельно заниматься какими-то делами. Все это можно выразить словом «отнять».

Во-вторых, человека можно лишить возможности участвовать в какой-то совместной деятельности, то есть быть членом некоторого коллектива или общности. Это можно выразить словом «изолировать», или, проще, «выгнать».

Далее, человека можно лишить достигнутого превосходства, что воспринимается как *унижение*. Наконец, его можно поставить в такие условия, когда ему придется делать что-то, чего он раньше мог не делать — что является *потерей свободы*.

Нужно различать ущерб и средства его нанесения. Например, убийство — не отдельный вид ущерба, а предельно сильное средство нанесения такового. Оно всегда преследует одну из упомянутых выше целей — например, завладеть собственностью человека, или удалить его из общества («убрать»).

Конфликт в сфере собственности

Очевидно, что в сфере отношений собственности основной причиной конфликта является намерение *отнять*. Это связано с тем, что «естественные» конфликты в этой сфере *безличны*, это конфликты интересов, а не людей. Наиболее приемлемым видом конфликта в сфере собственности («нормальным положением дел») считается *конкуренция*.

Свободная конкуренция безлична — противники не борются друг с другом лично и непосредственно. Они могут даже не знать о существовании друг друга или не интересоваться этим. Фактически, это борьба одного *результата* с другим. Это напоминает спортивные состязания в беге. Бегуны — каждый на своей дорожке, и *не могут мешать друг другу*, толкаться или ставить подножки. Они изолированы друг от друга. Судит их третья сторона. В конце концов, возможно соревноваться даже не с другим бегуном, а с «результатом», которым мог быть достигнут год назад; это не меняет дела.

Конкуренция — это и есть ситуация, когда конкуренты не могут мешать друг другу *непосредственно*. Взорвать чужой завод — это уже не конкуренция, а уголовно наказуемое деяние. Короче говоря, основное правило конкуренции таково: *человек может делать все что угодно со своей собственностью* (в том числе задевая интересы других людей), *но не может нарушать чужие права собственности*.

Конфликт в сфере коммунальных отношений

Если в сфере собственности имеются конфликты интересов, а не людей, то в сфере коммунальных отношений люди могут *мешать* друг другу, ставить подножки и хватать за ноги, и это считается нормальным. Если продолжить спортивные сравнения, то это напоминает уже не бег, а борьбу.

В сфере коммунальных отношений тоже существуют свои нормы ведения конфликтов. Прежде всего надо иметь в виду, что в этой сфере вообще не принято чего-то достигать, добиваться и так далее. *Достижение* — это понятие из сфер власти и собственности. Сфера

коммунальных отношений — это сфера *симметричных* отношений. Из всего сказанного следует, что наиболее приемлемый повод для конфликта в сфере коммунальных отношений — это не столько намерение что-то получить или сделать самому, сколько *не дать этого получить или сделать другому*. Это может быть желание осадить, не позволить, не дать, не пустить, не разрешить, или — если уж все вышеперечисленное не помогло — хотя бы отомстить.

Конфликты в сфере коммунальных отношений, таким образом, приводят к тому, что люди *мешают* друг другу делать определенные вещи.

Конфликт в сфере коммунальных отношений обычно направлен на то, чтобы *поставить на место* выделяющегося человека — при этом не столь важно, в какую сторону он выделяется. Человек, скверно обращающийся с окружающими, что-то выгадывающий себе за счет других, обманывающий их, не держащий своего слова и вообще как-либо нарушающий справедливость, очень быстро вызывает соответствующую реакцию окружающих, даже тех, которых лично это никак не затрагивает. Эта реакция может *пониматься* людьми по-разному. В тех случаях, когда человек выделяется нарушением нравственных норм, принятых в данном обществе, такую реакцию называют «нравственным негодованием» и признают допустимой и правильной. Но *точно такая же реакция* возникает вообще на все выделяющееся, даже в лучшую сторону. Талантливый, умный, сильный, способный человек вызывает в сфере коммунальных отношений точно такую же неприязнь и желание поставить на место. Люди пытаются объяснить себе свое поведение по-разному, например, приписав выделяющемуся человеку какие-то пороки (чаще всего высокомерие), или объясняя свою неприязнь завистью, или как-нибудь ещё. На самом деле это просто нормальная реакция в рамках данной сферы на явление, которое нарушает её гармонию. Заметим, что в те моменты, когда люди начинают действовать в других сферах, отношение резко меняется — до тех пор, пока отношения снова не перейдут в социальную сферу, где все начинается сначала.

Эмоции типа «пусть не достанется ни мне, ни ему», «спалю свою хату, лишь бы соседские хоромы подпалить» и т. д. и т. п. является обратной стороной таких хороших человеческих качеств, как стремление к справедливости и готовности идти на жертвы ради нее. По меркам сферы коммунальных отношений высокий рост и хорошее здоровье могут казаться такой же несправедливостью, как и наворованные деньги или блатные связи. И люди *будут вести себя* по отношению к ни в чем не повинному рослому здоровяку так же, как и к явному жулику, то есть недолюбливать и всячески стремиться унижить, нагадить, сделать пакость — в общем, чем-то *компенсировать* явную асимметрию. В крайнем случае — если для такого поведения совсем уж нету никаких извинительных причин — это проявится в том, что выделяющемуся человеку *не простят* того, что простят и извинят не выделяющемуся.

Прим. W.: Здесь важно понимать, что автор говорит о справедливости как ярлыке, который может означать много принципиально разных пониманий, что и раскрывается далее. То же описанное стремление к уравниловке — не универсально, но характерно для низкоразвитых индивидов. Т.е. говорить про такое о коммунальных отношениях (термин

А. Зиновьева) в общем виде некорректно, а вот в коммунальной квартире такое вполне может быть.

Эти свойства сферы коммунальных отношений с давних времен вызывали к себе двойственное отношение. Со времен седой древности произносились гневные слова о «низости толпы», ненавидящей все высокое. Но с того же времени именно эта самая толпа (на сей раз уважительно именуемая *народом*) считалась источником и эталоном нравственных норм и противопоставлялась «растленной» знати, «заевшимся» собственникам и «зазнавшимся» интеллектуалам. Все эти бессмысленные рассуждения связаны с употреблением слов типа *народ* или *толпа*. Произнося эти слова, никто не задумывается над тем, о чем он, собственно, говорит. Что такое, например, *народ*? Все жители данной страны? Очевидно, нет — иначе в «народ» попадает и правительство, и богатые люди, и местные интеллектуальные светила. Тогда что же? Все, кто не относится к вышеперечисленным категориям людей? Вроде бы да. Но тогда границы понятия «народ» совпадают с границами сферы коммунальных отношений, и обозначает совокупность людей, которые относятся (по своему поведению) в основном к этой сфере (некто вроде касты шудр в Древней Индии). Но это совсем не то, что имеют в виду, когда говорят о народе как *нации*²⁹.

Прим. W. Ну а что такого? Да, народ в общем виде — это и правительство, и богатые люди, и местные интеллектуальные светила, хотя иногда термин «народ» используют как «простой народ», опуская прилагательное по умолчанию в контексте. Тут дело в другом: Крылов хочет свести поведение к некоей «коммунальности», проявляемой ситуативно в той или иной степени, чтобы избавиться в модели от категории менталитета: «Я слово "менталитет" ненавижу — тихо, но люто. И когда его слышу, с удовольствием схватился бы не то что за пистолет, а за ядрёну бонбу, шоб повыжгло». Подробности см. в статье «О русском менталитете и европейской ментальности»:

<http://warrax.net/93/15/mental.html>

²⁹ Когда эти два значения слова «народ» смешиваются, возникает путаница. Классическим примером такого недоразумения являются бесконечные разговоры о врожденных свойствах русского народа. Если их послушать, то русскому народу свойственны обостренное чувство справедливости, готовность её защищать, высокая нравственность — и, с другой стороны, безынициативность, зависть к чужому успеху, стремление «все поделить», уравниловка и т. д. и т. п. Но ведь все вышеперечисленное — свойства поведения человека в сфере коммунальных отношений, и ничего больше. Тот факт, что все это приписывается именно русским, означает лишь то, что в жизни данного народа социальная сфера играет большую роль. Это, в свою очередь, связано не с самим народом, его историей, географией или чем-нибудь ещё, а просто с тем положением дел, которое имеет место в *настоящий* момент. Кстати говоря, стоит сфере коммунальных отношений несколько сдать позиции (скажем, возрастает влияние сферы собственности или сферы власти), как поведение тех же самых людей меняется, причем *моментально*. При этом сильнее всего меняется поведение как раз тех людей, от которых этого меньше всего ожидали. Причина тому проста: наиболее предсказуемыми являются как раз те люди, которые следуют правилам поведения в каждой сфере, так сказать, автоматически, не задумываясь. Но как только они оказываются в другой сфере поведения, они столь же автоматически начинают вести себя так, как *там* принято.

Конфликт в сфере власти

Правила ведения конфликта в сфере властных отношений являются, как всегда, чем-то вроде суммы первого и второго правил. В этой сфере поведения нормальным способом ведения конфликта можно считать демонстрацию своего превосходства: *сделать то, чего не делают другие*. Вполне допустимым считается делать и то, чего тот же самый человек не дает делать другим.

Для конфликтов в этой сфере характерно, что в них имеет место как конкуренция, так и создание помех для чужой деятельности.

Конфликт в сфере властных отношений тесно связан с демонстрацией своего *превосходства*. Если в сфере коммунальных отношений «быть не таким, как все» плохо (таких людей принимают за глупцов или преступников), то в сфере власти плохо быть *заурядным*, «таким как все», а не *значительнее* других. Ограничений на демонстрацию превосходства тут нет никаких, важно только одно — превосходство должно быть подлинным.

Интересно, что те же самые люди, истово ратующие за справедливость в *своей* среде и не терпящие *выделяющихся*, внутренне убеждены, что руководители и вообще «власть» должна состоять из *выдающихся* личностей, круг полномочий которых должен быть *очень велик* (вплоть до диктаторских), и здесь чувство справедливости почему-то молчит. В голове такого человека возникает смутный образ общества, состоящего из народа, у которого ничего нет, кроме товарищества и хороших отношений, и когорты вождей, у которых нет ничего, кроме власти.

Прим.В.: а именно потому, что справедливо (в русском менталитете), чтобы *выдающиеся личности имели очень великие полномочия*. Другой вопрос, что должна быть соразмерная ответственность, а применение этих полномочий должно быть по справедливости. Что же касается нетерпимости к инаковости в своей среде — то это зависит и от культурного уровня, и от вида инаковости, и вообще вопрос сложный.

За этим скрывается интуитивное представление об обществе, в котором есть только две сферы, а именно, сферы властных и коммунальных отношений, при отсутствии отношений собственности, а также людей, свободных от общества, например, интеллектуалов. В современной социологической литературе подобный набор представлений называют «проявлением авторитарного сознания». На самом деле это вполне нормальный способ восприятия общества, хотя и слишком радикальный и неполный. Трудно доказать, что подобное общество должно быть обязательно «хуже» (или «лучше») другого столь же радикального и неполного варианта, согласно которому в обществе должны остаться только собственники и интеллектуалы, а все остальное должно ужаться до минимума или исчезнуть.

Конфликт в сфере культуры

Осталось рассмотреть конфликты в сфере культуры. Если правило ведения конфликта в сфере властных отношений получилось как своего рода сумма правил из сферы отношений собственности и сферы коммунальных отношений, то в духовной сфере это правило

получается, так сказать, путем *вычитания*, или взаимного отрицания этих правил. В случае конфликта в сфере культуры единственно приемлемой его формой является *отказ делать то, что делают другие*. В случае человек говорит примерно так: «Вы как хотите, но я *не буду* этого делать» (слушать собеседника, подчиняться приказам, и т. д. и т. п.). Ему, разумеется, могут ответить тем же. Далее разворачивается своего рода соревнование в «непослушании»³⁰.

³⁰ Несмотря на то, что непослушание — вещь, казалось бы, чисто отрицательная, оно может быть выражено в явной форме, демонстративно. Например, все соблюдают нормы вежливости относительно какого-то человека, но кто-то не здоровается с ним и не подает руки. Такое поведение выглядит весьма красноречиво.

Часть III. ЭТИКА

Когда мы говорим об этике или нравственности, мы имеем в виду ту или иную *систему норм поведения*, регулирующую *отношение человека к обществу во всех сферах деятельности*. Этика позволяет в каждой конкретной ситуации разрешать конфликты, возникающие между нормами поведения, в частности — делать выбор между ценностями.

Из этого следует, что этические нормы описываются иным образом, нежели нормы и ценности, зависящие от сферы деятельности. Они являются более общими, поскольку должны быть справедливы для всех общественных отношений.

Следует подчеркнуть независимость этики от ценностей, связанных с отношениями. Ни один человек, строго говоря, *не обязан* делать добро ближним (или себе). Разумеется, если человек не приносит никому никакой пользы, к нему вряд ли будут хорошо относиться, — и, тем не менее, это ещё не значит, что данный человек заслуживает морального осуждения. Это касается и всех остальных ценностей. Нельзя даже сказать, что человек во всех обстоятельствах обязан быть справедливым. Командир отходящего взвода, оставляющий за собой прикрытие, поступает несправедливо по отношению к тем, кого он посылает на смерть; но это всё же лучше, чем если бы погибли все вместе.

Специфика этического суждения

Прежде всего, этическое суждение имеет своим предметом не *отношения* человека с другими людьми, а *действия* человека по отношению к другим людям. Причем речь идет исключительно о действиях «второго порядка», направленных на установление или прекращение тех или иных отношений.

Нет ничего «этичного» или «неэтичного» («хорошего» или «плохого») в том, что человек находится в тех или иных отношениях с другими людьми, каковы бы они ни были. Но действия, направленные на изменение ситуации, могут быть этически оценены. Так, нет ничего плохого (или хорошего) в том, чтобы владеть чем-то (скажем, какой-то вещью); этическое суждение касается только одного: способа её получения (была ли она куплена или украдена).

Но и это ещё не все. Этическое суждение о единичном поступке субъекта невозможно. Например, несправедливый поступок субъекта мог быть вызван несправедливостью, допущенной по отношению к нему. В таких случаях этическое осуждение субъекта считается недопустимым.

Прим.В.: Нельзя же так обобщать. Очень зависит от конкретики ответного действия.

Таким образом, этическое суждение предполагает оценку не одного, а по крайней мере *двух* разных действий, а именно — действий субъекта, направленных на других людей, и действий других людей, направленных на данного субъекта. Более того, для вынесения правильного этического суждения следует знать всю совокупность действий «второго порядка», совершенных как индивидом, так и по отношению к индивиду. *Единичное действие не подлежит этической оценке*. Это значит, что, рассматривая любое *единичное* действие, пусть даже самое предосудительное (например, кража или убийство), мы не можем сказать, этично оно или нет. Это не противоречит тому, как мы выносим

этическое суждение в реальной жизни. Говоря о том, вправе или не вправе человек совершить тот или иной поступок, мы все время ссылаемся на *обстоятельства*, при которых он вынужден его совершить. (Например, убийство при самообороне и тем более при защите других людей рассматривается как нормальное и даже похвальное поведение). Не существует действий, этических или неэтических «по своей природе».

Все понятия, касающиеся этической оценки тех или иных действий, заранее предполагают *обстоятельства*, при которых они совершаются. Например, заповедь «не убий» значит буквально «не совершай убийства», что *не эквивалентно* требованию не умерщвлять других людей ни при каких обстоятельствах (например, на войне)³¹.

Структура этического суждения

В общем случае, субъектами любого общественного отношения является индивид и какие-то другие люди, с которыми он находится в тех или иных отношениях (включая и самого себя). Поскольку этические суждения претендуют на всеобщность (они должны быть истинны для всех людей и любых отношений между ними), допустимо рассматривать все возможные отношения в совокупности, и говорить об отношениях между индивидом и обществом³².

В дальнейших рассуждениях будут использоваться условные обозначения. Так, индивид (то есть субъект этического суждения) будет обозначаться символом *I*, а общество — *O*.

Этическое суждение есть сравнение двух совокупностей действий по установлению или прекращению отношений. Индивид пытается устанавливать какие-то отношения с обществом; но и общество пытается устанавливать какие-то отношения с индивидом.

Обозначим совокупности действий по установлению или прекращению отношений между индивидом и обществом как функцию двух переменных $f(I, O)$. Обозначим аналогичные действия общества по отношению к индивиду через $f(O, I)$. В таком случае все этические суждения будут утверждениями относительно отношений $f(I, O)$ и $f(O, I)$.

Этические системы

Неэтичной (или противонравственной) можно назвать ситуацию *неравенства*, или неэквивалентности, $f(I, O)$ и $f(O, I)$. Соответственно, обратной (этичной) можно назвать ситуацию, когда эти совокупности действий каким-то образом сравнимы.

Прим.В.: Именно что «сравнимы», а не эквивалентны. Причём — не для конкретного индивида, а для любого индивида как элемента системы.

Что касается выражения «каким-то образом», оно обозначает следующее. Можно

³¹ При этом понятие «убийства» предполагает сложную совокупность условий. Удобнее определять не сами эти условия (предполагающиеся «известными по умолчанию»), а *отклонения* от них. Поэтому соответствующие формулировки звучат как «Убийство есть любое умерщвление человека человеком, кроме нижеперечисленных случаев...».

³² Разумеется, общество включает в себя и самого индивида. В этом смысле вполне возможно говорить об этических обязанностях по отношению к самому себе (как к части общества). Это верно даже в том случае, если всё общество состоит из одного-единственного человека.

выделить четыре разных способа установления эквивалентности между $f(I, O)$ и $f(O, I)$. Эти четыре способа будем в дальнейшем именовать *этическими системами*.

$$1. f(I, O) = f(O, I)$$

$$2. \bar{f}(I, O) = \bar{f}(O, I)$$

$$3. f(O, I) = f(I, O)$$

$$4. \bar{f}(O, I) = \bar{f}(I, O)$$

Кроме того, сюда же можно отнести ещё и четыре тавтологии:

$$f(I, O) = f(I, O)$$

$$\bar{f}(I, O) = \bar{f}(I, O)$$

$$F(O, I) = f(O, I)$$

$$\bar{f}(O, I) = \bar{f}(O, I)$$

В дальнейшем будем считать все тавтологии эквивалентными друг другу. Их можно выделить в отдельную группу.

Интерпретация смысла этих формул достаточно проста. Учитывая, что этические правила выражаются императивами (типа «я должен...»), нужно иметь в виду, что в левой части формулы всегда стоит императив. Поэтому выражение $f(I, O)$ в левой части следует читать «я должен вести себя по отношению к другим...». Что касается правой части формулы, то в ней описываются факты. Поэтому то же самое выражение в правой части читается как «я веду себя по отношению к другим...».

Итак, все логически возможные этические системы можно интерпретировать следующим образом:

1. Я должен вести себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению ко мне.

2. Я не должен вести себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению ко мне.

3. Другие должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.

4. Другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

0. Как другие ведут себя по отношению ко мне, пусть так и дальше продолжают. Как я веду себя по отношению к другим, так и дальше буду.

Этические системы как основы цивилизационных блоков

Не следует, однако, считать все эти правила равноценными вариантами одного и того же принципа. Разные этические правила порождают разные этические системы, которые являются основой *разных цивилизаций*. При этом блок цивилизаций, основанных на общем этическом фундаменте, образует некое единство, иногда не осознаваемое теми, кто находится внутри него, но зато хорошо видимое со стороны. Примерами могут служить понятия «Запада» и «Востока». Это, так сказать, блоки цивилизаций, основанных на разных этических системах (конкретно — на второй и третьей из нашего списка).

Не следует забывать о том, что *так* сформулированные правила, хотя и являются

остовом любой этической системы, *сами по себе* не могут быть ориентирами для поведения человека. Роль конкретных указаний играют правила более низкого уровня, уточняющие, дополняющие, а нередко и *ограничивающие* действие основного правила³³.

Для того, чтобы понять специфику *конкретных* этических систем, следует разобрать хотя бы наиболее очевидные следствия из указанных выше принципов.

Первая этическая система

Начнем с самого первого этического правила в нашей таблице. Оно таково:

$$f(I, O) = f(O, I)$$

Я должен вести себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению ко мне.

Другими словами:

Поступай с другими так, как они поступают с тобой.

Или:

Будь как все.

Как все, так и я.

С волками жить — по-волчьи выть.

Это ещё можно назвать *этикой подражания*. Человек, следующий такой этической системе, просто копирует (более или менее сознательно) поведение окружающих людей, и в первую очередь — отношение к себе лично. На практике подобное поведение не всегда кажется привлекательным или даже пристойным. Если окружающие ведут себя с данным человеком «нормально», то они могут ждать от него того же самого. Но если вокруг творится какое-нибудь бесчинство, он обязательно примет в нем участие, более того — будет считать это своим долгом, поскольку самый большой грех в рамках данной этической системы — «отрыв от коллектива».

В рамках этой системы невозможны такие ситуации, чтобы один человек был прав, а остальные неправы, или один человек поступает лучше, чем все остальные. Такая ситуация кажется (и является в рамках данной системы) абсурдной, противоречием в определении.

Подражание, вообще говоря — основа всякого поведения. *Человек подражает как себе (повторяя собственные действия), так и другим (научаясь)*. Первая этическая система является в этом отношении наиболее *естественной*, хотя, может быть, и не самой приятной для жизни в обществе.

Первая этическая система представляется для живущих по ней людей чем-то *вечным*. «Такова жизнь, так было *всегда*» — вот что думают те, кто живет по этим законам. В рамках этой системы безразлично, *когда* происходит действие — было ли оно совершено, совершается ли сейчас или только предстоит. «Он пытался меня убить, или он пытается

³³ Достаточно часто реальность такова, что поступать этично в некоторых ситуациях просто невозможно, так сказать, технически. В этих случаях этика *ограничивает* себя на определенном уровне. Более сложным является случай, когда этические ценности (то есть ценности, основанные на понятии *справедливости*) приходят в противоречие с другими, не менее значимыми для людей ценностями (например, ценностями *добра* или *свободы*). Именно такого рода коллизии и являются причиной того, что одинаковые в своей основе этические системы могут оказаться сильно отличающимися друг от друга на практике.

меня убить, или он собирается меня убить, он вообще *может* [имеет возможность, силу или желание] меня убить — значит, и я *могу* [имею право] его убить»: это — типичное рассуждение в рамках первой этической системы. Или, в общей форме: «Все *всегда* делают так, значит, и я *всегда* буду делать так, и раньше делал, и сейчас делаю, и в будущем буду делать».

Источником зла в данной этической системе считается непослушание, своеволие, вообще всякие проявления *неподчинения обществу*, понимаемые как *невнимание к окружающим*. Всякие проявления «своего мнения» и т.п. считаются просто проявлениями равнодушия или презрения к обществу, а отнюдь не «голосом совести». Естественно, это ни у кого не может вызвать никаких симпатий: человек, поступающий не как все, просто всех презирает и ни с кем не считается — вот вывод, которые окружающие делают тут же. «Он всех нас *опозорил*» — говорят о таком человеке, и стараются в лучшем случае вразумить его, а чаще — наказать, или вовсе от него избавиться.

Цивилизации, целиком основанные на первой этической системе, давно перестали доминировать на планете. Она сохраняется в рамках некоторых культур, которые можно обозначить словом «Юг»³⁴. Однако подобное поведение не исчезло, более того — непрерывно воспроизводится в рамках так называемых «субкультур». Достаточно понаблюдать, как устроены отношения внутри молодежной компании, банды или любого другого маргинального коллектива, чтобы увидеть первую этическую систему в действии.

Вторая этическая система

Рассмотрим второе этическое правило. Оно выглядит так:

$$\bar{f}(I, O) = \bar{f}(O, I)$$

Я не должен вести себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению ко мне.

Другими словами:

Не поступай с другими так, как они не поступают с тобой.

Или:

Если никто не будет, то и я не буду.

Не делай другим того, чего ты не хочешь себе.

Не делай того, чего боишься от других.

Это — так называемое «золотое правило этики», содержащееся уже в библейской литературе, и (в разных формулировках) дошедшее до наших дней. В рамках этого правила общество («другие») тоже признаются образцом, но не образцом для подражания, а образцом для *удержания* себя от каких-то поступков. Оставаясь в рамках этого правила, можно *не принимать участия* в том, что тебе не нравится (пусть даже *все так делают*), но нельзя *самому делать* то, чего не делают другие по отношению к тебе.

Данную этическую систему можно назвать этикой *страха*. Роль этических законов

³⁴ Судя по всему, одним из древних центров традиционной цивилизации Юга была Африка. Но, скорее всего, контролируемый ею некогда ареал был гораздо шире — например, к Первой этической системе относится некоторые (не самые развитые) культуры Кавказа. В настоящее время идеологией, наиболее полно выражающей ценности Первой этической системы, является *ислам*.

здесь играют прежде всего разнообразные *запреты*, или табу. Они, как правило, мотивированы *прошлым*: достаточным аргументом против совершения какого-то действия является тот факт, что *раньше* так не делали, или перестали делать *достаточно давно*. Так что можно сказать, что вторая этическая система вообще *ориентирует людей на прошлое* как на источник знаний и основных ценностей. В отличие от первой этической системы, в рамках которой время вообще не играет роли, здесь оно принимается во внимание. При этом высокая ценность прошлого приводит (на уровне философской рефлексии) к высокой оценке мира («космоса») и естественного порядка вещей.

В рамках такой этической системы возможен некоторый моральный прогресс: если человеку что-то очень не нравится, он может хоть как-то повлиять на окружающих, прекратив сам так поступать. Поскольку он сам является частью общества, у других людей (придерживающихся той же этики) возникает чувство, что они ведут себя не очень хорошо (поскольку какая-то часть общества так не поступает). Если от соответствующего поведения отказываются *много* людей, это начинает давить на остальных ещё сильнее — и так до тех пор, пока не сформируется запрет.

К сожалению, такие общества консервативны, поскольку всякое новшество (особенно *новое поведение*) встречается в штыки: для того, чтобы *всем* начать поступать по-новому, кто-то должен *первым* подать пример, а если больше никто так себя не ведет, поведение новатора автоматически объявляется безнравственным, особенно если это поведение касается всех, а не является его личным делом. Кроме того, количество всякого рода запретов в таком обществе неуклонно возрастает с течением времени: если кому-то однажды что-то не понравилось и он сумел каким-то способом убедить остальных избегать такого поведения, то это сохраняется надолго, если не навсегда. Если обществу все-таки необходимо изменить свое поведение, всем необходимо договориться, а это трудно, если вообще технически возможно. Так что при необходимости резко поменять поведение такого рода общество чаще всего разрушается и на его обломках создается новое, с другим поведением.

Источником зла в данной этической системе считается эгоизм, выражающийся в *жадности*, желании получить слишком много. Жадность, ненасытность, стремление к удовольствиям считаются наихудшими из пороков.

В рамках данной этической системы жили (и живут до сих пор) консервативные общества Востока. Эпоха, когда они доминировали, закончилась, однако они продолжают существовать, более или менее успешно приспосабливаясь к изменениям в мире.

Третья этическая система

Теперь обратимся к третьей этической системе. Она формулируется таким образом:

$$f(O, I) = f(I, O)$$

Другие должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.

Другими словами:

Не мешай другим поступать с тобой так, как ты сам поступаешь с ними³⁵.

Или:

Как я, так и все.

Живи и давай жить другим.

Не мешай.

Если тебе что-то не нравится — отвернись.

Если играл и проиграл — обижайся на себя.

Это является сутью того, что называется «либеральной системой ценностей». Именно она легла в основу жизни современной западной цивилизации. На протяжении последних веков данная этическая система (и принявшая её цивилизация) доминируют на планете.

На первый взгляд подобная система ценностей кажется весьма снисходительной, поскольку (если быть последовательным) в рамках подобной этики можно делать все что угодно. Но тогда все остальные имеют *моральное право* поступить с тобой так же, как ты до этого поступил с ними.

В такого рода обществе индивид может проявлять инициативу, не опасаясь немедленного осуждения со стороны общества просто за тот факт, что он сделал что-то новое и непривычное. Более того, такого рода этика прямо поощряет соревнование и конкуренцию. Движущим механизмом всей этой системы является желание иметь больше других, опередить их, короче говоря *зависть*. Третью этическую систему можно назвать этикой *зависти*. Роль этических законов низкого уровня здесь играют разнообразные *рекомендации*, сулящие те или иные награды за правильное поведение, — то есть не столько кнут, сколько пряник. Это и не удивительно, поскольку в рамках подобной этики гораздо страшнее *не получить чего-то желаемого*, нежели *лишиться чего-то уже имеющегося*. (Последнее, конечно, неприятно, но такую возможность зачастую считают «оправданным риском»).

Данная этическая система ориентирует людей на *настоящее*, происходящее сейчас. Прошлое рассматривается как «уже прошедшее» и в силу этого уже не имеющее большого значения: «вчерашний обед — это сегодняшнее дерьмо». Разумеется, мир в целом (как сумма прошлого) перестает быть образцом гармонии и становится просто источником ресурсов. Зато огромное значение приобретает *человек* со всеми его желаниями и прихотями, которые становятся невероятно значимыми.

Источником зла в данной этической системе считается *нетерпимость*, неспособность и нежелание учитывать чужое мнение, чужие желания, настроения, проблемы, считаться с ними, то есть, в общем-то, терпеть от людей то, что делаешь и сам. Жадность, корысть, эгоизм, стремление к удовольствиям, обогащению или славе, напротив, пороками не считаются, и даже приветствуются как «двигатель общественного механизма».

Понятие терпимости не подразумевает немедленного подражания другим, как в

³⁵ Более известна иная формулировка того же самого правила, созданная Кантом и названная им «категорическим императивом»: «Поступай с другими так, чтобы максима твоего морального поступка могла бы служить нормой всеобщего законодательства». К сожалению, у нас нет возможности подробно разобрать смысл сочинений Канта, посвященных интересующим нас проблемам; отметим только, что он адекватно сформулировал принципы, на которых основана западная цивилизация.

первой этической системе. Подражание — дело сугубо добровольное. Терпимость сводится не к принципу «делай, как мы», а к «каждый сходит с ума по-своему». Можно не присоединяться к другим, но нельзя мешать другим, что бы они ни делали.

Четвёртая этическая система

Наконец, мы рассмотрим последнюю, четвертую этическую систему.

$$\bar{f}(0, 1) = \bar{f}(1, 0)$$

Другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

Другими словами:

Не давай другим поступать с тобой так, как ты с ними не поступаешь.

Или:

Пусть все, но не я.

Не позволяй другим того (по отношению к себе), чего ты себе не позволяешь (считаешь невозможным) делать сам (по отношению к ним).

Не позволяй — ни себе, ни другим (по отношению к себе) делать то, что ненавидишь в себе и в других.

Данная этическая система пока не реализована в виде законченной системы, ставшей основой блока цивилизаций (наподобие трёх предыдущих), хотя это вполне возможно (соответствующий цивилизационный блок можно было бы назвать «Севером»). Тем не менее некоторые её свойства выводимы из определения.

Четвертая этическая система *полностью противоположна* первой по своей сути, поскольку первая гласит: *будь как все*. Она ориентирована на человека, который ведет себя определенным (этичным) образом *несмотря* на других, и очень часто *вопреки* другим.

Движущим механизмом данного типа этики является *ненависть к злу*. Таким образом, это этика *ненависти* и (одновременно) *упрямства*.

Данная этическая система ориентирована на будущее, на то, чего ещё нет и что *может случиться* (и особенно на *плохие* варианты будущего) с целью предотвращения его. Подобного рода ориентация на будущее приводит (при философских обобщениях) к низкой оценке существующего мира (как сумме прошлого), равнодушному отношению к человеческим желаниям (как эфемерным, существующим только в настоящем) и высокой оценке сознания и *ума*.

«Если я *не делаю* и *не собираюсь делать* того-то и того-то с другими, то они не имеют никакого права так обращаться со мной» — так устроен моральный императив четвертого варианта этики. Это совершенно не означает, что, если «другим» все-таки удастся это сделать, то тем самым они дали право поступать с ними так же. Виноват *прежде всего тот, кто допустил такое обращение с собой*. Достаточно ясно, что в рамках данной этической системы сила является источником блага, а человек, который *ничего не может, не может быть и хорошим человеком*. С другой стороны, такие действия, как *месть* (ориентированная на прошлое), не считаются этичными. Четвёртая этика исходит из того, что сделанного не вернешь. В рамках четвёртой этики можно предпринимать усилия, направленные на нейтрализацию или уничтожение врагов, но только в том случае, если от

них может исходить угроза в будущем.

Прим.В: Это не означает, что этика запрещает такие действия, но они в её рамках рассматриваются как *бессмысленные*, т.е. *не этичные* (но не анти-этичные). С другой стороны, вполне этичны *превентивные* действия, направленные на нейтрализацию *врагов* (если получилось — значит, они это допустили, сами виноваты).

Главным источником зла в рамках данной этической системы считается *нежелание связываться со злом*, потакание злу, готовность *смириться* с ним, *потворствование* ему (чем бы это не объяснялось).

Прим.В.: напоминаю, что автор в работе под добром/злом понимает не традиционные около- и просто религиозные искусственные моральные конструкты, а «то, что социум считает категорически правильным / неправильным».

Это потворствование может иметь разные источники, в том числе и личный эгоизм, а также и эгоизм *коллективный*. Общество как таковое для данной этической системы ничуть не лучше и *не моральнее* отдельного индивида. Его интересы могут быть столь же скверными (и, кстати, эгоистическими), как и интересы одного человека или группы людей.

Зло здесь понимается абстрактно, не как «вред» для индивида или общества, а как определенный принцип. Зло (в рамках данной системы взглядов) — это то, что при своей реализации *стирает различие* в уме между добром и злом, то есть уничтожает *способность суждения*. Это касается не только этического суждения, но и всякого суждения вообще. *Зло противостоит не чьим-то интересам, а уму как таковому*, уму как принципу. Зло — это то, что может *уничтожить ум*.

Аморальность как принцип

Теперь обратимся к нулевому варианту этики, то есть к её *отсутствию*. Мы назвали этот вариант *внеморальным*, или *аморальным*. Он входит в общую систему этических правил в качестве «тривиального решения», и играет в ней ту же роль, что и ноль в математике.

Данный вариант может быть описан четырьмя тавтологиями, эквивалентными относительно друг друга:

$$f(I, O) = f(I, O); \bar{f}(I, O) = \bar{f}(I, O); F(O, I) = f(O, I); \bar{f}(O, I) = \bar{f}(O, I)$$

Мне нет дела до других, как и им — до меня.

Другими словами:

Как другие ведут себя по отношению ко мне, пусть так себя дальше и ведут.

Как я вел себя по отношению к другим, так я и дальше буду себя вести.

Это позиция «честного безразличия» по отношению к чужим и своим действиям. Она сводится к признанию того, что «другие действуют, *как считают нужным*, и я тоже действую, *как считаю нужным*». Обижаться не на кого, любые претензии бесполезны, удивляться нечему, и можно от кого угодно ждать чего угодно. Единственные работающие критерии — *внеморальные*: действия могут быть эффективными или нет, вот и всё.

Такого типа человек может всю жизнь вести себя согласно нормам данного общества, но только потому, что боится наказания, исходящего от других людей или от государства. Если по какой-то причине у него нет оснований опасаться неприятностей для себя, он

способен сделать все, что угодно, не испытывая при этом никаких угрызений совести: он делает то, что считает нужным, и все.

Существуют как отдельные люди, так и сообщества людей (организации или даже «народы»³⁶), практикующие подобное поведение как норму. Как правило, *внутри* таких сообществ существует жесткая система взаимного контроля, позволяющая своевременно предотвращать случаи опасного для коллектива в целом поведения и наказывать за проступки. Внеморальность таких людей сдерживается и *внешними* факторами, поскольку окружающие люди, как правило, не доверяют таким людям, справедливо ожидая от них «чего угодно».

Не следует, однако, считать подобную позицию «злом». Она не противостоит этике (как, впрочем, и её противоположности): она вообще ничему не противостоит, а просто игнорирует этические принципы. С другой стороны, эта позиция сама является *принципиальной*, и не является просто «слабостью». Человек, придерживающийся её, чувствует собственную *правоту*, точно так же, как и придерживающийся какой-то этической системы. Более того, данная позиция требует известного самоограничения: например, человек, занимающий ее, не вправе обижаться на какие бы то ни было действия окружающих по отношению к нему, поскольку он не имеет возможности осуждать ни свое, ни чужое поведение.

Зло

Очевидно, что реальное поведение людей не может полностью соответствовать идеальной симметрии этических правил. Сплошь и рядом мы поступаем несправедливо, и это не всегда является злом. В конце концов, справедливость — только *одна* из ценностей, и её достижение *любой ценой* не всегда приемлемо. Тем не менее этически нормальный человек, почему-либо поступающий несправедливо, чувствует свою вину и раскаивается в этом, даже если другого выбора у него не было.

Но, кроме того, имеются люди, *сознательно отрицающие* этические правила и следующие *другим* правилам, которые можно назвать «законами зла». Такие люди вызывают у окружающих ненависть и страх, вне зависимости от того, сколько реального зла они успели причинить. Это и не удивительно, поскольку понятие «плохой человек» вообще применимо только к ним. Всех остальных (в том числе и многих, совершивших в своей жизни скверные поступки) можно считать не столько дурными, сколько *слабыми* людьми, испугавшимися каких-то неприятностей для себя, или не сумевшими выдержать сильного искушения. Их можно *презирать* за это, но и только. В большинстве случаев они понимают, что поступили дурно, и стараются либо *искупить* вину, либо *не думать* о ней (последнее, разумеется, бывает чаще). Человек аморальный способен на любое действие, но по крайней мере опасается неприятностей для себя и не будет вредить окружающим без очень веских на то причин. Но «плохой человек» не просто вредит другим людям, но ещё и *уважает себя* за это. У него имеется *жизненная позиция*, не всегда, правда, осознанная.

³⁶ Слово «народ» может применяться по отношению к этим образованиям только в переносном смысле. Подробнее см. ниже.

Некоторые негодяи даже формулируют её для себя в явной форме. Эти жизненные позиции антиморальны, но по-своему логичны, поскольку являются негативными вариантами этических систем, и имеют уровень общности, *равный* уровню общности позитивной этики. Это значит, что они поддаются описанию на том же языке, на котором формулируются этические законы.

Соответствующие правила (лучше называть их *жизненными позициями*) всегда *антисимметричны*, то есть отрицание встречается только в одной части формулы (левой или правой).

Таких формул оказывается *четыре*: тавтология вида $f(I, O) = f(I, O)$ не имеет асимметричного аналога, поскольку введение отрицания в любую часть высказывания превращает его в противоречие³⁷.

Рассмотрим все варианты антиморальных жизненных позиций:

$$\bar{f}(I, O) = f(O, I)$$

$$f(I, O) = \bar{f}(O, I)$$

$$\bar{f}(O, I) = f(I, O)$$

$$f(O, I) = \bar{f}(I, O)$$

Обман и паразитизм

$$\bar{f}(I, O) = f(O, I)$$

Я не должен вести себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению ко мне.

Другими словами:

Я не буду делать для других того, что они делают для меня.

Это позиция *обмана*, которую ещё можно назвать *паразитической*. Получая нечто, человек принимает это, не считая нужным за это чем-то заплатить.

Реализовываться эта жизненная позиция может по-разному, и проявляться в разных действиях — начиная от тривиальных (типа невозвращения долгов) и кончая весьма изощренными.

Эгоизм и *неблагодарность*, характерные для такого субъекта, растут по мере удовлетворения его appetitов. Поведение окружающих, работающих за него, дающих ему деньги и терпящих его капризы, он склонен объяснять их *обязательствами* по отношению к нему (если это его родители, друзья, партнер по браку и т. п.), причем за собой он никаких обязательств не признает³⁸ и даже стремится свести к минимуму то малое, что ему приходится исполнять. Людей, не позволяющих себя обманывать и паразитировать на себе, такой человек может уважать и даже побаиваться, но держится от них подальше.

Как правило, такие люди в глубине души убеждены, что они *выше*³⁹ окружающих, и уже

³⁷ Формулы вида $\bar{f}(I, O) = f(I, O)$ бессмысленны в рамках нашей интерпретации, поскольку правила поведения вида «я не делаю другим того, что делаю другим» неисполнимы практически.

³⁸ По типу «Я не просил их, чтобы они меня рожали — пусть теперь кормят и терпят меня, раз уж им захотелось ребенка»; «Я его не люблю, это он хотел на мне жениться — пусть теперь оплачивает мои расходы» и т. п.

³⁹ По праву рождения, образования, ума, внешности, или «просто потому, что это так» — не столь важно.

тем самым имеют особые права. Интересно, что окружающие часто *соглашаются* с этим. Во-первых, чужая уверенность заразительна. Во-вторых, такие люди часто бывают обаятельными, привлекают и даже завораживают. Более того, иногда они кажутся *более* симпатичными и приятными (на первый взгляд), чем «просто хорошие люди»⁴⁰. Это неудивительно: *обаяние* чаще всего сводится к тому, что человек «всем своим видом» *возбуждает ожидания* чего-то приятного (в этом смысле щедрость, веселость, искренность обаятельны.) Но человек может возбуждать и *ложные* ожидания, в том числе и *принципиально неисполнимые*. И это может казаться *более* привлекательным, чем обычно. Другое дело, что этичные люди так себя не ведут — не потому, что сознательно воздерживаются от такого поведения, но потому что *чувствуют*, что этого делать нельзя. Паразит и эгоист этого не чувствуют. Очаровательный мерзавец и хладнокровная кокетка «всем своим видом» показывают, что они могли бы дать другим людям нечто совершенно потрясающее. Такое поведение воспринимается всерьёз, хотя по сути дела это просто утонченная ложь. Впрочем, такие люди *живы* во всем, и обычно не брезгают прямым обманом, поскольку не чувствуют при этом ни малейшей неловкости⁴¹.

Насилие

Перейдем ко второму варианту антиморального поведения.

$$f(I, O) = \bar{f}(O, I)$$

Я буду вести себя по отношению к другим так, как они *не* ведут себя по отношению ко мне.

Другими словами:

Я буду делать с другими то, чего они со мной не делают (не могут или не хотят).

Если предыдущее правило — это жизненная позиция *паразита*, то это — кредо *насильника*. Такой человек не ждёт, что другие сделают ему что-то хорошее: он рассчитывает, что они не смогут ему помешать сделать с ними что-то плохое. Он вполне может быть честным, поскольку склонен не обманывать и выманывать, а отнимать то, что ему нравится.

Он не считает себя *лучше* других. Скорее, он убежден, что другие *хуже* него — то есть *слабее* (во всех смыслах этого слова). Мораль его проста: если человек не может удержать то, что имеет, то он и недостойн это иметь. Если я *могу* что-то отнять у него, значит, я *вправе* это сделать. Все решает *сила* (опять же в самом широком смысле слова).

Такие люди обычно не пытаются внушить к себе симпатию — скорее, они хотят, чтобы их *боялись* (или, на худой конец, *не связывались* бы с ними). В отличие от первого случая, где основным инструментом вымогательства служит конфетка (внутри пустая), такие люди предпочитают политику кнута — начиная от демонстрации обычной бытовой наглости и

⁴⁰ Именно отсюда идут представления об «особом очаровании порока».

⁴¹ Конечно, существуют и менее эстетичные варианты паразитизма такого рода. Особенно отвратительными выглядят попытки использовать хорошие чувства людей, чтобы паразитировать на них. «Вечный больной», всю жизнь умирающий от рака и потому живущий за счет семьи; «страдающая жена алкоголика», в чьё положение все обязаны «входить»; «бедный родственник», камнем висящий на шее у семьи — все это разные проявления того же самого поведения.

кончая ломанием костей. Тем не менее слабые и завистливые иногда восхищаются подобными людьми, лебезят перед ними. Иногда возникает даже своеобразный культ бандита и насильника, прославляемого в качестве «сильной личности».

Если говорить о *массовом* аморальном поведении, то это поведение *оккупанта*. Так ведут себя люди «со стороны», *пришедшие* в общество *извне*. В более мягком варианте это позиция «завоевателя высот», пытающегося таким образом пробиться наверх.

Мы не рассматриваем остальных вариантов антиморального поведения. Антиморальные жизненные позиции связаны друг с другом гораздо теснее, нежели этические системы. По сути дела, они являются разновидностями всего *двух* основных форм зла: *насилия* и *паразитизма*. Эти два явления, в свою очередь, поддерживают существование друг друга: систематическое насилие приводит к паразитизму, который, в свою очередь, порождает насилие как единственную доступную форму протеста.

Прим. W.: Добавлю, ибо ничего сложного.

$\bar{f}(O, I) = f(I, O)$ — **другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим**. По сути — дополнение к предыдущему с дополнительной наглостью: не просто «я веду себя по отношению к другим так, как они не позволяют себя вести по отношению ко мне», но и «другие не должны отвечать мне эквивалентно». Иллюстрируется известным анекдотом «А нас-то за шо?!».

$f(O, I) = \bar{f}(I, O)$ — **другие должны вести себя по отношению ко мне так, как не веду себя по отношению к другим**. С учётом того, что речь идёт «о полезностях» в поведении, это позиция — паразитизм с наглостью, т.е. не просто «я на других паразитирую», но и «они должны этому радоваться и всячески мне помогать».

Этика и понятие истины

Этические системы имеют отношение не только к поведению человека в обществе. Они принимают участие в формировании ряда понятий, в том числе и самого важного из них — понятия *истины*.

Прим. W.: Здесь не буду расписывать кривизну термина «истина», просто заменяйте его на тексту на «знание». «Глубокая связь» тут из-за религиозного «наследства»: мол, истина и справедливость — она от бога такого-то образца в такой-то трактовке.

Глубокая связь понятий *истины* и *справедливости* ощущалась людьми всегда. Лучше всего эта связь выражена в русском языке, где существует слово *правда*, имеющее одновременно гносеологический и этический смысл. Более того, гносеологическое значение (правда как «истина», «соответствующее действительности высказывание») само имеет этическую сторону: стремиться к правде хорошо, исказить её — плохо⁴². (Впрочем, русский язык в этом отношении не уникален: достаточно посмотреть на параллели в европейских языках, чтобы убедиться в этом.)

«Истиной» мы называем всякое представление, мнение или высказывание, соответствующее чему-то во «внешнем мире». При этом предполагается, что в самом этом

⁴² Если посмотреть на антонимы слов «истина» и «правда», то истине противоположно *невежество* или *незнание* (то есть *бессознательное* состояние), а правде — *ложь* (как моральное зло, творимое сознательно).

высказывании содержится исчерпывающая информация относительно того, чему оно соответствует. Короче говоря, истина — это «эквивалентность» каких-то явлений в реальном мире и какого-то содержания сознания.

Однако, сознание и реальность — слишком разные вещи, чтобы говорить о каком-то соответствии между ними. Чем бы ни было сознание, оно устроено иначе, нежели реальность. Говорить о том, что «в уме» существуют какие-то «картинки», «отображающие» реальность (правильно или неправильно) — нельзя.

В таком случае, представление о «соответствии» приходится пересмотреть. Предположим, что содержание сознания ни в каком смысле не «эквивалентно» явлениям во внешнем мире. Достаточно предположить, что между ними есть какая-то связь, или какое-то соотношение. Так вот, эта связь может быть двусторонней: наши представления как-то соотносятся с реальностью, и реальность как-то соотносится с нашими представлениями.

Эти два соотношения можно сравнивать. В частности, они могут быть эквивалентны: наши представления относятся к реальности так же, как реальность относится к нашим представлениям. Поскольку и то, и другое — отношения между одними и теми же объектами (сознанием и реальностью), их сравнение возможно.

«Истина», в таком случае — это ситуация, при которой отношение сознания к миру и мира к сознанию одинаковы. Напротив, «ложным» можно назвать любое представление, для которого это условие не выполняется. Например, если мы считаем, что во внешнем мире нечто есть, а мир относится к нам так, будто этого нет, то из этого следует, что мы находимся в заблуждении.

Это не значит, что все «ложное» обязательно ошибочно. В мире есть много непознанного, а в сознании есть много неистинного, но и не «ошибочного», а просто не соответствующего ничему в мире — например, наши цели и идеалы.

Итак, **истина — это соответствие иному**, прежде всего — симметричное соответствие бытия и сознания⁴³.

Прим.В.: Здесь автор лажает, смешивая действительность и реальность (бытие). Для рассуждений об этике не важно, но глюк серьезнейший, поэтому указываю. Мы ничего не можем сказать о бытии, мы лишь строим модели действительности.

Как только мы заговорили о симметрии, мы обязаны ввести *критерии* симметричности, удостоверяющие её наличие. Эти критерии, сформированные в рамках этики, переносятся в область познания. Остается рассмотреть, как это происходит.

В процессе *познания* речь идет не об отношении человека и *общества*, а об отношении человека и *мира*. Поэтому в дальнейшем изложении будет применяться константа **М** (лат. *tundus* «мир») вместо **О**.

Ниже мы изложим ряд соображений о понятии истины в рамках первой, второй и третьей этической систем.

⁴³ Можно говорить и о других видах истины — например, отношения между реальностью и *знаками* (текстом).

Понятие истины в рамках 1-й системы (Юг)

$$f(I, M) = f(M, I)$$

Я должен вести себя по отношению к миру так, как мир относится ко мне.

Я должен уподобиться реальности.

Прим.В.: здесь и далее вместо «реальности» следует читать «действительность».

Это определение истины как *точного подобия* мира. Чем *точнее* это подобие, тем лучше. В рамках подобного понимания мира *нет места абстрактному знанию*: общие утверждения не соответствуют ничему конкретному, а потому и не могут претендовать на истинность.

В рамках подобного понимания истины самыми верными и надежными знаниями являются хорошие чувственные восприятия. Разумеется, чувства часто обманывают — поэтому их следует изощрять, усиливать и развивать. Это касается как ушей и глаз, так и интуиции.

Знание такого рода слишком конкретно, чтобы быть выразимым и описуемым. Да оно и не нуждается в описании. Это знание охотника, чующего добычу, знание крестьянина, угадывающего завтрашнюю погоду. Поскольку обстоятельства меняются слишком часто, бессмысленно пытаться *описывать* или *передавать* это знание кому-то ещё. Можно только научить *узнавать* — что достигается прежде всего опытом.

Если говорить об истине как о симметричном соответствии реальности и сознания, то данная формула утверждает, что наилучший способ достичь этого соответствия — *совпадение* сознания и реальности, их соединение. Если между человеком и окружающей реальностью ничего не стоит, а его сознание полностью открыто и познает действительность «как она есть», то такая ситуация наилучшим образом обеспечивает *истинность* его мнений. Всякое *несовпадение* бытия и сознания оценивается сразу же негативно — как причина возможных ошибок при познании.

Основным принципом познания в рамках Первой этической системы выступает, таким образом, *принцип аналогии*. Его некорректное использование приводит к тому, что мы называем «магическим мышлением», то есть к представлению о «всеобщей взаимосвязи» явлений.

Прим.В: точнее — «мистическим мышлением».

Понятие истины в рамках 2-й системы (Восток)

$$\bar{f}(I, M) = \bar{f}(M, I)$$

Я не должен вести себя по отношению к миру так, как мир не относится ко мне.

Я не должен противоречить реальности.

В данном случае истиной является не только то, что точно соответствует фактам, но вообще *всё, что не противоречит фактам*. Здесь уже возникает возможность появления *теоретического знания*. Общие положения не являются точным описанием конкретных фактов — но они (если только они истинны) не противоречат никаким фактам. Общие утверждения даже в чем-то предпочтительнее конкретных, поскольку уменьшают вероятность ошибки: существуют такие общие суждения, против которых не поспоришь.

Появление второй этической системы сделало возможным *философию* и *теоретическую науку* (например, языкознание). Однако она не дает возможности развиваться экспериментальному естествознанию, поскольку отказывает в истинности знаниям, добытым «противоестественным путем» (то есть, например, в ходе экспериментов, последовательно *нарушающих* «естественный ход вещей», а не воспроизводящих его). Не допускается и перенос принципов и методов одной науки на другую.

Опыт как источник познания никоим образом не игнорируется, но имеет совершенно другой смысл, нежели в предыдущем случае. Опыт не рассматривается как нечто *подтверждающее* то или иное мнение: опыт может только *опровергнуть* его. В этом смысле мнение не должно *противоречить* опыту — но не обязательно прямо ему соответствовать.

Таким образом понятие истины *отступает* от реальности, как бы делая шаг назад. Реальность и представление *больше не совпадают*. Приоритет, тем не менее, на стороне реальности — представление не имеет права противоречить ей ни в чем. Реальность, однако, оставляет место для того, чего в ней самой нет (например, для общих понятий или для богословия), и соответствующие познания тоже истинны (то есть, по крайней мере, не ложны).

Понятие истины в рамках 3-й системы (Запад)

$$f(M, I) = f(I, M)$$

Мир должен вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к нему.

Реальность должна уподобиться мне.

Здесь происходит гносеологический переворот: само понятие истины радикально меняется. Теперь «истинным» считается не только то, что *соответствует* фактам (такого рода рабское подражание реальности становится малоинтересным) или *не противоречит* им (это важнее, но все-таки ещё не все), но и то, что *позволяет создавать новые факты* (в том числе и никогда ранее не происходившие).

Новые факты — это не более и не менее чем *изменение мира*. И западная цивилизация к этому действительно стремиться. Если цивилизации Юга пытались адаптироваться в рамках существующей природной среды, а цивилизации Востока — хотя бы не идти против природы, то Запад пытается *покорить* природу, *переделать* её под собственные нужды. Рецепты этой переделки и являются научным знанием в западном смысле слова. Знание — это знание того, как вызвать некий эффект. Чем меньше шансов наблюдать этот эффект «просто так», в окружающем мире, тем *ценнее* это знание.

Сутью западной науки является не высокая теоретическая культура (хотя она, безусловно, имеет место), даже не математизация большинства наук (как бы ни был важен этот шаг), а *экспериментальный метод*. Эксперимент — отнюдь не воспроизведение природных явлений (в таком случае можно было бы ограничиться просто наблюдением таковых), но прежде всего попытка создать явления *внеприродные*, не встречающиеся в природе, проверить *прочность* «естественного порядка вещей» — с явным намерением

взломать его хотя бы в одном месте, и получить знание о *внеприродном*.

Когда экспериментальное знание называют *опытным*, это означает только одно: возможность проведения успешного эксперимента (чего бы этот эксперимент не стоил). Опыт здесь понимается не как *созерцательный* опыт, но как опыт по *преобразованию* реальности. Назвать это «практическим» опытом, пожалуй, нельзя — поскольку практика тоже бывает разная. Она может даже принципиально исключать всякое преобразование мира.

В рамках данного подхода понятие истины ещё больше отступает от реальности, делая второй шаг назад. Реальность и сознание здесь расходятся ещё сильнее, поскольку приоритет на сей раз принадлежит *сознанию*: все, что оно способно непротиворечиво помыслить, может быть реализовано, даже если этого ещё никогда не было в мире.

В этом смысле не стоит заблуждаться в вопросе об аналогичности восточного и западного теоретического знания. Формулы и уравнения, «описывающие реальность», описывают на самом деле *то, что можно и чего нельзя сделать с реальностью*, границы нашей *власти* над ней.

В этом смысле западная *техника* является наиболее адекватным выражением этого понимания истины — в то время как западная *наука* во многом сохраняет архаические черты. Разумеется, атомная физика, синтезирующая новые частицы, продвинулась дальше, чем, скажем, языкознание, не способное на синтез новых языков, или социология, не могущая ставить масштабные эксперименты на обществе. Тем не менее экспериментальная тенденция пробивается и в этих науках — хотя бы в форме «машинного моделирования» языка и общества.

Можно даже представить себе «абсолютный эксперимент» (то есть научный опыт, который дал бы *максимум* познания о мире) как искусственно созданную ситуацию, *не встречавшуюся доселе во Вселенной*. Очевидно, это было бы равносильно *творению нового мира* — но именно таким путем можно было бы узнать о существующем мире всё самое важное.

Прим.В.: Последний тезис не понял. Поскольку автор по какой-то причине пропустил 4-ю систему, за которой как раз и будущее, то добавляю от себя.

Понятие истины в рамках 4-й системы (Север)

$$\bar{f}(M, I) = \bar{f}(I, M)$$

Мир не должен вести себя по отношению ко мне так, как не я веду себя по отношению к нему.

Мир не обязан соответствовать моим представлениям, и мои представления о себе не есть истина.

Реальность не есть действительность.

Возможно, здесь немного сложновато, поэтому поясню.

Это — не наивняк №3 «что новое изобрёл, то и истина», а познание в полном смысле слова — скептическое, а не сциентистское, как в №3. Умение работать с модальностями, вероятностями и прочим, познавать мир, а не насиловать его без нужды своими преобразованиями.

Попытка создать явления *внеприродные*, не встречающиеся в природе, как в №3 — это всяческая мистика, каббализм и проч. Здесь же — корректный научный и адекватный оккультный подход.

См. по теме:

Лекция I:07. Warrax: «Классификации методологий мышления» (22.03.2013)

<http://warrax.net/daimon/lectio/lections1.html>

Лекция IV:01. Warrax: «Важность скептического подхода в оккультизме» (09.05.2014)

<http://warrax.net/daimon/lectio/lections4.html>

Часть IV. ПОЛЮДЬЕ

Проблематичность этического поведения

Говоря об этических системах, необходимо учитывать, что ни одна из них не может быть реализована вполне. Одна из причин тому — чрезвычайная сложность и хрупкость баланса ценностей в рамках каждой конкретной культуры. В совершенстве уравновесить все четыре ценности, не поступаясь при этом справедливостью и пользой, и одновременно находя место для проявлений превосходства и удовлетворения потребности в свободе, пока ещё не удавалось ни одному обществу.

Причина тому не только аморальность или слабость отдельных людей (хотя таких более чем достаточно в любом обществе) и даже не так называемые «требования реальности» (которые и впрямь часто накладывают ограничения на возможность «поступать по совести»). Разумеется, в любом обществе хватает своих мерзавцев, не считающих нужным следовать какой бы то ни было этике. Ещё больше встречается людей, которые признают этические правила, но время от времени отступают от них под влиянием соблазна или страха. Наконец, бывают ситуации, когда поступать нравственно оказывается не только сложным, но и опасным для общества делом. Но значимость всех этих причин на самом деле сильно преувеличена. Разговоры о всемогуществе злых людей, о человеческой слабости и греховности, равно как и о «общественной необходимости» (якобы все время толкающей только на дурные дела) ведутся отчасти потому, что люди склонны игнорировать некоторые скрытые, но очень значимые причины неэтичного поведения — особенно *массового*.

Эти причины скрыты в самой же этике. Напомним, как «работает» этическая система. Человек ведет себя правильно не потому, что знает соответствующую формулу (как, скажем, можно знать математическое определение прямой линии). Как правило, он *чувствует*, как надо поступить, несмотря на то, что зачастую даже не может объяснить, почему, собственно, это так. «Он поступил правильно» — говорят о человеке, совершивший невыгодный для себя (иногда даже для всех остальных!), но справедливый поступок. Объяснить, «зачем это надо и кому от этого будет лучше» иногда невозможно — и, однако, всем понятно, что надо было поступить именно так, а не иначе.

Однако, очень часто люди совершают явно плохие (и к тому же вредные даже для себя лично) действия, не испытывая при этом угрызений совести, более того — считают, что поступают правильно. История переполнена примерами такого поведения. Начиная от коллективной травли выдающихся людей и кончая массовым доносительством, от кухонных свар и до национальных конфликтов, люди не просто совершают множество гнусностей, но при этом ещё и *убеждены в своей правоте*. Иногда даже имеет место своеобразный героизм, когда человек приносит вред ближним, не думая о последствиях для себя. Но самое замечательное, что при попытке выяснить, зачем он это делает, мы получаем неожиданный ответ: *ради справедливости*. Надо набить морду очкарику, потому что он отличник и получает пятерки. Это несправедливо. Надо плюнуть в суп соседке, потому что соседка шляется по мужикам и поздно приходит домой. Соседка никому не

мешает, но надо «навести справедливость». И так далее — примеры можно умножать до бесконечности. При этом нельзя объяснить все обычной завистью. Завистник сам хочет обладать тем, что имеет другой. Но в некоторых случаях такое желание может отсутствовать. Например, женщина, плюющая в суп соседке, может и не завидовать её образу жизни. Возможно, она ни за что не стала бы иметь дело с теми мужиками, с которыми та проводит время. Её возмущает именно чужая «безнравственность».

Важно отметить, что дело не сводится к обычным отношениям в рамках сферы коммунальных отношений. Подобные действия совершаются (или, по крайней мере, демонстрируются соответствующие эмоции) не только и не столько по отношению к тем, с кем человек связан двусторонними отношениями, но и к совершенно *посторонним* людям.

Многие мыслители, замечавшие, что подобные чувства очень часто приводит ко взрыву ненависти и злобы, начинают сомневаться в пользе этики вообще. Время от времени возникают теории, гласящие, что моральные чувства — архаичные, племенные, подавляющие личность и бесполезные в современном мире. При этом, правда, оказывается, что любые попытки обойтись без этики кончаются завуалированной ссылкой на неё же. Например, многие верят, что общество может прожить без чести и достоинства, на одних «здоровых началах конкуренции». Но даже экономическая практика показывает, что обществу полезна не всякая, а только *честная* конкуренция. Субъективную честность пытаются, в свою очередь, заменить лояльностью, страхом перед законом. Но нарушать закон выгоднее, чем его соблюдать, а для защитников закона, лишенных совести, куда выгоднее просто захватить власть, поставив самих себя на место закона. Для того, чтобы защищать закон бескорыстно, необходимо по крайней мере *желание* его защищать, то есть (опять же) обостренное моральное чувство. И так далее — как ни пытайся избавиться от самого понятия этики, в конце концов она все равно оказывается необходимой, если мы только не хотим, чтобы все развалилось.

И все-таки претензии в адрес моральных чувств обоснованы. Действительно, имеется сколько угодно примеров подавления личности, беспричинной злобы, жестокости и т. п., связанных с «чувством справедливости». Но все эти претензии обращены именно к *чувству*, а чувство может и обмануть. К сожалению, интуитивное владение этическими правилами не спасает от *искажения формулировок* этих самых правил.

Это искажение формулировок может идти только в одном направлении. Поскольку справедливость *симметрична*, и любой человек это *чувствует*, этические формулы не могут «перекосяться» в сознании (стать несимметричными) без того, чтобы человек этого не заметил. Невозможно *незаметно для себя* отказаться от самого понятия справедливости. Разумеется, его можно сознательно отвергнуть или проигнорировать, но это нужно сделать *сознательно*.

Всем нам кажется, что перекося этических формул — это единственная опасность, подстерегающая человека в сфере морали. Конечно, соблазн чуть-чуть (или даже сильно) подправить весы справедливости в нужную сторону всегда есть. Эгоизм, жадность, лень и прочие общеизвестные пороки этому способствуют. Но тогда у человека имеется только

один выбор — или быть сознательным эгоистом, отвергающим все моральные ценности как таковые, или непрерывно тратить усилия для убеждения самого себя в том, что его эгоизм или жадность обусловлены высшими соображениями или хотя бы имеют какое-то оправдание. И то, и другое довольно сложно. Мало кто решается стать «честным мерзавцем». Большинство предпочитает убаюкивать себя самообманом, проявляя иногда при этом чудеса изобретательности. Но, как бы ни было малопривлекательным подобное занятие, это все-таки ещё не самое худшее. Этические формулы уязвимы не извне, а изнутри.

Полюдые

Это значит, что, оставаясь симметричными (то есть с виду «справедливыми»), формулы могут исказиться. Это искажение кажется на первый взгляд вполне безобидным. На словах оно выглядит так: из формулировки этического правила (например, «не относись к *другим* так, как они не относятся к *тебе*»), убирается пара «лишних» слов. Остается: «*не делай того, что другие не делают*». Эта фраза кажется очень похожей на предыдущую. Более того, она не противоречит предыдущей. Она просто немножко шире по смыслу.

На самом деле разница огромна. Человек, честно живущий по канонам второй этической системы, может вызывать уважение. Но человек, вообще не делающий ничего такого, чего не делают другие (не по отношению к ним, а вообще!), просто трус, или, в лучшем случае, ретроград. Ничего «морального» в таком поведении нет. Если же такой человек ещё и насаждает подобные воззрения, он становится просто опасен.

Картина становится ещё более ясной, если мы перейдем от слов к формулам. Приведенный пример в таком случае выглядел бы как замена формулы $\bar{f}(I, O) = \bar{f}(O, I)$ на формулу $\bar{f}(I) = \bar{f}(O)$. Первая формула читается как «Я не должен относиться к *другим* так, как они не относятся ко мне». Вторая — «Я не должен делать того, чего *другие* не делают».

Замена двужанной функции на однозначную возможна для всех этических правил. При этом они (не теряя симметрии) превращаются во что-то другое, иногда очень далекое от идеалов справедливости. Самое же плохое то, что *изменившиеся формулы по-прежнему кажутся выражением этических систем, поскольку они симметричны*.

Нормы поведения, соответствующие этим усеченным формулам, в дальнейшем будем называть *полюдыем*. Это старое русское слово первоначально означало *дань*, собираемую со всех. Если этическое поведение иногда называют *долгом*, то полюдые относится к этике как дань к долгу.

Отношение полюдые к этическим системам

Первая этическая система $f(I, O) = f(O, I)$ («Поступай с другими так, как они поступают с тобой»), искажаясь, приводит к формуле $f(I) = f(O)$ («Делай то же, что и все»). Впрочем, это не сильно расходится с самой порождающей этической системой, требующей почти того же самого.

Пример со второй этической системой мы уже рассмотрели. Заметим только, что различие здесь становится более значимым.

Третья этическая система $f(O, I) = f(I, O)$ («Другие должны относиться ко мне так, как я отношусь к другим») дает правило $f(O) = f(I)$ («Все должны делать то, что делаю я»). Это уже совсем небезобидный вывод, весьма далекий от либеральной морали, его породившей.

Примечание: именно так в этой этической системе распространяются «права меньшинств» и проч.

Наконец, четвертая этическая система $\bar{f}(O, I) = \bar{f}(I, O)$ («Другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к другим») дает формулу $\bar{f}(O) = \bar{f}(I)$ («Никто не должен делать того, чего не делаю я»).

Эти четыре идеи *заражают* сознание, подменяя собой понятия о справедливости и чести.

Достаточно очевидно, что в любом обществе имеются все четыре разновидности полюдья, но преобладает, как правило, та, которая является вырождением соответствующей этической системы.

В случае двух первых этических систем его влияние очевидно и не требует особых комментариев. Но уже по отношению к третьей этической системе полюдье становится чем-то очень непохожим на саму этику, вступая с ней в очень сложные отношения.

Напомним, что либеральная цивилизация основана на принципах невмешательства и свободы рук: $f(O, I) = f(I, O)$ (нельзя мешать другим делать то, что ты делаешь сам по отношению к ним). Это кажется на первый взгляд очень достойной и гуманной позицией. Но третья этическая система вырождается в полюдье, действующее по принципу $f(O) = f(I)$, то есть «пусть все делают то же самое, что и я», «пусть все живут так, как живу я», короче — «пусть все и везде будет как у меня».

Поведение, ориентированное на этот стандарт, широко распространено на Западе. Нет нужды говорить, что такая идея кажется весьма далекой от идеалов терпимости и гуманизма. Но либеральная мораль эту идею и не утверждает. Это её тень, полюдье, порожденное ею и одновременно конфликтующее с ней.

Нет ничего удивительного, что один и тот же человек исповедует идеалы свободной конкуренции (требующей разнообразия), и одновременно считает себя, свои занятия, интересы и образ жизни идеалом, и возмущается тем, что другие живут не так, как он. Более того, такие люди вполне готовы навязать себя, свои мнения, свои привычки всем окружающим и с удовольствием это делают.

Именно полюдье Третьей этической системы сыграло роль морального обоснования западной экспансии. Оно вызвало к жизни агрессивность западной цивилизации по отношению к миру в целом. Либеральный Запад непрерывно и последовательно навязывает всему миру свой образ жизни, свои привычки, свои ценности (выдаваемые за «общечеловеческие»), свои гамбургеры и кока-колу, наконец. И большинство западных людей это одобряют. Им кажется, что они при этом поступают хорошо и *правильно*.

Классическим примером сочетания крайнего либерализма и крайней навязчивости является Америка. Одна из самых либеральных культур одновременно является самой агрессивной и нетерпимой (как внутри общества, так и вовне). Известные и неприятные

свойства этой культуры — такие, как наглость, напор, безудержная реклама и самореклама, вообще манера *навязывать себя* всем остальным — все это совмещается с искренней верой в либеральные ценности и следованием им.

Все это можно было бы списать на «европоцентризм» или «западный шовинизм». Но шовинизм — явление временное, возникающее как реакция на национальные и социальные проблемы. Здесь же мы имеем дело с *фундаментальным* свойством данной цивилизации, с постоянно действующим фактором, принимающим разные формы, но неизменным по сути.

Это не значит, что этика и полюдые друг другу не мешают. Даже в первых двух цивилизационных блоках (на Юге и на Востоке) имеют место ситуации, когда этика и полюдые конфликтуют. Сила цивилизации проявляется во всемерном *ограничении* полюдья, пресечении соответствующего поведения. Нужно, однако, отметить, что *систематические отступления* от этических принципов приводят к *росту* полюдья. *Нереализованное желание справедливости ищет выхода, и находит его в извращенной форме*. Это напоминает фрейдовскую сублимацию наоборот: как неудовлетворенные «низшие желания», подавляемые контролем сознания (то есть прежде всего этикой), выходят на свет в искаженном, причудливом (а иногда и облагороженном) виде, так и неудовлетворенные «высшие желания», не найдя реализации, как бы продавливаются в глубину сознания и начинают подпитывать низменные страсти.

Подавлять этические инстинкты человека не менее (а то и более) опасно, нежели его сексуальность. Фрейд ошибался, приписывая морали и нравственности чисто «контрольную» функцию, и представляя себе этику в виде какого-то фильтра, или, точнее, стены, о которую разбиваются волны либидо. Стремление к добру и справедливости, желание жить правильно — это сильнейшие *желания* человека, не менее сильные, чем либидо. Если они систематически не удовлетворяются, то они принимают извращенные формы.

Полюдые и массовое поведение.

Одним из бросающихся в глаза различий между этическим поведением и полюдьем состоит в том, что этика обладает гораздо меньшей мобилизующей силой, поскольку обращена к *индивиду* и его отношениям с его обществом. Напротив, полюдые — отличное средство для разжигания «массовых чувств». Можно сказать, не особенно преувеличивая, что моральное поведение человек демонстрирует наедине с ситуацией, а полюдые охватывает толпы.

Полюдые можно противопоставить только этику, причем именно ту, которая является образующей для данного типа полюдья. Соотношение сил между этической системой и полюдьем можно изобразить примерно так:

Из всего сказанного, однако, не следует делать вывод, что полюдьё всегда и во всех случаях является только отрицательным явлением. В некоторых особых случаях вызываемые им чувства и мотивации вполне уместны. Как правило, это ситуации, требующие быстрой и массовой мобилизации — например, война. Полюдьё способно временно объединить людей, противопоставив их общему врагу. Но полюдьё способно и расколоть общество, особенно в периоды значительных социальных изменений.

Дополнение.

Базовые эмоции, три свойства сознания

Примечание: в этой главе используется терминология, не имеющая никакого отношения к конвенциональной. Так делать нехорошо, вносит путаницу. Впрочем, всё объясняется и понятно; но — зачем?!

Предварительные замечания

Несмотря на то, что теория поведения может быть изложена без каких-либо отсылок к мотивам действий, что позволяет не обсуждать психологическую проблематику, мы сочли возможным высказать некоторые соображения по этому поводу, а также затронуть ряд других вопросов, представляющих, как нам кажется, самостоятельный интерес. Все это, однако, не является необходимой частью содержания книги.

Индивид: субстанциональное определение

До сих пор мы рассматривали индивидов только с одной точки зрения: как участников общественных отношений. При этом мы не вдавались в рассмотрение одного существенного вопроса: что, собственно, позволяет индивидам жить в обществе? Иными словами — *какими свойствами* должен обладать индивид для того, чтобы быть способным к участию в общественных отношениях?

Для этого необходимо выполнение трех взаимосвязанных условий. Возможными участниками общественных отношений могут быть любые существа, *способные воспринимать окружающий мир и воздействовать на него, осознающие свои действия, и наделенные разумом.*

Восприятие и действие: «бессознательное»

Известно, что все живые существа имеют какие-то органы *чувств* (то есть способны воспринимать окружающий мир) и органы *действий* (способны воздействовать на него). Столь же очевидно, что их восприятия и их действия *связаны* между собой: отсутствие всякой связи между тем, что живое существо воспринимает, и тем, что оно делает, немедленно привело бы к его гибели.

Как правило, у каждого живого существа имеется система односторонних связей *органов восприятия с органами действия*, называемая «системой рефлексов», «реакциями», или как-то иначе. При этом живое существо *вначале* нечто воспринимает, *потом* действует определенным образом в зависимости от результатов восприятия. Так,

после повышения температуры воздуха на дереве набухают почки; в ответ на запах еды у собаки выделяется слюна; и т. п.

Однако эта система связей не может называться сознанием. Скорее, это можно было бы назвать «бессознательным»⁴⁴.

Сознание

Сознание — это *способность иметь представления о своем будущем, особенно о возможных последствиях своих действий*. Подсолнух, поворачивающийся к свету, делает это бессознательно. Человек бессознательно отдергивает руку от горячего. Но, например, заяц, удирающий от лисы, мечется, ища кратчайший путь бегства, — то есть пытается выбрать из нескольких вариантов своего *будущего* поведения наилучший.

Следует иметь в виду, что сознание направлено не на всякое «будущее», а именно на *свое будущее, точнее говоря — на свое будущее поведение*.

Почему общественные отношения возможны только среди существ, обладающих сознанием? Именно потому, что общество — это система *отношений*, а понятие «отношения» предполагает готовность к некоторому поведению *в будущем*. Живые существа, не обладающие сознанием, могут *воздействовать* друг на друга, или *взаимодействовать* друг с другом; иногда кажется, что они препятствуют или содействуют друг другу — как, например, большое дерево, заслоняя собой свет, «мешает» расти другим деревьям, или как кишечные бактерии «способствуют» перевариванию пищи. Но подобное взаимодействие не является *отношением*. Дерево, заслоняющее свет, не пытается противодействовать росту побегов. Оно точно так же отбрасывало бы тень на землю, даже если бы на ней ничего не росло. Кишечные бактерии вырабатывали бы те или иные вещества вне зависимости от того, нужно это для переваривания пищи или нет. Такого рода существа действуют как автоматы, *влияя* друг на друга, но никак друг к другу не *относятся*.

Напротив, существа, воспринимающие свои действия, могут находиться в тех или иных *отношениях* между собой. Они способны к ожиданию чего-то в будущем — а, значит, и к тому, чтобы действовать, ожидая реакцию на свои действия. Между ними возможны отношения сотрудничества или соперничества, что приводит к появлению образований, обладающих некоторыми свойствами общества.

Разум

Разум мы рассматривали прежде всего как способность устанавливать те или иные отношения с другими людьми по своей собственной воле. В данном случае слова «разум» и «свобода воли» являются синонимами.

Проявления бессознательного в сознании: базовые эмоции

Бессознательное (то есть система связей между восприятием и действием), сознание и разум каким-то образом взаимодействуют друг с другом. Особый интерес при этом представляет взаимодействие бессознательного с сознанием.

Для того, чтобы успешно функционировать, сознание должно иметь возможность

⁴⁴ Разумеется, не в психоаналитическом смысле слова

воспринимать бессознательное⁴⁵. Бессознательное — как система автоматических реакций — пытается ответить на каждый акт восприятия каким-то действием. Сознание способно вмешиваться в этот процесс, приостанавливая некоторые автоматические реакции бессознательного: иначе оно не было бы способно к выбору вариантов поведения. Кроме того, оно способно «провоцировать» бессознательное, манипулируя системой восприятия (например, вызывая в памяти яркие воспоминания или создавая воображаемые картины).

В тех случаях, когда сознание активно, оно подавляет все бессознательные реакции, не позволяя индивиду действовать автоматически. В этом случае задержанные действия проявляются в сознании как *импульсы к совершению действия*, то есть как *чувства и эмоции*⁴⁶.

В дальнейшем мы будем говорить только о тех эмоциях, которые связаны с основной категорией социальной жизни — а именно, с тем, что мы называем «своё».

Четыре базовые эмоции

Все значения слова «своё» были уже рассмотрены нами выше. Поэтому, не уточняя, что именно является «своим», мы будем рассматривать все возможные действия субъекта по отношению к нему. Для этого надо ответить на вопрос: что вообще можно сделать с тем, что мы называем «своим», или что с ним может произойти?

Существует три основные формы действий, которые возможно совершить по отношению к «своему». Их можно выразить словами *сохранить, отнять и вернуть*. Каждому из этих действий соответствует импульс, побуждающий его совершить, то есть некая эмоция. Кроме того, одной из возможных форм поведения является *отказ* совершать какие-либо действия, подпадающие под эти три категории, и этому отказу тоже соответствует определенный эмоциональный импульс.

Все базовые эмоции являются отрицательными: испытывать их неприятно. Это связано с тем, что они являются импульсами к совершению действия, причем совершение мотивированных ими действий (и получение результата) их прекращает. Если бы они были приятными переживаниями, человек не стремился бы избавиться от них, и задерживал бы действие, вместо того, чтобы его совершать.

Желание сохранить своё: страх

Сохранение — это поведение, направленное на то, чтобы *своё осталось своим*, то есть не было бы повреждено, уничтожено, или присвоено другими. Группа эмоциональных импульсов, побуждающих к подобному поведению, называется *страхом*. Таким образом, страх — это всегда страх перед потерей (жизни, имущества, свободы, чего угодно).

Страх всегда направлен на некоторое возможное *будущее*, на то, что *может*

⁴⁵ С этой точки зрения сознание является частью системы органов восприятия, и его можно рассматривать как своего рода "шестое чувство", только направленное не вовне, а внутрь себя

⁴⁶ Если импульс к совершению действия немедленно реализуется, ни о каких эмоциях говорить нельзя. Эмоция — это побуждение к действию, а побуждение можно испытывать только в том случае, если действие не совершается.

произойти: невозможно бояться того, что уже произошло или происходит сейчас⁴⁷. Таким образом, будущее является универсальным объектом страха.

В социальной жизни страх всегда связан с возможными действиями — своими или чужими. Строго говоря, бояться не кого-то, а чего-то. В частности, можно бояться собственных будущих действий (например, рискованного прыжка через пропасть, или предстоящей тяжёлой работы)⁴⁸.

Страх является простейшей базовой эмоцией. Для того, чтобы испытать страх, достаточно просто понимать разницу между ситуацией обладания своим и ситуацией лишения этого. При этом совершенно не предполагается какое-либо представление о «не-своём», «чужом». Для страха безразлично, будет ли «своё» просто уничтожено, или присвоено другим: главное здесь — это чувство возможного лишения.

Желание присвоить чужое: зависть

Присвоение — это поведение, направленное на то, чтобы нечто *чужое* (или ничьё) *стало своим*. Группа эмоциональных импульсов, побуждающих к подобному поведению, часто называется просто «желанием». Мы используем термин *зависть*, понимая его в самом широком смысле слова — как всякое желание обладать чем-то, сделать его своим (собственностью, правом, положением, чем угодно).

Зависть всегда направлена на нечто, существующее *сейчас*, то есть на *настоящее*. Разумеется, возможно испытать зависть к чему-то, имевшему место в прошлом или возможному в будущем, но для этого требуется вообразить это существующим *сейчас* — или вообразить себя существующим *тогда*. Обобщая, можно сказать, что настоящее является универсальным объектом зависти.

Зависть связана не с действиями, а с отношениями. Зависть — это всегда зависть к чему-то, причем не к действиям, а именно к отношениям (как правило, к отношениям обладания или участия).

Зависть является более сложной эмоцией, нежели страх, поскольку предполагает не только различение ситуаций обладания и лишения, но и представления о том, что обладать чем-то могут и другие (или никто), то есть представления о «чужом» (или «ничьём»).

Желание вернуть своё: ненависть

Желание *вернуть своё* принципиально отличается от желания *присвоить чужое*. Оно возникает в ситуации, когда своё продолжает признаваться субъектом именно своим, а тот факт, что им обладает кто-то другой, воспринимается как помеха. С этой точки зрения объект ненависти не *обладает* тем, что субъект считает своим, а просто *мешает* субъекту обладать тем, что ему принадлежит⁴⁹. Поэтому единственным способом вернуть себе

⁴⁷ Когда говорят о страхе перед прошлым, всегда имеется в виду страх перед повторением прошлого в будущем, или страх перед несостоявшимся вариантом прошлого, который переживается как будущее (что описывается выражениями типа «мне страшно это вспоминать, ведь я же мог погибнуть»).

⁴⁸ Так называемая «лень» является своеобразной разновидностью страха, обычно с примесью других базовых эмоций (чаще всего скуки или ненависти).

⁴⁹ Например, тиран или диктатор вызывает ненависть не потому, что присвоил себе чужие права, но

возможность обладания своим является не «обратное присвоение» (своё не признается чужим), а уничтожение помехи, препятствующей должному отношению к своему (например, ненавидимого человека)⁵⁰. Ненависть предполагает, что «правильное положение вещей» *восстановится само*, как только будет убрана помеха.

Ненависть всегда направлена на *прошлое*. Невозможно ненавидеть кого-то или что-то за то, чего ещё не произошло. С этой точки зрения прошлое в целом является универсальным объектом ненависти.

Ненависть является личным чувством: ненавидят не что-то, а кого-то. Ненависть — это ненависть к участникам отношений.

Ненависть является наиболее сложной из всех базовых эмоций, поскольку предполагает понимание разницы между отношениями и их реализацией, а также зависимость отношений от действий их участников.

Безразличие к своему: скука и отчаяние

Особой формой поведения следует признать безразличие по отношению к своему. Отказ от усилий по удержанию, присвоению или возвращению своего также мотивирован эмоциональным импульсом. Соответствующую базовую эмоцию можно называть по-разному. Наиболее характерные её формы — это скука и отчаяние.

Следует отличать безразличие от невнимания. Невнимание к чему-то может быть случайным. Безразличие — это сознательный отказ уделять внимание данному объекту. В таких случаях человек обычно говорит, что «это его не интересует». В той ситуации, когда он по какой-то причине все же вынужден направлять внимание на то, что не вызывает у него страха, зависти или ненависти, он чувствует «отсутствие интереса», то есть «скуку», «желание отвлечься».

Крайним случаем «желания отвлечься» является отчаяние. Это ситуация, когда необходимость направлять внимание на что бы то ни было настолько неприятна, что единственным выходом начинает казаться прекращение деятельности сознания, то есть его разрушение, смерть, или трансформация самой его структуры. В этом смысле отчаяние не обязательно парализует всякую деятельность человека: в некоторых случаях оно является импульсом к совершению действий, которые не способны мотивировать ни одна из перечисленных выше базовых эмоций.

Базовые эмоции и этические системы: мотивационные соответствия

Ранее мы уже упоминали о том, что существуют мотивационные соответствия между этическими системами и базовыми эмоциональными импульсами.

Имеется в виду следующее. Само по себе знание о том, как нужно себя вести, вовсе не приводит к правильному поведению. Желание быть этичным не выводимо из этики. Это значит, что существуют особые *этические мотивации*, которые побуждают человека вести себя «правильно».

потому, что не позволяет другим обладать ими.

⁵⁰ В таких случаях говорят нечто вроде «он мешает мне жить».

Разумеется, этические мотивации ни в коей мере не сводимы к самим базовым эмоциям. Напротив, этические мотивации являются их *отрицанием*, то есть вызваны желанием *избавиться* от переживания базовых эмоций. Напомним, что все они являются отрицательными, а их переживание неприятно. Этичное поведение с этой точки зрения вызвано *желанием избежать этих переживаний* — то есть оно является своеобразной профилактикой. Это *эмоции по поводу эмоций*, «эмоции второго порядка».

Вообще говоря, отношение к неприятным переживаниям может быть двояким: им можно поддаться (и тогда они исчерпают себя в действиях), или можно попытаться не допустить их появления. Этические мотивации относятся именно ко второй категории.

Разумеется, отдельный человек, ведущий себя сообразно этическим нормам, тем самым ещё не застрахован от неприятных переживаний. Но если этим нормам следуют все, или хотя бы значительная часть людей в обществе, уровень проявлений базовых эмоций заметно снижается.

Первая этическая система направлена на преодоление *скуки и отчаяния*, то есть разных форм *нежелания жить и действовать*. Она делает это простейшим способом: советует чем-нибудь заняться, и лучше тем же самым, чем занимаются все. Люди, следующие нормам Первой этической системы, все время нуждаются в том, чтобы их как-то занимали общими делами. Именно этим объясняется их «коллективизм».

В рамках данной этической системы любые эмоции кажутся чем-то привлекательным, поскольку они отвлекают на себя внимание. Это относится и к трем базовым эмоциям, то есть страху, зависти и ненависти: они хороши уже тем, что вызывают *интерес*⁵¹ и *желание жить*, которые являются позитивным эмоциональным результатом следования Первой этической системе. Принято, чтобы те люди, которые считаются (разумеется, в рамках данной этической системы) «достойными людьми», демонстрировали повышенный интерес к жизни, энергию и витальную силу.

Как уже говорилось, Вторая этическая система связана с базовой эмоцией *страха*, а мотивационным импульсом является нежелание его испытывать. Сама традиционная формулировка Второй этической системы, то есть «золотое правило» — *не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе* — может быть заменена на такую: *не делай другим того, чего ты сам боишься*.

Это значит, что всеобщее следование нормам Второй этической системы позволяет каждому человеку существенно снизить уровень опасений по поводу своей жизни, своего положения, и т. д. и т. п.

Таким образом, Вторая этическая система — это своего рода «этика осторожности». Соответственно, позитивным эмоциональным результатом следования Второй этической системе является *спокойствие*. «Достойные люди» в рамках Второй этической системы ведут себя, как правило, подчеркнуто невозмутимо.

Для Третьей этической системы базовой эмоцией, связанной с ней, является *зависть* (понимаемая широко, — как «желание получить»), а мотивационным импульсом —

⁵¹ В частности, именно по этой причине таким людям часто свойственна невероятная жестокость: это их развлекает

нежелание переживать эту эмоцию. Для этого общество должно способствовать тому, чтобы каждый человек имел возможность что-нибудь получить, а для этого — хотя бы не мешать его деятельности в этом направлении. Третья этическая система учит людей не мешать друг другу добиваться своего. Её можно переформулировать так: «*не мешай другим делать то, что ты хочешь делать сам*».

Третья этическая система — это «этика достижения». Позитивным эмоциональным результатом следования ей является *успех*. В этом случае в обязанности «достойного человека» обычно входит демонстрация своей высокой самооценки, уверенности в себе и т. п.

Четвертая этическая система связана с *ненавистью*. Соответственно, мотивационный импульс для её принятия есть нежелание испытывать ненависть к кому-либо. Поскольку всякий человек, потерпевший ущерб в результате чьих-то злонамеренных действий, обречен испытывать ненависть к тому, кто их совершил, то единственный способ избежать этого — *не становиться жертвой*. В рамках Четвертой этической системы человек обязан защищать себя от тех действий, которые он ненавидит. Соответствующее этическое правило звучит так: «*никому не позволяй делать с собой то, что ты ненавидишь*». Как уже говорилось выше, основным грехом в данной этической системе считается *нежелание связываться со злом*, готовность *смириться* с ним, и тем более *потворствование* ему. Четвертая этическая система — это «этика предвидения и сопротивления».

Часть V. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ БЛОКИ

Социальные образования во властной и культурной сферах

Помимо реальных объединений людей (то есть коллективов), объединенных общим делом, и общностей, косвенным образом объединенных отношениями к собственности⁵², следует выделить ещё два типа социальных образований.

Во-первых, это структуры, образованные властными отношениями. Это разного рода *организации*, самым известным примером которых являются *государства*. Но, вообще говоря, к ним относятся все *управляемые* объединения людей, в которых имеют место отношения руководства и подчинения.

Во-вторых, это образования, объединяющие людей общей *культурной* сферой. Самым известным примером таких являются *культуры*, но сюда же относятся и локальные образования, именуемые «субкультурами» или как-то ещё.

Иерархия социальных объектов

Каждое социальное образование может охватывать какое-то количество людей (большее или меньшее). Самыми «узкими» являются образования, функционирующие в сфере коммунальных отношений, то есть коллективы. Коллектив не тождественен «контактной группе», но тяготеет к ней. Идеальный коллектив — это небольшая контактная группа, в которой каждый знает, что ему делать.

Более «широкими» являются общности, образованные отношениями собственности. Общность может состоять из людей, не имеющих никаких общих дел и даже не общающихся между собой (если, конечно, отношения собственности не меняются): чтобы входить в общность, вполне достаточно учитывать чужие права и интересы, и пользоваться таким же признанием своих прав со стороны других членов общности.

Властные отношения способны объединить ещё большее количество людей. Так, государство (через свои органы управления) может координировать деятельность миллионов людей. Это связано со спецификой отношения P S. Власть есть обладание тем, частью чего является сам управляющий. Но из этого не следует, что «управляемое» непременно должно быть единым коллективом. Один и тот же человек может быть членом нескольких коллективов — и, тем более, один и тот же начальник может управлять несколькими коллективами подчиненных. Например, государственная власть участвует в деятельности различных объединений людей (или вмешивается в нее) "по определению".

Наконец, культуры (разумеется, не все) могут охватывать сколь угодно большое количество людей. Сам принцип отношений в этой сфере (признание права не совершать определенных действия и поиск заменителей) настолько широк, что позволяет включить в одну культурную сферу всех, или почти всех людей.

⁵² Разновидностями общностей являются и т. н. «классы».

Цивилизационные блоки

Различия в этических системах вносят дополнительные различия в человеческое общество. Как уже было сказано, этические системы являются основой существования *цивилизационных блоков*. Все четыре цивилизационных блока в совокупности составляют *человеческую цивилизацию*, — которая, впрочем, не тождественна «человечеству» в целом (поскольку не все человечество «цивилизовано»).

Цивилизационные блоки состоят из коллективов, общностей, государств, культур, образующих единое целое. Удобно считать, что ядро каждого цивилизационного блока составляют государства, а также и иные организации, имеющие отношения к властной сфере. В некоторых случаях, однако, цивилизационные блоки взаимодействуют более сложным образом — например, в каком-то «пограничном» обществе одни отношения основаны на одной этической системе, а другие — на другой (особенно это касается сферы культуры). Последней границей каждого блока, однако, является сфера коммунальных отношений: по ней можно судить о том, к какому цивилизационному блоку «на самом деле» принадлежит данное общество.

В каждом цивилизационном блоке функционирует считается одна, и только одна, этическая система. Разумеется, среди жителей государств, составляющих основу каждого блока, имеются люди, придерживающиеся другой этической системы, или не принимающие вообще никакой. Главным является то, что данная этическая система является *общепринятой*, и все отношения между людьми, особенно официальные, устанавливаются и регулируются, исходя из нее.

Границы между блоками являются достаточно произвольными. В силу различных исторических случайностей за цивилизационными блоками закрепились «географические» названия: Юг, Восток, Запад, Север. Мы будем пользоваться этими названиями, не придавая им, однако, какого-либо значения: это просто условность, не имеющая отношения к реальному положению дел. Так, «западной» сейчас называют любую страну с определенным типом общественных отношений (в том числе Австралию или Южно-Африканскую Республику).

Кроме четырех цивилизационных блоков, существуют объединения людей, чье поведение основано на «внеморальных» принципах, и даже на принципах, противоположных этическим. Последние являются силой, противостоящей человеческой цивилизации в целом, а первые — неким промежуточным звеном между цивилизацией и её противоположностью.

Нормы поведения в рамках этических систем

Рассмотренные выше общие нормы поведения, относящиеся к четырем сферам деятельности, являются универсальными. Однако, в каждом цивилизационном блоке существует своя специфика поведения, зависящая от принятой этической системы и соответствующего ей типа полюдья.

Нормы поведения в рамках Первой этической системы

Этическая система: $f(I, O) = f(O, I)$

Я должен вести себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению ко мне.

Относись к другим людям так же, как они относятся к тебе.

Полюдьё: $f(I) = f(O)$

Будь как все.

Как все, так и я.

Поведение в рамках Первой этической системы, в общем, подчиняется принципу «*Будь как все*». То есть, если другие что-то делают тебе, ты *должен* поступать с ними так же. В дурном варианте человек вообще во всех случаях будет делать то же самое, что и все остальные (в данный момент.) Надо быть вместе со стаей. Если тебя кусают, ты должен укунить в ответ. Если тебя хвалят, ты должен ответить тем же (хочется тебе этого или нет). Если с тобой говорят, поддерживай разговор. Если все идут куда-то, иди вместе со всеми. И так далее, и так во всём.

Главной добродетелью в рамках данной этической системы является честное подражание. Возникает, правда, вопрос, откуда берутся образцы для такого подражания. Ответ ясен: из властной сферы. Некто берет на себя право инициативы — делает что-то первым, никому не подражая, а все остальные делают то же самое следом за ним. Тот, кто может так себя вести, является лидером, вождем, главарем данного сообщества людей. Управляет такой лидер не столько приказами, сколько личным примером. Если он бежит куда-то, все бегут за ним. Куда он свернет, туда и все остальные. Что он делает, то же пытаются делать и другие, и так далее. В рамках Первой этической системы приказы воспринимаются плохо, а лидер, который дает много указаний, быстро теряет авторитет, поскольку он сам не делает того, к чему принуждает других. Власть в рамках Первой этической системы всегда устроена просто.

Такое поведение возникает, скажем, в подростковых кампаниях. Стайка ребят, вьющихся вокруг заводилы, следуют именно таким моделям поведения. То же самое можно видеть в среде некоторых примитивных народов.

Не следует, однако, считать подобное поведение конформистским. Человек, следующий Первой этической системе, подражает другим потому, что считает подобное поведение моральным долгом. Его можно не принуждать к этому — он это делает сам, своими силами и по своей воле.

Возьмем, к примеру, такую вещь, как национальная солидарность у каких-нибудь народностей. Каждый из них по отдельности достаточно слаб и труслив. Но если их *много*, их поведение меняется. Они становятся беспредельно наглыми, а страх куда-то отступает. Если их надо запугать, их придется запугивать сразу *всех вместе*. Это тяжело, поскольку каждый из них следит за реакцией других и никогда не покажет *первым*, что он испугался. По идее, первым должен продемонстрировать новое поведение лидер группы: если удастся повлиять на него, это автоматически влияет на всех, они теряют уверенность в себе

и начинают нервничать, а то и откровенно трусить. Другое дело, что лидер старается держаться до последнего, поскольку такие эпизоды подрывают его авторитет, то есть право принимать самостоятельные решения и быть образцом для подражания.

Чем все это объясняется? Подражание друг другу (в том числе, разумеется, и поддержка друг друга в разных жизненных ситуациях) воспринимаются как нечто в высшей степени похвальное, а нежелание быть вместе со всеми — как предательство. Не стоит, однако, усматривать в этом какую-то твердость характера, несгибаемую волю и иные «свойства национального духа». Эти ошибки широко распространены среди тех, кто сталкивался с подобным поведением, но все-таки это ошибки. Например, такие люди очень часто *кажутся* честными, верными своему слову. Это действительно так: они честны и верны слову, но вполне могут нарушить любые клятвы и даже не вспоминать о них, если только они это сделают *коллективно*, все вместе. Они стыдятся только друг друга, больше никого, индивидуальной совести у них нет, и если они все вместе (всем коллективом) решат кого-то предать, чего-то не сделать и вообще совершить любую подлость, они это сделают, и никакие угрызения совести их не будут беспокоить.

Народы, имеющие в качестве основы поведения Первую этическую систему, как правило, живут, разбитые на небольшие группы или кланы, каждый со своими, отличающимися от соседей, обычаями, преданиями, а главное — авторитетами. Размер клана определяется возможностью *непосредственного* знакомства и контакта каждого человека с группой лидеров клана (а по возможности и со всеми остальными людьми клана), поскольку нужно все время иметь перед глазами образец для подражания. По этой причине такие народы никогда не бывают большими, поскольку они все время делятся на мелкие группы, относящиеся обычно друг к другу безразлично или (чаще) враждебно.

Разумеется, сознание представителей народа, принадлежащего цивилизационному блоку Первой этической системы, *воспринимает* в каком-то виде все основные ценности — разумеется, воспринимает по-своему, в своей интерпретации. Это значит, что у таких людей есть стыд, совесть, представления о добре и зле, чувство справедливости, желание превосходства над другими людьми и какие-то мечты о свободе. Остается разобрать всё это по существу.

Начнем с представлений о справедливости. Первое этическое правило гласит: *относись к другим так же, как они — к тебе*. Из этого вытекает ряд необходимых следствий. Например: *веди себя во всём так же, как остальные*. Такого рода общества не поощряют оригинальности ни в чем, особенно во внешних проявлениях: необходимо даже *выглядеть* одинаково. Например, такого рода люди очень часто одинаково одеваются — как будто существует некая униформа или неписаная мода. Достаточно вспомнить внешний вид тех же самых горцев, чтобы убедиться в этом. Другое дело, что в современных условиях полная униформа настораживает, и её приходится избегать по прагматическим соображениям. На худой конец, должна быть какая-нибудь деталь одежды (скажем, кепка или шляпа), играющая роль стандарта⁵³.

⁵³ Вообще говоря, везде, где в поведении работает первая этическая система или её компоненты, обязательно возникают униформа и контроль за внешностью (например, в армии, где принцип «будь как все»

Ещё один вывод из первого этического правила: *поступай с другими так, как они поступают с тобой*. Это относится и к друзьям, и к врагам (из своих). Понятно, что первое порождает своеобразный культ приятельства (сводящийся обычно к демонстрации *щедрости*), второе — к идеям *мести*, нередко доходящей до мести кровной.

Польза (и добро) как ценности в рамках Первой этической системы понимаются в самом прямом смысле. «Сделать добро» (себе или другому) — значит принести пользу, материальную или какую-то другую. Если совместить представление о добре и принцип: «делай другим то же, что они тебе», получим понятие о добре, как оно функционирует в рамках Первой этической: *делай другим больше, чем они сделали тебе*. Например, если тебя пригласили в гости и хорошо приняли, ты сам должен пригласить этих людей к себе и принять *ещё лучше*: это и будет значить, что ты хороший (добрый) человек. И так во всем. Это приводит к своеобразному соревнованию за право называться «самым лучшим».

Здесь важно понять, что это самое «больше» является чем-то чисто *количественным*, а потому не противоречит понятию «то же самое», поскольку оно — *качественное*. Разумеется, в рамках понятия о справедливости лучше всего воздавать абсолютно тем же самым, но (как мы уже это обсуждали) чаще всего существует набор представлений о взаимной компенсации тех или иных действий. Так что совсем не обязательно в ответ на какую-то услугу оказывать ту же самую в большем объеме (это зачастую бывает просто бессмысленно и ненужно), но её можно чем-нибудь заменить.

Интересно, что тот же самый механизм работает и в тех случаях, когда речь идет о воздаянии за зло (понимаемое как вред). Справедливым кажется воздаяние за зло равным количеством зла, а понятие добра требует нанесения даже *большего* ущерба противнику (например, в отместку за кражу хочется убить, за убийство — истребить всю семью и т. п.) Заметим, что ничего «эгоистического» в таких желаниях нет. Это именно следствие представлений о добре и справедливости, не более того. Очень часто месть превращается в опасное и дорогостоящее занятие, требующее огромных затрат сил и времени. В фольклоре народов, живущих по Первой этической системе, всегда имеются истории о великих мстителях, потративших на это занятие всю жизнь и жестоко страдавших при этом.

Теперь о понятии превосходства. Человек, каким-либо образом его заслуживший (то есть имеющий власть или авторитет), может позволить себе инициативу, то есть имеет возможность задавать другим нормы поведения — в тех случаях, когда их ещё нет. Допустим, происходит что-то новое, как на это реагировать — непонятно, и все ждут, что другой отреагирует раньше: тогда можно просто подражать его реакции. Лидер имеет право первым отреагировать на сложившуюся ситуацию. Когда никто не знает, куда идти, именно он первым поворачивает направо или налево, а остальные бегут за ним. Но в случае неудачного выбора в нем обвиняют именно того, кто его сделал первым, а не себя. В этом смысле моральная ответственность лидера за поведение группы очень велика. Сами же члены коллектива не чувствуют почти никакой моральной ответственности за то, что они делают, — пока они это делают в рамках привычного подражания друг другу (и в конечном итоге лидеру группы).

является организующим и направляющим).

Из этого прямо следует, что представители таких народов (в каком-то смысле) безынициативны и не способны создавать ничего нового. Всякое принципиальное новшество может исходить (с их точки зрения) только от «уважаемых людей», а «уважаемые люди», имеющие право на инициативу, думают в основном о том, как бы не уронить свое положение, не потерять лицо, не ошибиться, не вызвать сомнений в своих правах — короче, они совершенно не заинтересованы в поведенческих новшествах. Если оставить такое общество в покое, оно будет существовать сколь угодно долго, совершенно не изменяясь, и даже болезненно реагируя на любые попытки что-то поменять, откуда бы они ни исходили — извне или изнутри⁵⁴.

Такого рода неприятие чужого не всегда выглядит просто как упрямство. Как правило, общества, основанные на Первой этической системе, *агрессивны*, и эта агрессивность не случайна: она является следствием самой же Первой этической системы. Дело в том, что поведение (в отличие от мышления) не различает себя и других: человек может *относиться* к своим и к чужим совершенно по-разному (и, как правило, так и делает), но *вести себя* он будет по отношению к ним одинаково, если только не *вспомнит*, что перед ним чужие — то есть не *подумает*. Общество, основанное на Первой этической, в принципе не может быть терпимым ни в каком смысле — ни к своим, ни к чужим. *Все*, кто не подражают заданному поведению, *плохи* — вот его кредо. Это распространяется и на представителей других обществ. Какой-нибудь мелкий горский народец презирает земледельцев только за то, что они земледельцы и ведут другой образ жизни. Это презрение больше ничем не обосновано: земледельцы могут иметь более высокий уровень жизни, быть более культурными, они даже, как правило, не причиняют никакого зла горцам (и даже наоборот, страдают от их набегов) — но они ведут себя *не как горцы*, и этим все сказано.

Именно среди народов, следующих Первой этической системе, возникает агрессивный национализм, то есть ненависть и отвращение к другим народам (даже тем, которые не сделали лично им ничего плохого). Они верят, что все, кто ведет себя иначе, чем они — дурные люди, заслуживающее презрения или ненависти. И это презрение или ненависть не остаются просто «чувствами про себя»: такие народы считают себя вправе обходиться со всеми остальными как угодно, — если, конечно, на это хватает сил и позволяет обстановка.

Такое отношение к другим может показаться аморальным. На самом деле это следствие одного из *видов морали*. Разумеется, с позиций какой-нибудь другой этической системы подобный агрессивный национализм кажется дикостью и варварством (например, с позиции Второй этической системы можно, конечно, презирать других про себя, но нельзя же их грабить и убивать, пока они же не сделали тебе ничего плохого).

⁵⁴ Единственное, в чем люди такого типа могут вести себя неожиданно — это во взаимоотношениях с «чужими», как правило — с врагами, то есть с теми людьми, с чьим мнением считаться не приходится. Здесь они могут обнаружить недюжинную проницательность. С другой стороны, многие изменения в таком обществе также приходят извне, со стороны других обществ, где идет нормальный прогресс и появляется нечто новое. Поскольку на вызов со стороны надо чем-то отвечать (хотя бы заимствуя), приходится волевым образом модернизироваться.

С другой стороны, люди, ведущие себя в некоторых отношениях *так же*, как представители данного народа, могут вызвать у них нечто вроде уважения, даже если те люди причинили им зло. Сам факт подражания оценивается положительно и вызывает понимание. В этом плане поучительны истории войн, которые более развитые нации на протяжении веков вели с такими народами. Очень часто противник, демонстративно берущий на вооружение какие-то модели поведения, свойственные подобному народу, вызывал больше понимания, чем даже союзник, но действующий иначе. Не стоит, однако, обольщаться этим. Демонстративная симуляция некоторых элементов поведения, свойственных этим народам, нисколько не увеличивает взаимопонимание между ними и всеми остальными. Реальная разница в этических системах остается, и она все равно проявится в самый неожиданный и неподходящий момент.

Теперь поговорим о понятии свободы, как оно функционирует в рамках Первой этической системы. Если справедливость определяется через *подражание* друг другу, то свобода выглядит как право на *произвол*.

Это может быть выражено примерно в таких выражениях: «*Делай то же, что и все — зато **все остальное можно!***». Это значит, что, пока ты выполняешь некоторый обязательный минимум (то есть подражаешь окружающим в некоторых важных для общества делах), ты волен делать всё остальное как угодно и сколько угодно: общество этого не замечает.

Это не такая тривиальная мысль, как может показаться на первый взгляд. Существуют общества, в которых действует другое понимание этого вопроса: «*Делай то, что разрешено, а все остальное делать **нельзя***» (таковы, например, традиционные общества, живущие в рамках Второй этической системы.) Границы разрешенного могут быть куда шире — зато и ограда, отделяющая от запрещённого, прочнее.

Со стороны это общество кажется крайне жёстким в одних отношениях и крайне свободным в других. Эта свобода выражается в виде разгула и произвола — везде, где это только можно устроить. Эта свобода включает в себя право на насилие и бесчинство, если только это насилие совершается всеми коллективно. В общем, это та самая свобода, которой могут похвалиться разбойничьи шайки: не столько «свобода», сколько «вольность». Интересно, что к области произвола относятся и взаимоотношения с властной сферой. Как уже говорилось, в обществах такого типа лидер не столько приказывает, сколько *показывает* личным примером, что именно нужно делать. Отчужденное «управление» с помощью приказов и распоряжений вызывает недоверие и нежелание подчиняться — так же, как и слишком значительные различия в поведении лидера и народа. В идеале этих различий вообще не должно быть. Лидер в среде подобного народа — воистину «первый среди равных». Ничего «демократического» в этом нет. Положение лидера в этом случае — это положение вожака в стае. Он имеет право задавать модели поведения, вести остальных за собой — но это только пока он постоянно демонстрирует, что является «самым-самым».

Со стороны (особенно с точки зрения представителей других цивилизационных блоков) такого рода отношения могут показаться действительно свободными. Периодически

возникает увлечение образами «благородных разбойников», «вольных цыган», «маленьких, но гордых народов» и т. п. Причина тому — слабое знакомство с реальной жизнью такого рода коллективов и той жесткостью и нетерпимостью, которая существует внутри них⁵⁵.

Общества, функционирующие в рамках Первой этической системы, можно назвать *закрытыми*. Они лишены механизмов саморазвития и исторической памяти. Это не значит, что они являются абсолютно неизменными. Общество может оставаться неизменным только в том случае, если оно активно сопротивляется всем изменениям, в том числе случайным и малозаметным, а для этого необходимо иметь историческую память и какой-то образ «идеального прошлого». Общества Первой этической системы могут меняться, но *незаметно для себя*. Такие перемены, кстати говоря, могут быть достаточно быстрыми. Но они всегда вынуждены, инерционны, — в лучшем случае они происходят как попытки *приспособления* к меняющейся среде. Другое дело, что именно *приспосабливаться* общества такого типа могут и умеют, причем даже лучше, чем другие.

В настоящее время общества, основанные на Первой этической системе, не играют сколько-нибудь заметной роли в мире. Первая этическая система остается уделом отставших в своем развитии народов, иногда — социально-этнических «низов» многонациональных обществ. Но это вовсе не означает, что «исторический проигрыш» Юга является окончательным.

Основные ценности в рамках Второй этической системы

Этическая система: $\bar{f}(I, O) = \bar{f}(O, I)$

Я не должен вести себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению ко мне.

Не поступай с другими так, как они не поступают с тобой.

Полюдые: $\bar{f}(I) = \bar{f}(OI)$

Я не должен делать ничего такого, чего не делают другие.

Это этическое правило кажется мало отличающимся от предыдущего. Добавление в обе части формулы двух отрицаний вроде бы ничего не меняет. На самом деле разница есть, и немалая.

Именно это правило может быть сформулировано в виде «золотого правила морали»: *не делай другим того, чего не хочешь себе*. Эту фразу, знакомую всем нам с раннего детства, сочинили на Востоке. Впрочем, в этой фразе есть одно слабое место: оно — в слове

⁵⁵ Впрочем, для того, чтобы понять, что это такое, достаточно присмотреться к поведению любой молодежной кампании. Отношения внутри них, как правило, построены на ценностях Первой этической системы: неважно, какое содержание вкладывается в эту форму, сама форма остается той же самой. Это не случайно. В ходе «первичной социализации» (то есть усвоения правил жизни в обществе) подросток усваивает в первую очередь самое простое — а Первая этическая система является самой простой из всех возможных. Этот этап жизни можно пройти быстро и незаметно, или задержаться на нем, и тогда возникают группы людей, какое-то время живущих в рамках данной этической системы. Со стороны эти люди могут показаться чем-то интересными — и, кстати, «более свободными», чем все остальные.

«хочешь». На самом деле имеется в виду, что *нельзя делать с другими того, чего они с тобой не делают* (хочешь ты этого или нет).

Вторая этическая система не требует прямо, чтобы человек *был как все*. Тем не менее она существенно ограничивает его оригинальность и инициативу, поскольку запрещает ему поступать *иначе, чем другие*. На первый взгляд может показаться, что в обоих случаях имеется в виду одно и то же. На самом деле *активное* требование делать то же, что и другие, является куда более жестким, чем *пассивное* требование *не* делать того, чего *не* делают другие, поскольку оставляет человеку возможность хотя бы не участвовать в том, что ему не нравится. Это не очень большая свобода, но это все-таки свобода.

Итак, система *пассивного подражания* (как ещё можно было бы назвать вторую этическую систему) принципиально *консервативна*. Она может эволюционировать только в сторону *сужения* сферы допустимого поведения, *отбора* (из всего возможного спектра действий) наиболее приемлемых. Это значит, что *культура* такого общества является консервативной (то есть подавляющей свои возможности ради сохранения традиции). При этом традиционность такого общества только нарастает с течением времени, поскольку сфера допустимого поведения неуклонно сужается. Происходит это так. В начальный период существования такого рода общества можно делать многое или почти все. Некоторые люди, однако, *отказываются* участвовать в некоторых делах, которые им (по разным причинам) не нравятся. Такое поведение (в рамках Второй этической системы) вполне допустимо. С другой стороны, если их пример будет заразителен и достаточно много людей тоже перестанут совершать эти действия, это начинает давить на все общество в целом: согласно логике Второй этической системы, раз уж много людей не поступает каким-то образом, значит, в самих этих действиях есть что-то нехорошее и делать так не следует.

Итак, общества, основанные на Второй этической системе, не являются совершенно неизменными: если их предоставить самим себе, они медленно *коллапсируют*, схлопываются, ставя все более жесткие рамки человеческому поведению.

В учебниках по истории такие культуры называются *«традиционными»*. При рассмотрении их истории очень важно не сделать одной типичной ошибки, а именно напрашивающегося предположения, что эти общества *всегда* были такими, какими мы их видим сейчас⁵⁶ — несвободными, замкнутыми, скованными репрессивной моралью и отягощенными множеством бессмысленных запретов и предписаний. На самом деле в период расцвета этих обществ в них имел место определенный прогресс. Особенно замечательными были те моменты в их истории, когда культура *уже* отфильтровала и отсекала наименее приемлемые виды поведения, но *ещё* не сузила границы допустимого слишком сильно. Расцвет классической Индии или древней Персии приходился как раз на такие моменты.

Назвать эти общества *закрытыми* (как общества в рамках Первой этической системы) нельзя. Их, скорее, можно было бы определить как *закрывающиеся* или *сжимающиеся*.

⁵⁶ А точнее — в период начала европейской экспансии, когда формировались представления о Востоке. Современные восточные общества гораздо более динамичны; о причинах этого сказано ниже.

«Нельзя» становится со временем слишком много, и кончается это тем, что «нельзя» становится делать почти всё. Таким образом, именно то, что в какой-то момент содействовало прогрессу общества (очищая его от некоторых форм поведения), в дальнейшем обрекает его на застой.

Общества, основанные на Второй этической системе, являются *историческими*. Происходящие события не являются просто актами приспособления к меняющейся среде — например, описанный выше «этический коллапс» происходит независимо от обстоятельств (хотя последние могут его ускорить или задержать). На Востоке существует и поддерживается память о прошлом, и возможно сравнение настоящего с ним.

Следует отметить, что консервативные настроения и даже идеализация прошлого, столь характерные для Востока, имеют совершенно иную мотивацию, нежели на Западе. Дело в том, что на Востоке они продиктованы воспоминаниями об утраченных возможностях: их общества более открыты в прошлом, нежели в настоящем, хотя и более хаотичны⁵⁷.

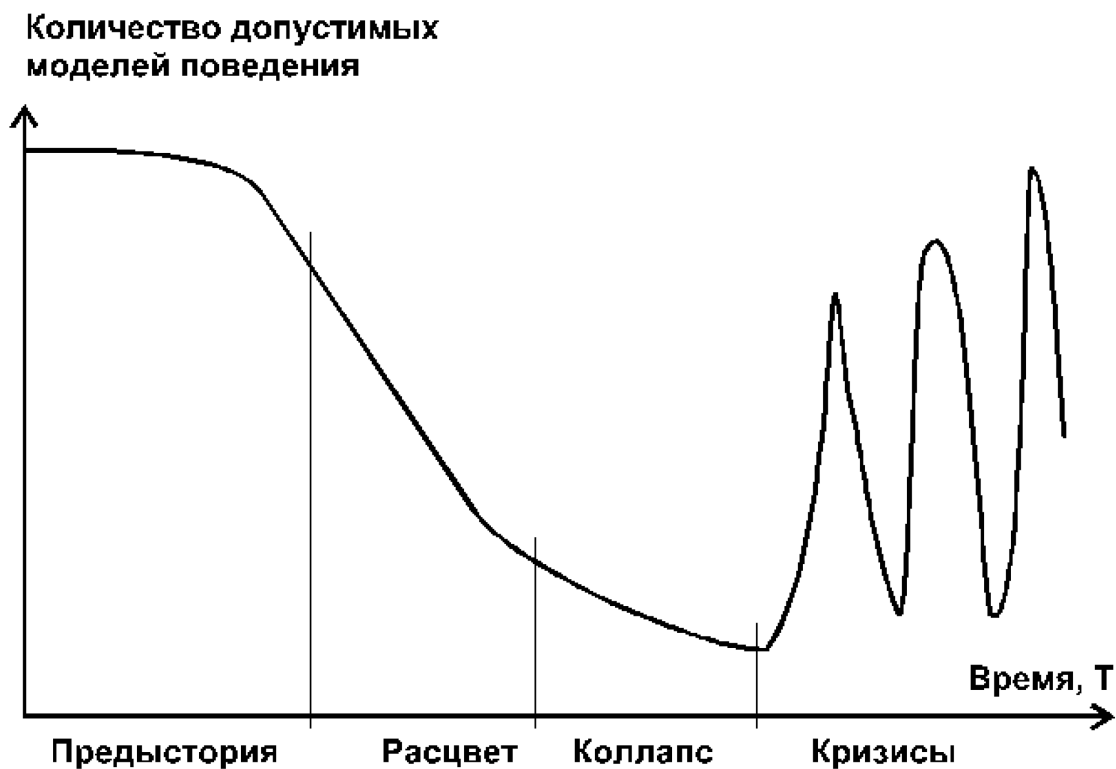
В сжимающееся общество импульсы развития могут прийти только *извне*. Очень часто ценой за это оказывается разрушение сложившейся культуры и норм традиционной морали. Например, войны, неурожаи, какие-то несчастья, заставляющие людей думать прежде всего о выживании любой ценой, способствуют появлению и развитию *новых* моделей поведения. В дальнейшем это поведение проходит через фильтр этической системы, постепенно делаясь все более приемлемым и окультуренным. Примером могут послужить события, произошедшие на Востоке в XVII–XX веках в связи с агрессией европейцев. В некоторый момент истории все или почти все традиционные общества Востока были практически разрушены, или, во всяком случае, *деморализованы*. В наше время некоторые из этих обществ, преодолев этот кризис и усвоив (во время кризиса) некоторые *новые* модели поведения (частично пришедшие извне вместе с европейцами, частично же выработанные самими этими обществами), успешно встают на ноги и даже процветают (как, например, Япония или Корея). При этом они продолжают оставаться *восточными* обществами, со своей этической системой. *На какое-то время* они даже могут в чем-то обогнать или превзойти Европу или Америку, поскольку в период «золотого века» таких обществ (когда худшие варианты поведения уже отброшены, а схлопывание ещё не зашло далеко) они могут быть очень эффективны. Однако этот расцвет со временем завершится так же, как и в прошлый раз — постепенным коллапсом, выход из которого может быть только кризисным.

Очевидно, что основной целью, признаваемой этими обществами, является *стабильность*. Прежде всего здесь имеется в виду стабильность сложившихся отношений между людьми, их ясность и определенность. Зачастую такие общества достигают в этом отношении поразительных успехов. Примером тому может послужить Китай, где в

⁵⁷ Не следует прямо отождествлять открытость со «свободой». Свобода — это признаваемое за человеком право *не делать* некоторых вещей. Общество с большими возможностями может быть несвободным (допустим, от произвола и насилия со стороны отдельных людей, организаций или государства). Слова «большие возможности» означают только то, что во всех сферах деятельности считаются допустимыми все или почти все этически приемлемые и технически осуществимые модели поведения.

результате тысячелетнего развития была выработана очень сложная система взаимоотношений между родителями и детьми, начальством и подчиненными и т. д. и т. п. Все допустимые виды поведения были строго регламентированы, а недопустимые быстро пресекались. Только события последних двух столетий (европейская и японская оккупации и революция) смогли нарушить эту замкнутую систему. В этом отношении действия Мао во время культурной революции (как бы отвратительно они не выглядели) действительно ломали устоявшиеся нормы поведения, создавая тем самым некоторый простор для будущего — так что название «культурной революции» эти акции имели вполне законно⁵⁸. В сочетании с европеизацией, также несущей новые модели поведения, все это предотвратило схлопывание общества и обеспечило базу для нового расцвета, который уже начинается в Китае⁵⁹.

Развитие и дальнейшее «этическое схлопывание» обществ Второй этической системы можно было бы изобразить в виде графика:

⁵⁸ Следует заметить, что это не первый эпизод такого типа в истории Китая. Сам Мао считал себя преемником дела Цинь Ши Хуана, древнекитайского императора, при котором произошло почти полное разрушение древней китайской культуры. В дальнейшем новая династия Хань занялась восстановлением разрушенного при Цинь Ши Хуане, одновременно удержав многие новшества, введенные при нем. Этот период истории Китая был одним из самых значительных и продуктивных.

⁵⁹ Похожую эволюцию (только более сложную) претерпела Япония на протяжении последних двух столетий. Анализировать революцию Мейдзи здесь было бы слишком сложно. Следует заметить, однако, что в настоящее время Япония почти исчерпала поведенческий ресурс и может снова попасть в ситуацию сжатия. Последнее крупное «вливание» новых моделей поведения, произошедшее после поражения во Второй Мировой войне, практически растворилось в японском обществе, а попытки создать каналы прямого заимствования моделей поведения Запада не увенчались успехом.

Как и общества, существующие в рамках Первой этической системы, данные общества, естественно, не одобряют никаких новшеств, особенно в поведении. Но идеал человека в обществах первого и второго типа сильно различается. Если «самым лучшим» в обществах первого типа считается «свой парень», ничем не отличающийся от окружающих (то есть выдающаяся посредственность), делающий то, что делают все (и делающий это лучше всех), то в обществах второго типа складывается идеал *праведника*, то есть человека, который *не* делает ничего сколько-нибудь сомнительного с точки зрения общества. В идеале «абсолютный праведник» не делает вообще ничего. С точки зрения Первой этической системы такой идеал абсурден, равно как и с точки зрения третьей («западной»). Но в рамках восточной логики это действительно *идеал*, к которому можно и нужно стремиться: человек, никогда никому не делающий ничего плохого.

Довольно интересным явлением в сжимающихся обществах является распространенность *лицемерия*. Постоянному сжатию сферы допустимого поведения противостоит «суровая правда жизни»: людям часто приходится делать вещи, выходящие за (все время сужающиеся) рамки общепринятого. Это провоцирует то, что можно назвать «эффектом айсберга»: некоторые способы поведения в обществе реально *остаются*, но как бы «уходят под воду»: о них становится не принято говорить, их надлежит прятать, скрывать от посторонних глаз. В результате сильно сжавшиеся общества действительно становятся похожими на айсберг: на первый взгляд, в обществе существует всего несколько допустимых моделей поведения (верхушка айсберга), на самом же деле их гораздо больше.

Это проявляется даже в мелочах. Например, внешнее поведение людей, принявших вторую этическую систему, с нашей точки зрения кажется неискренним. Это знаменитое «восточное лицемерие» кажется нам признаком аморальности. На самом деле оно продиктовано как раз нормами морали. Идеалом внешнего поведения и хороших манер становится, таким образом, *бесстрастие* (или демонстративная вежливость). Это показное бесстрастие — аналог *бездействия* как идеала поведения. Внешне этот идеал выглядит так: всегда ровный голос, неподвижное лицо, легкая улыбка. Так, проявление сильных эмоций с точки зрения человека Второй этической системы — признак неуважения к собеседнику, то есть аморальности или слабости.

То же самое можно сказать и о знаменитой восточной *скрытности*. Если идеальное поведение сводится к полному бездействию, то социально приемлемым компромиссом можно считать *показное бездействие*, то есть *сокрытие* своих действий от других. Как правило, в каждом обществе такого типа существует нечто вроде перечня приемлемых для обсуждения действий. Об остальном распространяться не принято, а излишнее любопытство бывает наказуемо. «Демонстративное бездействие» весьма интересно проявляется даже в сложившихся на Востоке правилах общения. Например, «зайти по делу» на всем Востоке считается крайне неприличным. Сначала надо *сделать вид*, что общение вообще не преследует никаких целей, кроме приятного времяпрепровождения. То же самое (в ещё большей степени) касается правил ведения дел. Европейцы очень часто принимали демонстративное бездействие за настоящую пассивность, в результате чего

сложилась легенда о «восточной лени». На самом деле никакой восточной лени в природе не существует: есть желание *завуалировать* свои дела. Другое дело, что многие занятия, которые европейцы хотели навязать восточным людям, просто нельзя (технически невозможно) делать тайком. В результате такие занятия вызывают на Востоке глухое неприятие и не прививаются. Только отдельные восточные общества, прошедшие через кризисы, могут вместить в себя эти новшества — и в таком случае это бывает очень эффективно, как показывает опыт Юго-Восточной Азии⁶⁰.

Народы, принявшие вторую этическую систему, могут создавать большие государства. Появление первых *централизованных империй* связано как раз с возникновением и развитием Второй этической системы. В рамках данной этической системы появляются и первые законы, понимаемые как *ограничения*, наложенные на поведение человека. Эти законы имели обычно вид «заповедей», заданных через отрицание — «*Не делай того-то*». Это связано прежде всего с отказом от идеологии «вождя» как «первого среди равных», принятой в обществах Юга. Напомним, что в них руководитель не столько отдает приказы, сколько *подает пример*: его слушаются только пока он сам является образцом для подражания. Это, во-первых, ставит жесткие ограничения на уровень централизации власти (вождя должны лично знать большинство его подданных, иначе он потеряет авторитет), и, во-вторых, ставит его права на власть в зависимость от его физических и умственных способностей (недостойный и малоуважаемый человек не сможет удержать власть). Последнее кажется на первый взгляд скорее плюсом, чем минусом. Что плохого в том, что у власти могут находиться только сильные люди, и только пока они сильны? На самом деле издержки подобной системы превышают выгоды, поскольку стабильность и преемственность власти оказывается стратегически более важным фактором, чем кратковременные выгоды от «естественного отбора» вождей, поскольку каждая новая смена власти обходится обществу, как правило, слишком дорого. Отсутствие потрясений в момент смены правителей стоит многого⁶¹. Но самое главное — общества Второй этической системы смогли выработать понятие управления, не сводящееся к следованию личному примеру. Авторитет власти стал основываться на других началах. Стала возможной ситуация, когда правителя не видят и не знают лично большинство подданных, и тем не менее подчиняются его приказам. Возникла иерархическая система управления, при которой приказы стали «спускаться по инстанциям». Стало возможным, наконец, делегирование полномочий, то есть временная или постоянная передача власти от одних людей другим. Все это позволило создать нечто новое и небывалое в истории, а именно централизованные государства.

⁶⁰ Не следует недооценивать возможности таких обществ. Они вполне могут (на какое-то время) успешно конкурировать со всем остальным миром. Но не следует и переоценивать их. В частности, вторая этическая система не позволяет этим людям самим создавать что-то новое. Отсюда их творческое бесплодие, которое рано или поздно проявляется. В частности, общества второго типа не могут поддерживать существование *фундаментальной науки*, хотя вполне способны заимствовать чужие достижения и даже (хотя уже с некоторым трудом) вести прикладные исследования. В этом смысле Западу нечего бояться Востока — хотя вполне возможна ситуация, когда Восток сможет достичь больших экономических успехов, чем Запад.

⁶¹ Впрочем, эту проблему смогли решить окончательно только либеральные общества Третьей этической системы.

Если в обществах Первой этической системы центральной фигурой является *вождь*, то в обществах второго типа — *царь*. Разница между этими фигурами огромна. Иногда она доходит до прямой противоположности. Например, в сражении вождь всегда сражается в первых рядах, воодушевляя людей личным примером. Разумеется, правитель должен сам быть воином, и не последним, а (желательно) самым лучшим и самым сильным. Царя же везут в обозе и тщательно охраняют. Он может быть старым и немощным, а с действиями на поле боя он знакомится только по донесениям. Никто и не ждет от него проявлений высокой доблести. Однако, как показала дальнейшая история, цари выигрывали сражения чаще.

Поведение в рамках Третьей этической системы

Этическая система: $f(O, I) = f(I, O)$

Другие должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.

Не мешай другим поступать с тобой так, как ты сам поступаешь с ними.

Полюдье: $f(O) = f(I)$

Все должны делать то же самое, что делаю я. Все должны жить так, как я.

Данную этическую систему можно назвать *либеральной*⁶². Наиболее последовательно она реализована в культурах современного Запада, особенно в Соединенных Штатах Америки.

Прежде всего, заметим, что формула, описывающая Третью этическую систему, представляет из себя перевернутую формулу Первой этической системы. Напомним, что там речь шла о том, что каждый должен относиться к другим так, как они относятся к нему.

В рамках Третьей этической системы дело обстоит как раз *наоборот*. Человек свободен поступать как ему вздумается. Он не обязан подражать во всем окружающим людям, и даже *может делать то, чего они не делают*. Только в этой этической системе у индивида появляется право на индивидуальность, оригинальность поведения и т. д. и т. п. Человек действительно свободен. Единственное, на что он не имеет морального права — это *ограничивать свободу других*, то есть *мешать* им вести себя так же по отношению к нему самому. Это можно сформулировать так:

Не мешай другим поступать с тобой так же, как ты поступаешь с ними.

Главным здесь является требование «не мешать», «не вмешиваться», предоставить другим право на ту же свободу, которую имеет данный человек (и в том же объеме). В принципе, если человек чего-то никогда не делает с другими людьми, он вправе ожидать,

⁶² Иногда её же называют *демократической*, но это неправильно: «демократия» — это название политического строя, при котором орудием политических сил, борющихся за власть, является народ. Демократия в принципе может существовать в любом обществе. Либерализм же — это *система ценностей*, соответствующих третьей этической системе. Либеральное общество может существовать и при недемократическом режиме. Это, впрочем, не меняет того факта, что либеральные общества обычно стремятся к демократии. См. ниже.

что и они не будут поступать с ним таким образом; если же это все-таки произойдет, у него имеется моральное право защищаться.

Либерализм как система теоретических взглядов на человека и общество охватывает, как и все остальные этические системы, все сферы деятельности. Окончательную форму либерализм приобрел у Канта в «Критике практического разума», где соответствующая этическая система получила, наконец, точную (хотя и не для всех понятную) формулировку. Не меньшее значение имела и классическая политэкономия Адама Смита с его принципом «свободы рук» для экономической сферы.

Главным принципом либерализма можно считать принцип *невмешательства*, а целью развития общества — создание такой системы отношений между людьми, при которой они *как можно меньше мешали бы друг другу*.

Либеральная система ценностей *противостоит* консервативной (то есть Второй этической системе). Это связано прежде всего с тем, что они развиваются в противоположных направлениях. Как было описано выше, сфера допустимого поведения в рамках Второй этической системы постепенно сжимается, оставляя разрешенным все меньше и меньше способов делать свои дела. Напротив, либеральная система ценностей, будучи принята неким обществом, приводит к тому, что сфера допустимого все больше *расширяется*, разрешая сегодня то, что вчера считалось предосудительным или недопустимым.

Общества Третьей этической системы (впервые в истории человечества) открыто признают права личности на оригинальность поведения. Если в восточных обществах последовательно реализуется принцип «*Нельзя делать ничего, кроме того, что можно (специально разрешено)*», то в рамках либеральной цивилизации этот принцип как бы переворачивается: *можно делать все, кроме того, что нельзя (специально запрещёно)*. Разница здесь очень велика, поскольку в первом случае набор возможных моделей поведения конечен (и к тому же век от века сужается), а во втором — потенциально бесконечен, открыт для расширения.

Таким образом, либеральное общество можно назвать *расширяющимся*, или инфляционным⁶³. Эти термины не несут никакого оценочного смысла, будь то положительного или отрицательного. Как правило, апологеты либеральной цивилизации именуют её *открытым обществом* (open society), используя термин «открытость» как положительную самооценку. Критики либерального общества, напротив, склонны рассуждать об «*инфляции моральных ценностей в рамках либеральной цивилизации*», понимая под «инфляцией» процесс *обесценивания* моральных норм (то есть «падение нравов»). В принципе, и первое, и второе не вполне правильно. Как консервативное общество (восточное) нельзя именовать *закрытым* (closed)⁶⁴, а только *сжимающимся*, так и либеральное (западное) общество не является *открытым*, а только *расширяющимся*. В то же время разговоры об «инфляции морали» тоже неуместны, поскольку эта инфляция

⁶³ От латинского *inflatio* (букв. "раздувание").

⁶⁴ Впрочем, западная мысль склонна смешивать Юг и Восток, — и, соответственно, не видит разницы между закрытым и коллапсирующим обществами.

является необходимым следствием самих же моральных норм, более того — их основы, то есть этической системы.

Но, все-таки, почему сфера допустимого в обществах этого типа увеличивается? Некоторые люди по разным причинам ведут себя нетривиально. В отличие от обществ Юга и Востока, сам факт отклоняющегося поведения здесь не может осуждаться. Человек рискует только одним — что с ним самим будут поступать так же, как он поступает с другими. Если его действия окажутся неприемлемыми или опасными для окружающих, он рано или поздно сам пострадает от чего-то подобного. Но общество может благосклонно отнестись к новшествам, подхватить их и усвоить.

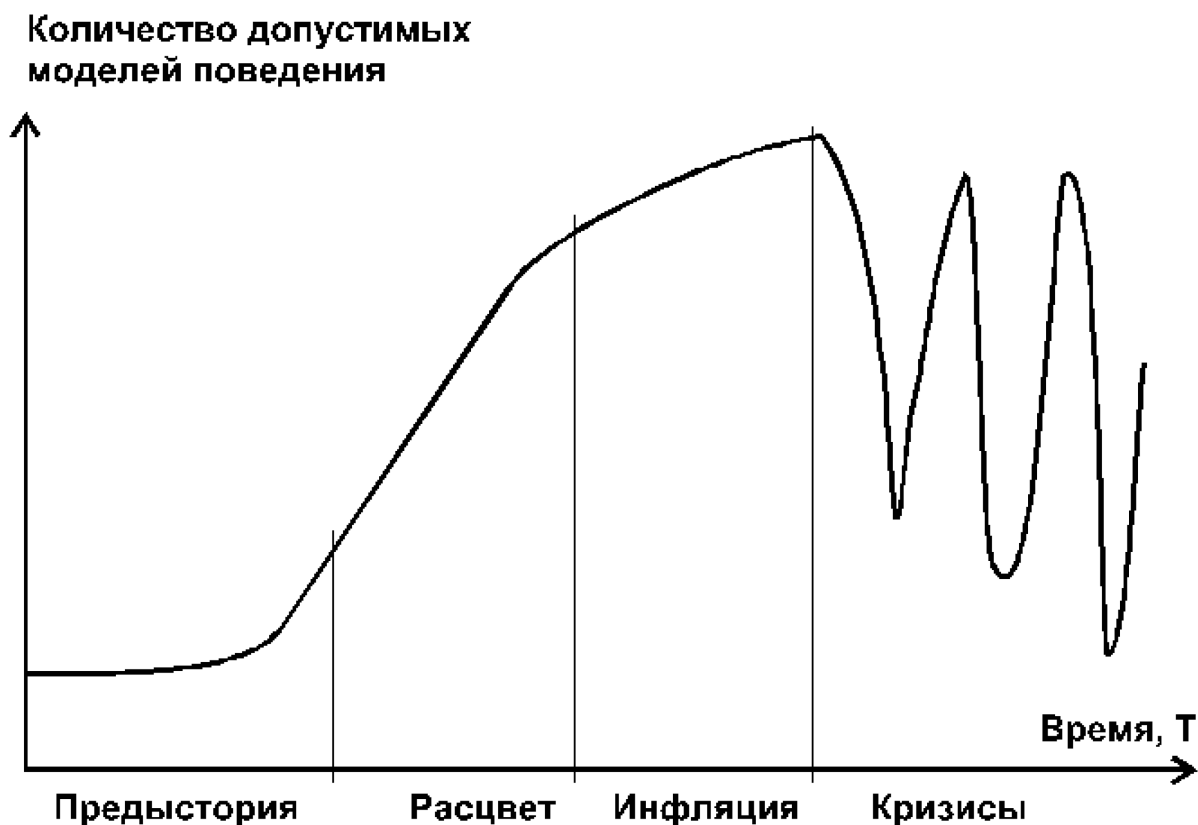
Вначале это приводит к быстрому росту возможностей общества. Появляются новые модели поведения, а значит — новые моды, новые занятия, новые профессии, новые изобретения и открытия. *Новшество, развитие, прогресс* — все эти понятия могут считаться хорошими только в либеральных обществах. При этом изначальная «зажатость» общества, суженность сферы допустимого в нем является скорее плюсом. Открывающееся общество успевает достичь больших успехов во всех сферах жизни, а остатки былых запретов и ограничений делают жизнь в данной обществе относительно приемлемой.

Дело в том, что неограниченное расширение сферы допустимого приводит к тому, что «можно» становится практически всё. Общество всё более снисходительно относится к вызывающему, опасному, а потом уже и преступному поведению. Предоставленное само себе, оно может просто «взорваться».

Разумеется, общество пытается удержаться от чрезмерного раздувания сферы допустимого. При этом не следует забывать, что возможные следствия такого раздувания в перспективе куда опаснее, нежели следствия сжатия сферы допустимого в традиционных обществах. Последние рискуют только остановкой в развитии и следованием слишком жестким нормам жизни. Это неприятно, но подобное «загнивающее» общество может существовать довольно долго. Либеральному обществу грозит хаос и война всех против всех. Единственный способ удерживать ситуацию в пределах допустимого — временное резкое сужение сферы допустимого поведения (неважно, чем это мотивировано) с последующей корректировкой сложившихся норм поведения. Лучшим поводом для этого является какой-либо серьезный кризис. До сих пор, впрочем, западные общества успешно справлялись с инфляцией этических норм⁶⁵.

⁶⁵ Хорошей иллюстрацией к тому, как это им удается, может послужить история подавления «молодежной революции» конца шестидесятых годов XX века. Процессы, происходившие тогда в рамках молодежной субкультуры, были вполне объяснимы, если считать их не «протестом против либеральной цивилизации» (хотя многие участники тех событий искренне считали себя революционерами, воюющими *против* Запада), а логичным развитием тенденций, имевших место в рамках самой западной цивилизации. Лозунги типа «запрещёно запрещать», «да — всему!! и т. п. в сочетании с требованиями легализовать продажу и употребление наркотиков, беспорядочный секс и т. п. вполне соответствовали логике развития западной культуры. Это был закономерный результат либерального воспитания. Напротив, реакция «охранителей», апеллировавших к традиционным ценностям, была, строго говоря, «нечестной», и это было очень заметно. Временным решением проблемы было «окультуривание» новых моделей поведения, выработанных в среде хиппи и прочих «неформальных объединений», создание и культивирование внешне эффектных, но по сути безвредных развлечений (типа новых художественных и музыкальных направлений, использующих агрессивную или сексуально окрашенную символику). Тем не менее начать серьезное

Впрочем, последнее нельзя считать строго доказанным. Запад до сих пор остается относительно молодой цивилизацией. Либеральные ценности окончательно восторжествовали там только в последние два века (по историческим меркам срок ничтожный). Поэтому не исключено, что в дальнейшем либеральная цивилизация найдет какой-то другой способ избежать взрыва. Тем не менее наиболее вероятный вариант развития либеральной цивилизации должен выглядеть примерно так:

Очевидно, что западное общество является *историческим*. Более того, история играет в нем не меньшую, а то и большую роль, нежели на Востоке, хотя прошлое оценивается по-другому: прошлое для Запада не идеал для подражания, а нечто неразвитое, ограниченное, во всех отношениях несовершенное. Запад не подражает прошлому, а отталкивается от него.

Особый интерес представляет подчеркнутый «экономизм» западного общества, то есть особое устройство сферы собственности. «Рынок» в западном смысле слова держится не на *правах покупателя* приобрести то, что ему нужно, а на *правах продавца* выставить на продажу все, что угодно. На Западе такое право за продавцом признается, на Востоке — нет. Впрочем, на Западе это право тоже претерпело весьма длительную эволюцию, прежде чем свелось к простой формуле: если ты чем-то владеешь, ты можешь это выставить на продажу.

Эта формула является более жёсткой, чем кажется на первый взгляд. Речь идет о

сужение сферы допустимого поведения удалось только в условиях кризиса (так, появление вируса AIDS позволило частично пересмотреть итоги «сексуальной революции»).

собственности, и только о ней. В рамках подобной системы ценностей нельзя выставлять на продажу, например, свою *должность*, поскольку она не является твоей собственностью. Но вполне допустимо продать свою почку, поскольку твое тело признается твоей собственностью.

Споры о том, что считать собственностью человека, а что — его частью (или целым, куда входит человек), ведутся до сих пор. Например, *гражданство* не считается собственностью, поэтому продавать свой паспорт нельзя. Но в принципе возможно так переопределить само понятие гражданства, что это будет вполне допустимо.

Точно так же нельзя купить, скажем, услуги по управлению государством. Президента страны все-таки не нанимают, а выбирают. Но большая часть государственных чиновников уже сейчас являются наемными специалистами, продающими свой труд. В конце концов, можно так переопределить некоторые понятия, связанные с демократической процедурой, что *весь* государственный аппарат можно будет рассматривать как «фирму, оказывающую услуги по управлению обществом». В таком случае «народ» превращается в коллективного нанимателя, а политические силы рассматриваются как конкуренты за денежный заказ на «управление государством».

Ко всем этим темам ещё придется вернуться в связи с обсуждением перспектив развития западной цивилизации.

В западном обществе сложился свой идеал человека. Если на Востоке это *праведник*, вызывающий восхищение своей безвредностью и строгим соблюдением существующих норм поведения, то на Западе это *гений* — создатель *новых* эффективных моделей поведения. Культ «гениальных людей» на Западе глубоко отличен от культа великих мудрецов и святых, скажем, в Индии. Последние никогда не претендовали как раз на то, на что в первую очередь претендует западный гений, а именно на *оригинальность*. Даже новшества они старались подать как реставрацию старого, забытого знания (напомним, что на Востоке прошлое всегда «свободнее» настоящего). Напротив, на Западе культ новизны и личной оригинальности приводит как раз к обратному, а именно попыткам выдать старое за новое.

Все это проявляется, опять-таки, даже в мелких деталях поведения. Если Восток скрытен и лицемерен, то Запад можно определить как *демонстративную* цивилизацию. Такие явления, как мода, реклама и т. п., могли появиться только на Западе. Особенно же интересным является следующее: как на Востоке принято нечто *делать*, но *скрывать* это, так на Западе в порядке вещей как раз противоположное. Западный человек постоянно демонстрирует множество *ложных* или даже, так сказать, технически *невозможных* типов поведения, которые на самом деле не реализует. Это касается всех областей жизни, но в целом каждый стремится изобразить из себя более интересного (на худой конец более оригинального) человека, нежели чем он является на самом деле.

Это вызвано очень простым обстоятельством. Существуют модели поведения, с виду вполне возможные и даже в чем-то привлекательные, но на деле нереализуемые. Есть вещи, которые можно *изобразить*, но не реализовать на самом деле. Речь не идет о каких-то физических или интеллектуальных подвигах. Но для нормального человека практически

невозможно, например, все время быть в хорошем настроении и искренне радоваться обществу окружающих (хотя со стороны такое поведение кажется вполне возможным). Тем не менее, такое поведение можно *изобразить*. Это не является подобием восточного лицемерия: восточный человек скрывает те чувства, которые у него (на самом деле) есть, а западный, наоборот, изображает те, которых у него (на самом деле) нет.

Именно возможность демонстрировать ложное поведение (на самом деле нереальное) обусловило расцвет западного искусства — в том виде, в каком оно сейчас существует. На Востоке тоже существовала литература, но не могло появиться, например, психологического романа — именно потому, что изображение реальной психологии людей малоинтересно.

Политическое развитие Запада: перспективы

Политическое развитие Запада до сих пор не завершено. Если окончательная форма политического устройства, которую выработал Восток — это великие централизованные империи, то окончательная форма политического устройства Запада — отнюдь не «национальные государства», как это иногда представляют, а то, что называется «мировой системой» или «новым мировым порядком»⁶⁶. Становление и развитие национальных государств было только одной из стадий его возникновения.

Сущность этого «мирового порядка» следует описать несколько подробнее. Легче всего это сделать, сравнив его с восточными образцами политического развития. Великие восточные империи возникали путем *объединения* множества мелких политических образований в одно. Сами эти политические образования (деревни, города, мелкие деспотии) при этом не исчезали: просто на них извне *накладывался* некий *дополнительный* порядок, исходящий из некоего «центра». Местные обычаи *дополнялись* государственными законами, местные жители вынуждены были платить *дополнительные* налоги, и т.п. В общем, восточные империи были действительно «надстройками» над локальными местами проживания людей.

Складывающийся сейчас западный «новый мировой порядок» возникает совершенно иным образом: не путем «объединения сверху» некоего множества, а путем *растворения границ* элементов этого множества; не путем введения новых, дополнительных порядков и законов, а путем уничтожения и отмены старых. Разумеется, такая отмена вызывает необходимость в некоторых новых правилах. Здесь, однако, важна последовательность — что за чем следует.

Наилучшим примером реализации идеологии «нового мирового порядка» может послужить процесс объединения Европы. Он начался не с *создания* неких «всеевропейских органов власти» и постепенного расширения их полномочий. Напротив, он начался с *отмены* некоторых законов, касающихся границ государств, таможенных правил,

⁶⁶ Вообще говоря, это весьма неудачный термин. Его создатели явно стремились найти некую обтекаемую словесную формулировку, не претендующую на определенность. Его противники приняли эту формулировку, хотя и используют её в негативном смысле — как наименование факта «господства Запада над планетой». На самом деле факт доминирования западной цивилизации и идея «нового мирового порядка» — вещи *разные*, хотя и тесно взаимосвязанные.

ограничений на перевозки товаров, и т. п. Все наднациональные органы управления в Европе слабы и ещё долго останутся таковыми. Зато процесс *размывания границ* между государствами идет достаточно быстро. Введение общеевропейской валюты, европейского гражданства и т. п. является не *началом*, а *результатом* этих процессов.

Восточные деспотические империи стремились *объединить* земли вокруг центра. Западные государства не пытаются делать ничего подобного: напротив, они стремятся *растворить* в «общем море» все границы и пределы. На Востоке централизованная власть появляется *первой* и начинает постепенно распространять свое могущество, присоединяя к себе все больше и больше земель, территорий, людей. На Западе единая централизованная власть может появиться только в последний момент, *после* «растворения». Это процесс, идущий не сверху, а снизу — не введение дополнительных ограничений, а отмена существующих.

Не следует думать, что подобный процесс может проходить полностью безболезненно. На Востоке окраины расширяющихся империй воевали за свою независимость, поскольку империи угрожали их *свободе*. На Западе люди сопротивляются логике «нового мирового порядка» потому, что он угрожает их *идентичности*.

Человек (равно как и народ) не может быть *всем* и принять *всё*. В этом смысле «новый мировой порядок», размывая все и всяческие ограничения, может стать в конечном итоге столь же малопривлекательным, как и самое жесткое подавление личности и народа. Пока, однако, дело до этого ещё не дошло: Запад переживает свой подъём, и в течение достаточно долгого времени положительные стороны либеральной морали, возможно, будут перевешивать минусы.

Скорее всего, однако, «новый мировой порядок» не будет доведен до своего логического завершения, как не достиг того же в своё время Восток. Идеалом политического развития Востока могла бы быть *мировая империя*, огромное централизованное государство, охватывающее всю планету, с универсальной культурой и единой мировой религией. Максимум, который был реально достигнут на Востоке — это Китай, гигантское централизованное государство-цивилизация.

Идеал «нового мирового порядка» совершенно противоположный. Это не «государство Земля», а *Земля без государств*, без границ, с минимумом явной централизованной власти. Это прежде всего *единый мировой рынок*, законы функционирования которого поставлены *выше* любых государственных законов. Это, во-вторых, единая *юридическая система*, гарантирующая права рыночных субъектов. И только в-третьих это единая (но не обязательно *централизованная*) *власть* над планетой, впрочем, весьма ограниченная и имеющая не слишком большие полномочия. Скорее всего, это будет некий аморфный конгломерат различных международных организаций, поддерживающий некоторый *минимальный* порядок, но прежде всего не допускающий появления сколько-нибудь жестких центров власти и влияния, то есть поддерживающий мир в растворенном, «ликвидном» состоянии.

Главным, однако, является не это. Новый мировой порядок является глобальным рынком не только по форме, но и по своей сути. Он не только *поддерживает* (как нечто

внешнее) рыночные отношения — он сам на них *основан*.

Это касается прежде всего тех вещей, которые мы сейчас не рассматриваем как товар. Например, в рамках логики НМП такие атрибуты личности, как гражданство, не могут быть чем-то «священным и неотъемлемым», а должны быть признаны обычной собственностью, наподобие автомобиля или пылесоса. В частности, будет легализован рынок паспортов и других гражданских документов. Гражданство той или иной страны можно будет купить⁶⁷. То же самое коснется и любых других *прав* (кроме основополагающего права покупать и продавать). В рамках НМП можно будет легально *приобрести* за деньги не только «гражданские права», но вообще почти любые права, в том числе и право участвовать в управлении. Понятие «правительства» (в современном смысле слова) атрофируется. Будут существовать частные организации, предлагающие свои услуги по управлению (в том или ином масштабе), и допускаемые к власти через процедуру, напоминающую не столько выборы, сколько аукцион. Понятие «политической идеологии» тоже атрофируется, коль скоро политические идеи тоже станут товаром. В частности, не будет ничего удивительного в том, что одна и та же организация управляет несколькими участками земной поверхности, причем следуя при этом различным программам.

Это описание можно было бы продолжать и дальше, но следует сразу оговориться, что речь идет об идеальной схеме, которой вряд ли суждено осуществиться в реальности во всех своих деталях. Скорее всего, НМП будет представлять из себя некий ограниченный вариант «глобального рынка», неполный и непоследовательный. Как на Востоке не удалось объединить весь мир «сверху», так на Западе, скорее всего, не удастся размыть его «снизу». В первую очередь этому препятствует не сопротивление незападного мира, а национальные интересы самого Запада. Не следует думать, что полностью логичный и последовательный Новый Мировой Порядок однозначно выгоден западным государствам. Они постараются закрепить свое преимущественное положение, достигнутое в наше время, на как можно более долгий срок. Это потребует ограничения логики НМП (то есть логики Третьей этической системы) ради нелогичных (и неэтичных), но реальных интересов конкретных западных государств.

Впрочем, не следует думать, что установление НМП в полном объеме невозможно в принципе. При определенных (не очень вероятных) исторических условиях и наличии политической воли это может произойти. Один из вариантов возможного развития событий — разумеется, гипотетический — см. [здесь](#).

Цивилизационный блок Четвёртой этической системы

Этическая система: $\bar{f}(0, 1) = \bar{f}(1, 0)$

Другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

⁶⁷ Понятно, что это приведет к массовой скупке паспортов благоустроенных и экономически развитых государств обеспеченными людьми со всего мира, что, в свою очередь, приведет к образованию «государств для богатых», или *комфортных государств*.

Не давай другим поступать с тобой так, как ты с ними не поступаешь.

Пусть все, но не я.

Не позволяй другим того (по отношению к себе), чего ты себе не позволяешь (считаешь невозможным) делать сам (по отношению к ним).

Не позволяй — ни себе, ни другим (по отношению к себе) делать то, что ненавидишь в себе и в других.

Полюдьё: $\bar{f}(0) = \bar{f}(1)$

Никто не должен делать того, чего не делаю я.

Разбирая поведение в рамках разных этик, мы не касались последнего цивилизационного блока, «Севера». Вполне возможно, что он находится в стадии формирования. Сложившийся цивилизационный блок предполагает, что все входящие в него цивилизации длительное время *развивались в определенном направлении*, исходя из норм и требований определенной этической системы. Для этого необходимо как минимум её *признавать*, то есть понимать её смысл, считать её наилучшей из возможных (или хотя бы наиболее привлекательной) и пытаться выстроить все общественные отношения так, чтобы они её утверждали (или хотя бы ей не противоречили).

Разумеется, все новые цивилизации, начиная с восточных, не могли строиться с пустого места. Долгое время целые культуры развивались, как в коконе, в чужих (зато уже готовых) формах. Особенно хорошо это заметно на примере Запада. Цивилизация, именующая себя Западом, существует довольно долго. Тем не менее основные принципы либерализма были сформулированы и приняты в качестве руководства к действию относительно недавно. В ходе утверждения этих принципов Запад пережил ряд общественных потрясений разной степени тяжести (от революций и войн до кризисов в области религии и культуры). При этом либеральные ценности все ещё не реализованы полностью даже в самых «продвинутых» западных странах.

Следует отметить одно очень важное обстоятельство. Негативные следствия новых этических принципов начинают проявляться раньше, чем их позитивная сторона. Грубо говоря, *полюдьё возникает раньше этики*. Запад начал свою экспансию (внешнюю и внутреннюю) задолго до утверждения либеральных ценностей. Можно даже сказать, что они были выработаны *в результате борьбы с полюдьём*.

Из этого следует, что цивилизационный блок, основанный на Четвёртой этической системе, в лучшем случае находится на стадии возникновения.

Тем не менее есть основания полагать, что существует по крайней мере одна страна, способная в будущем (при благоприятных обстоятельствах) занять свое место в данном цивилизационном блоке — а именно, Россия.

Разумеется, подобное утверждение должно быть обосновано. Возможными обоснованиями суждений о принадлежности коллектива, общности, государства или целой культуры к тому или иному цивилизационному блоку могут послужить, во-первых, сведения об отношениях данного социального образования с другими, и, во-вторых, анализ норм и правил поведения внутри самого этого образования.

Очевидно, что, каковы бы ни были отношения России со всеми тремя цивилизационными блоками, существующими в настоящее время на планете, она *не входит ни в один из них*. Ни Юг, ни Восток, ни Запад не рассматривают Россию как «свою», а повторяющиеся попытки присоединиться к одному из них (в основном к доминирующему западному блоку) наталкиваются на внешнее и внутреннее сопротивление. То же самое можно сказать и о неоднократных попытках «обустроить Россию» путем внедрения норм и правил поведения, выработанных в иных культурах: начиная с известного момента, подобные попытки (особенно успешные) наталкивались на некое иррациональное сопротивление. Наиболее важным для нас является тот факт, что время не сглаживало, а обостряло противоречия в цивилизационной идентичности России: как известно, дело закончилось русской революцией и последующим разрывом с Западом (а также и со всеми остальными цивилизационными блоками).

В течении всей своей истории (которую лучше назвать предысторией) Россия развивалась, используя готовые формы общественного устройства, в основном выработанные на Востоке и Западе⁶⁸ (некогда и Запад в течении многих веков копировал Восток, пытаясь приспособить его принципы к своей реальности)⁶⁹. В течении некоторого времени это успешно удавалось. Но по мере приближения России к критической точке (то есть к *разрыву с Востоком и с Западом*) моральное состояние населяющих её людей становилось не лучше, а хуже, чем оно было раньше, поскольку усиливалось и укреплялось *полюдьё* четвертой этической системы, притом ничем не сдерживаемое. О последствиях этого речь пойдет ниже; пока только отметим, что многие события русской истории XX века обусловлены именно этим обстоятельством.

По этой причине изложение принципов поведения, основанного на Четвёртой этической системе, придется начать с её *полюдьё*, а именно с формулы $\bar{f}(0) = \bar{f}(1)$, что читается как «Если я чего-то не делаю, пусть и другие этого не делают». Разные варианты этого утверждения хорошо известны: «Если у меня чего-то нет, пусть и у других этого не будет», «Если мне чего-то нельзя, пусть и другим это будет нельзя» и т. д. и т. п.

Подобного свойства чувства и эмоции приписываются русским очень часто, и не без оснований. Другое дело, что противопоставлять им достоинства западной этики несправедливо: *полюдьё* можно сравнивать только с *полюдьём*, а *полюдьё* Третьей этической системы выглядит, в общем, не лучше. Тем не менее долгое время единственным, что отличало Россию от Запада — это некоторые негативные стороны русской жизни. Грубо говоря, *в России были заимствованные достоинства и самобытные недостатки*. Последнее обстоятельство не так ужасно, как кажется на первый взгляд, поскольку по той же самой причине у нас *отсутствовали многие чужие*

⁶⁸ Это «комбинирование» действительно привело к тому, что в России имеются черты как восточной, так и западной цивилизации. Из этого совершенно не следует того, что Россия «соединяет» в себе Восток и Запад. Напротив, это показывает, что она не относится ни к Востоку, ни к Западу. Если даже понимать это «соединение» как географическую метафору, то она не соединяет, а скорее уж *разделяет* их собой. В цивилизационном плане Россия играла скорее роль изолятора, нежели проводника.

⁶⁹ Достаточно посмотреть на формы государственного устройства западных стран, чтобы обратить внимание на эволюцию от «почти восточных» империй к национальным государствам, а от них — к «новому мировому порядку».

недостатки, что иногда давало повод для ложно понятой национальной гордости⁷⁰. Тем не менее подобное положение дел с течением времени становилось всё менее терпимым. Дело в том, что одной из задач любого общественного порядка является компенсация присущих данному обществу органических пороков. Как правило, они связаны с господствующей этической системой. Наиболее значимым пороком любой этики является её собственное искажение, то есть полюдье. Общественный порядок обычно направлен на его нейтрализацию, подавление, оттеснение, в конце концов — на установление устойчивого компромисса между этическим поведением и полюдьем. Но российские общественные институты *не могли этого сделать*. Заимствованные частично на Западе, а иногда на Востоке, они просто не были предназначены для сдерживания негативного варианта новой, до сих пор не реализованной, этической системы (лекарства, лечащие чуму, не помогают от холеры).

Здесь важно понимать, что это не «русское глюкалово»: проблема является следствием того, что четвёртая этическая система — социально-эволюционно *новая*, она должна как-то возникнуть, сформироваться и т.д. — при этом понятно, что её начала проявлений будут автоматически конфликтовать с уже традиционными старыми системами. И, разумеется, появляется новая система не сразу в готовом проработанном виде.

Т.е. тут русский менталитет, эволюционируя, дошёл до образования четвёртой этической системы, но при этом ей приходится «прорываться» как через тормоза прошлого, так и — впоследствии — через намеренное противодействие: так, в настоящее время (2015 г.) очевидно навязывание либералам России полюдья третьей этической системы как нормы с декларацией истинности самой третьей системы.

Это, разумеется, не означает того, что русское общество не пыталось как-то поправить дело. К сожалению, единственное средство радикально ограничить полюдье — *это последовательная реализация соответствующей этической системы*. Для этого требуются очень большие усилия по последовательной перестройке общества на новых принципах — а для этого, в свою очередь, требуется, чтобы эти принципы были, по крайней мере, осознаны самим обществом. Это предполагает соответствующую интеллектуальную работу. В Европе такая работа предпринималась неоднократно, и заняла в общей сложности несколько столетий. На Востоке то же самое потребовало ещё большего времени.

К началу двадцатого века все средства, до сих пор сдерживающие набирающее силу полюдье, себя исчерпали. Россия вплотную подошла к *точке разрыва* с цивилизационными блоками Востока и Запада. Этот разрыв и произошел в 1917 году.

⁷⁰ Традиционное выступление «квасного патриота» обычно сводится к тому, что берется какой-нибудь западный порок (скажем, западная меркантильность или что-нибудь ещё в том же роде) и с торжеством утверждается отсутствие подобного порока у русских. Из этого делается вывод, что «русские лучше, чище западных людей». В ответ на это обычно указывают на какой-нибудь русский порок, отсутствующий на Западе. (Здесь важно понимать, с какой т.з. «порок» — скажем, склонность русских к работе в русле расслабуха/аврал, а не равномерной, — это не баг, а фича: особенность, а не «порок». Что некросу хорошо — эльфу смерть).

Исторический экскурс: русская революция

Проблемы, связанные с эпохой социализма в России — одни из самых тяжелых и запутанных. Можно даже утверждать, что никакая концепция русской истории, не способная убедительно объяснить, чем был советский строй (не противореча при этом фактам), не может претендовать на истинность.

Существующие концепции русской революции не могут объяснить прежде всего её результата: каким образом оказалось возможным построить социализм. Даже если несколько российских литераторов лелеяло какие-то странные и неестественные планы, непонятно, как и чем они склонили на свою сторону массы (между прочим, Маркса и Энгельса не читавшие и ничего не понимавшие в теории прибавочной стоимости). Если даже русский народ и «обманули», то каким образом? Большевики ничего и не обещали, кроме диктатуры пролетариата, всеобщей экспроприации и мировой революции — в этом смысле они были вполне честны. Если за ними пошли миллионы, то отнюдь не потому, что Ленин и Троцкий сулили им золотые горы. Кроме того, не было недостатка в тех, кто эти самые золотые горы действительно обещал. В России того времени не было недостатка в демократических и монархических партиях, суливших (в случае своего прихода к власти) скорое благоденствие. Большевики никогда не обещали, что все скоро станут богатыми. Они говорили прямо противоположное — что богатых вообще не будет.

Тут самое время напомнить, что автор работы со временем превратился в «национал-демократа»⁷¹ и занял чёткую антисоветскую позицию. Так вот — тут непонимание имеет причиной страшную далёкость от народа, вспоминаются рассуждения Крылова о русском менталитете и европейской ментальности: *«Я слово "менталитет" ненавижу – тихо, но люто. И когда его слышу, с удовольствием схватился бы не то что за пистолет, а за ядрёну бонбу, шоб повыжгло»*⁷².

Так вот, в русском менталитете первично *стремление к справедливости*. Поэтому, когда большевики обещали землю крестьянам и фабрики рабочим, они выразили именно что глубинные чаяния народа: работать не на помещика, кулака и буржуя, а на всё общество, (от деревенской общины до страны в целом). Вот и получили народную поддержку.

При этом, думаю, народ собственным горбом на практике знал: чтобы не было бедных, не должно быть богатых. Антисоветский анекдот «...а мой дед выступал за то, чтобы бедных не было» — типичная демагогия. Богатство и бедность — понятия относительные, при этом и теория, и практика подтверждают тенденцию «богатые богатеют, бедные беднеют».

Сейчас мало кто обращает внимание на то, насколько дикими и нелепыми кажутся сами эти слова при внимательном рассмотрении. В конце концов, идея, из которой следует, что богатых людей не должно быть, противоречит естественному желанию любого человека — быть богатым.

Какая шикарная проекция :-)) А с точки зрения русского менталитета естественно не «быть богатым», а трудиться на благо народа, при этом имея достойный образ жизни.

⁷¹ <http://warrax.net/94/nazdem/00.html>

⁷² <http://warrax.net/93/15/mental.html>

Богатство — это не цель; требуется, чтобы не было нужды, нищеты, и постепенно росло благосостояние — но это должно быть следствием, а не самоцелью. Собственно говоря, когда идеологии в СССР догматизировались и отстала от жизни, а целью было заявлено «догнать Запад по благосостоянию», социализм и удалось победить через предательство элит и равнодушие народных масс.

Но люди этого не хотели, — а когда все-таки зарились на чужое добро, чувствовали себя предателями, ибо «не за это боролись». Как это не покажется странным, они действительно были согласны на то, чтобы все были бедными. Это самая удивительная политическая программа из всех возможных. Для сравнения представим себе, что некий кандидат в президенты какого-либо государства пообещает избирателям, что после его прихода к власти все они станут нищими. Тем не менее в 1917 году достаточно большое количество людей «проголосовало» именно за такую программу⁷³.

Передёргивание. В царское время подавляющее большинство населения было нищими крестьянами, да и пролетариату было нечего терять, кроме своих цепей. Так что речь идёт не о том, что-де «жили нормально, давайте станем нищими», а о том, что надо избавиться от эксплуатации трудового народа, а высвободившиеся средства направить на преобразование страны, чтобы всем стало жить лучше — что и подтвердилось на практике.

Даже политические противники коммунистов в большинстве случаев не пытались обвинить их в вульгарном желании поживиться чужим добром (как это принято делать сейчас). Всем было понятно, что дело не в этом — или, по крайней мере, не только в этом. В конце концов, большевистское руководство могло бы поступить так же, как поступают современные российские коммерсанты — присвоив себе возможно большее количество материальных ценностей (а сделать это было вполне возможно), «верхушка» могла бы просто эмигрировать. Если бы большевики были бандой уголовников (как их сейчас принято изображать), они бы поступили именно так.

Разумеется, можно сказать, что большевиков интересовала власть ради её самой. Эта теория, на первый взгляд более убедительная, не объясняет, ради чего они ставили какие-то странные эксперименты (типа «военного коммунизма» или последующей «коллективизации»), то и дело приводившие страну — и самих себя — к тяжелейшим кризисам.

И опять непонимание ситуации и незнание истории. Военный коммунизм был вынужденной мерой, стоял вопрос выживания населения в целом, а коллективизация (несмотря на перегибы на местах) вводила более целесообразную обработку земли, чем это осуществлялось единоличниками, и была необходима для осуществления индустриализации.

⁷³ Необходимо ещё раз напомнить, что речь идет не о психологии, не о желаниях людей, но только и исключительно об их поведении. Строго говоря, мы не можем сказать, что люди хотели стать нищими. Может быть, никто, ни один человек, этого не хотел. Но они сделали то, что они сделали, потому что считали это правильным. Многие (даже абсолютное большинство) могли вспоминать старые порядки с тоской и горечью — но не считать их правильными, «законными», «такими, как надо» (и ещё раз укажу на передёргивание: «стать нищими» — а так все были богатыми, да?).

Обычное властолюбие могло бы привести к обыкновенной диктатуре, но диктаторы обычно не склонны заниматься подобными изысками. Разумеется, коммунистам нужна была власть — но не как самоцель.

~~Нельзя сказать и того, что большевики «хотели народу добра» (как бы ни понимать смысл этого слова) — хотя бы потому, что они были не склонны щадить ни отдельных людей, ни людей вообще. Нельзя сказать даже того, что благо коллектива они ставили выше блага отдельного человека — поскольку и ко благу отдельного человека, и ко благу коллектива они относились примерно одинаково, то есть без всякого уважения. Они мало ценили право на жизнь и личное счастье как отдельных индивидов, так и целых социальных слоев.~~

Этот абзац даже комментировать смысла не вижу — я вообще не использую термин «добро» из-за кривости понимания, а тут «благо» у автора явно какое-то своеобразное — видимо, берёт начало в «естественном желании любого человека — быть богатым». Я его, пожалуй, просто вычеркну для наглядности.

То же самое относится и к «стремлению к свободе». Очень часто революцию объясняли невыносимым угнетением народных масс, якобы имевшем место при царизме. Следует сразу отметить, что никакой *свободы* большевики даже не обещали. Они обещали диктатуру пролетариата — а это слово может означать все что угодно, но только не свободу.

А тут, опять же, надо различать «свободы от» и «свободу для», а также понимать русский концепт «воли» (см. «Вольному свободы недостаточно») ⁷⁴. Крылов явно смотрит на ситуацию с использованием либеральной «свободы от» и поэтому не видит завоевание революции — возможность вольного труда на благо Родины.

Теперь мы, наконец, можем объяснить причины Октябрьской революции и последовавших за ней событий. Тогдашняя Россия была далеко не идеальным обществом, но и не самым худшим — даже по западным меркам. Русский народ никогда не отличался чрезмерным свободолюбием, и ради свободы (непонятно от чего) бунтовать бы не стал. Даже в недостатке справедливости — по европейским понятиям — российское государство упрекнуть было нельзя. Разумеется, существовало сословное неравенство, всевластие чиновников, мздоимство, взятки и многое другое. Но эти проблемы частично разрешимы путем введения обычной либеральной демократии [facepalm], частично же неразрешимы вообще. В любом случае революция не является средством решения таких проблем.

Тем не менее в России имело место массовое разочарование в государстве как гаранте хотя бы минимальной *моральности* в общественных отношениях. Нарастающее напряжение между заимствованными *формами* общественного устройства и собственным *содержанием* проявлялось все сильнее и сильнее. Поэтому народ в конечном итоге не смог сопротивляться большевизму ⁷⁵.

⁷⁴ <http://warrax.net/96/02/volya.pdf>

⁷⁵ Самым поразительным явлением было именно то, что большевикам очень слабо сопротивлялись даже те, кто имел все основания ждать от них только плохого. Очень многие люди, не переносившие на дух революции и коммунизма, тем не менее чувствовали, что «большевики в чем-то правы». Речь идет не о желаниях — подавляющее большинство нормальных людей не желает себе плохого — но о бессознательном понимании смысла происходящего. (А ничего удивительного, именно что чувство справедливости, при всех

Советский строй (социализм) был, таким образом, попыткой реализации общественного порядка, соответствующего нормам Четвертой этической системы. Но всякий реальный общественный порядок является (прежде всего) компромиссом между этической системой и полюдьем. Социализм же предполагал нечто иное: компромисс между полюдьем и другой, заимствованной этической системой — хотя и на условиях, диктуемых полюдьем.

Неверно. Чем полюдье четвёртой этической системы $\bar{f}(O) = \bar{f}(I)$ («Никто не должен делать того, чего не делаю я») отличается от полюдья первой $f(I) = f(O)$ («Делай то же, что и все»)? Тем, что в первой подразумевается буквальное копирование поведение, а вот полюдье четвёртой подразумевает осмысление поведения в обсуждаемом ракурсе: если некто ведёт себя не как все (делает то, чего не делаю я) — то с какой целью он это делает? Табу на изменения, как в первой системе, в четвёртой отсутствует, и если есть обоснование действий, которое укладывается в общую идеологию и этику, то становится возможным такое делать всем. Разумеется, бывают эксцессы, связанные с низкой культурой «запретителей» и проч., но это — проявления не четвёртой системы, а остатки второй, а то и первой.

Но, разумеется, следует учитывать и то, что четвёртая система полностью сформирована не была, поэтому полюдье проявлялось без адекватного естественного противодействия достаточной силы.

Последнее утверждение может показаться излишне категоричным, но его можно доказать. Если проанализировать все особенности советского строя за все время его существования, от политики и экономики до мелких деталей жизни, мы увидим две бросающиеся в глаза особенности:

если что-то невозможно было дать всем, то это всем запрещали;

если что-то можно было дать всем, то всех обязывали это иметь.

Эти два правила никогда не формулировались в явном виде, но выполнялись очень последовательно. Первое правило, например, объясняет очень много, казалось бы, разнородных явлений — от экономического базиса социализма (общественной собственности на средства производства) до борьбы с элитным кино и литературой, «непонятной народу».

И снова фигня написана.

Вот прямо-таки ни у кого никогда не было ничего, чего не было у всех поголовно? Что именно имеется в виду? Что за голословная демагогия?

Аналогично: что обязывали всех иметь? Среднее образование, жильё, бесплатную медицину? Как тут понимать слово «обязывали» — народ сопротивлялся, силой навязывали, и с т.з. автора это плохо?

В самом деле, частная собственность на средства производства — это как раз то самое, что по определению не может принадлежать всем. Это не касается личной собственности (сколь угодно большой). У каждого может быть зубная щетка или по дом —

недостатках конкретной реализации. Поэтому-то было много военспецов (царских генералов было в РККА больше, чем у белых), многие интеллектуалы продолжили служить России как учёные и т.д.).

но не фабрика. И не потому, что фабрика стоит дороже, чем дом — а потому, что кто-то должен *работать* на этой фабрике. Поэтому владеть собственностью на средства производства надо было запретить *всем*.

Проще: владение собственностью на средства производства в марксистской теории означает эксплуатацию рабочих, поэтому это *несправедливо*, вот и всё. Тут влияние оказывает не столько этическая система, сколько догма марксизма.

Понятно, что если говорить о неких олигархах, то всё просто; но почему нельзя держать, например, маленькое кафе или там мастерскую, обеспечивая работникам нормальную зарплату и условия труда и соблюдая ГОСТы и проч.? Тут запрет именно от марксистской догмы и не более того, не надо измышлять лишних сущностей. То же прекращение НЭПа было вызвано вполне прагматическими причинами, а не этическими.

В этом смысле заводы и фабрики при социализме были даже не государственными⁷⁶, и уж тем более не «общественными», а — если выразаться точно — *ничьими*. Они вообще были *не собственностью* (чьей бы то ни было), а, так сказать, деталями ландшафта — как горы или реки. Это не мешало работать на этих фабриках и заводах, точно так же, как ничто не мешает ловить рыбу в «ничьей» реке. Не обязательно приобретать реку, чтобы ловить в ней рыбу. Государство при такой системе было даже не собственником, а чем-то вроде сторожа, присматривающего, чтобы имущество оставалось в сохранности. Люди, впрочем, чувствовали, что это *ничье* — и вели себя соответственно⁷⁷.

Автор явно не может мыслить вне рамок капиталистической собственности. «Не обязательно приобретать реку, чтобы ловить в ней рыбу» — вполне корректная аналогия. И важно не «кому принадлежат заводы и т.д.» формально — именно государству и народу в целом! — важно, кому они приносят пользу (причём польза и доход — это не одно и то же).

Другой пример — с гонениями на определенные направления в искусстве — объясняется точно так же. Если нечто может быть понятно только заведомому меньшинству населения — этого не должно быть вообще. Поэтому абстракционизм или некоторые направления в киноискусстве находились под фактическим запретом почти до конца социалистической эпохи.

Также передёргивание. Скажем, классическое искусство (я сам не понимаю оперу, балет и проч.) может быть понятно только заведомому меньшинству населения — но при этом поддерживалось государством. А вот т.н. «современное искусство» не одобрялось — и правильно, т.к. цель искусства — это «нести доброе, разумное, вечное», а не делать деньги на мазне. Помните «Незнайку на Луне»?

«Незнайка часто смотрел на висевшую на стене картину с непонятными кривульками и загогулинками и все силился понять, что на ней нарисовано.

⁷⁶ Государственная собственность на Западе — это разновидность частной собственности. Ничем другим она быть и не может. Государство — это собственник в ряду прочих собственников, и даже не обязательно самый крупный.

⁷⁷ Проблемы, связанные с экономическим устройством разных цивилизационных блоков, будут подробнее рассмотрены ниже.

— Ты, братец, лучше на эту картину не смотри, — говорил ему Козлик.
— Не ломай голову зря. Тут все равно ничего понять нельзя. У нас все художники так рисуют, потому что богачи только такие картины и покупают. Один намалюет такие вот загогулилки, другой изобразит какие-то непонятные закорючечки, третий вовсе нальет жидкой краски в лохань и хватит ею посреди холста, так что получится какое-то несуразное, бессмысленное пятно. Ты на это пятно смотришь и ничего не можешь понять — просто мерзость какая-то! А богачи смотрят да еще и похваляют. "Нам, говорят, и не нужно, чтоб картина была понятная. Мы вовсе не хотим, чтоб какой-то художник чему-то там нас учил. Богатый и без художника все понимает, а бедняку и не нужно ничего понимать. На то он и бедняк, чтоб ничего не понимать и в темноте жить". Видишь, как рассуждают!..»

С другой стороны, некоторые вещи были *необходимы* — например, определенный уровень образования. В таком случае его пытались навязать всем. Не существовало *права* на всеобщее среднее образование — существовала фактическая *обязанность* закончить минимум восемь классов средней школы. Точно так же не существовало *права на труд* — была *обязанность иметь место работы*⁷⁸.

И опять непонимание (или намеренное искажение, не знаю). Заметно, что автор смотрит на ситуацию из третьей, Западной, системы. Мол. Если есть право на труд — то это «хочу — работаю, хочу — не работаю».

Однако в четвёртой системе логика завязана не на «свободу от»! См. в гл. III описание 4-й системы:

«...в рамках данной этической системы сила является источником блага, а человек, который ничего не может, не может быть и хорошим человеком»;

«Главным источником зла в рамках данной этической системы считается нежелание связываться со злом, потакание злу, готовность смириться с ним, потворствование ему (чем бы это не объяснялось)».

Знание — сила. Минимальный уровень образования нужен всем.

Советский человек — это тот, кто честно трудится на благо народа и Родины, тунеядцев быть не должно. «Свобода не работать» — это, выражаясь словами автора, «потакание злу».

Таким образом, указанные нормы — это проявления полноценной четвёртой этической системы, отнюдь не полюдя или других систем.

Непонимание вызвано также тем, что в рамках 3-й системы человек отделяется от коллектива, социума и мира в целом, стремится «переделать под себя», а 4-я система подразумевает понимание действительности на уровне «микрокосм равен макрокосму»:

⁷⁸ Это не была «обязанность трудиться», то есть некое подобие рабского труда. Как раз заставить человека работать (то есть давать продукцию), если он этого не хотел, иногда бывало довольно сложно (даже в самые суровые времена). Имела место обязанность регулярно присутствовать на рабочем месте, но зачастую тем и ограничивалось.

это не отрицает преобразования мира, но при этом отсутствует *противопоставление* себя миру, социуму и др. Если в рамках 3-й этики подразумевается атомарное «оукливание» интересов «делаю что хочу, пока не мешаю другим напрямую непосредственно, не трогайте меня», то 4-я этика подразумевает, что «зло» нельзя оставлять в покое *вовне, его вообще не должно быть*. В общем виде: нет «права на деградацию», как в 3-й системе.

Итак, мы видим, что социализм — это *общество, где всем запрещают одно и то же, или навязывают одно и то же*. Причем это навязывание (даже если навязывают вполне нужные вещи, типа всеобщего среднего образования) всегда действует не как право, а опять-таки как запрет.

Тьфу. В любом обществе запрещают одно и то же и навязывают одно и то же, если смотреть по сути, а не считать, что если есть 100500 вариантов деградации — то это свобода выбора, а не навязывание деградации.

Честно говоря, уже надоедает комментировать эту антисоветчину — но изначальная идея типологизации этик уж очень хорошая, а тут — уж очень показательные ошибки и передёргивания...

Особенно явно эти особенности социализма проявились при взаимодействии СССР со странами «социалистического лагеря» в Восточной Европе и странами «социалистической ориентации» в третьем мире. Страны Восточного блока не использовались Советским Союзом как «порабощенные провинции». Напротив, Советский Союз *содержал* эти государства — часто себе в убыток. Далее, нельзя сказать, что в эти государства шла широкая экспансия русской культуры или советского образа жизни. Даже политическое партнерство зачастую было под большим вопросом. Единственное, что объединяло Союз и Восточную Европу — это социальный строй, понимаемый как *система ограничений*. И в СССР, и в Восточной Европе было ограничено право частной собственности и существовало централизованное планирование. И тут, и там не было свободных выборов. Короче говоря, *всем были запрещены одни и те же действия* — но это было обязательным условием для союзнических отношений⁷⁹.

Уф. Вопрос большой и не относится напрямую к теме работы, так что комментировать не буду. См. «Социализм без ярлыков V: Европа и другие»⁸⁰, а также подумайте на тему, почему это централизованное планирование в трансгосударственных корпорациях — это правильно и хорошо, а в государстве — плохо.

Итак, социализм действительно был выражением "чаяний народа" — пусть и не самых лучших. Более того, эти «чаяния» возникли задолго до революции и оказывали соответствующее влияние на русскую историю последних столетий. С другой стороны, их реализация была вполне нормальным, можно даже сказать — *неизбежным* явлением⁸¹.

[Здесь было восемь листов антисоветчины под заголовком «Исторический

⁷⁹ Заметим, что подобный подход чрезвычайно стеснял советскую внешнюю политику. Запад брал себе в союзники кого угодно — вплоть до коммунистического Китая.

⁸⁰ <http://warrax.net/93/01/evropa.html>

⁸¹ Чаадаев как-то заметил: "Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники". По крайней мере, это его мнение оказалось поразительно верным.

экскурс: история России в XX веке» с попытками притянуть системы этик как объяснение, я это всё поскипал — пришлось бы комментировать каждый абзац].

[А здесь было «Дополнение. Этические системы и экономическое устройство общества» на одиннадцать листов с мутными и далеко не всегда корректными рассуждениями на тему «что есть собственность в этических системах», тоже скипаю. См. по теме Приложение №9, там расписано адекватно].

Часть VI. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЁ ВРАГИ

Цивилизация

Совокупность четырех цивилизационных блоков составляет то, что можно назвать *человеческой цивилизацией*.

У четырех этических систем, при всех различиях между ними, есть нечто общее: каждая из них способна организовать жизнь людей, нормализовать отношения между ними и поддерживать в обществе определенный уровень взаимного доверия. Всё это позволяет людям осуществлять совместную деятельность, иногда очень сложную.

Человеческое общество может достичь в своем развитии значительных успехов. Однако масштаб этих успехов предопределен одним обстоятельством: *насколько сложные формы совместной деятельности возможны в данном обществе*. Современная цивилизация требует для своего поддержания совместной деятельности огромных коллективов людей, а также слаженной деятельности сообществ, эффективного управления и отсутствия явных противоречий в господствующей культуре.

Необходимое условие совместной деятельности: взаимное доверие

Все это держится на очень тонкой нити: на *взаимном доверии* между людьми. Под словом «доверие» понимается прежде всего *предсказуемость* чужого поведения, и лишь во вторую очередь — наличие добрых чувств друг к другу. Два человека могут ненавидеть друг друга, но, тем не менее, доверять друг другу в определенных вопросах. Напротив, человек может не доверять близким друзьям, считая их, может быть, очень хорошими, но непредсказуемыми людьми. Доверие или недоверие — это оценки чужого поведения, а не чужих или своих чувств к другому человеку.

Основой взаимного доверия является следование этическим нормам. Разумеется, речь идет не о скрупулезном их соблюдении: это невозможно по чисто практическим причинам. Как правило, все крупные социальные образования поддерживают свои варианты этики, позволяя людям в своем поведении в той или иной мере отклоняться от строгого следования этическим нормам. Как правило, мера такого отступления диктуется обстоятельствами. Что допустимо в одних случаях, считается недопустимым в других, и так далее.

Репутация

Меру доверия, оказываемого человеку со стороны окружающих людей (в пределе — общества в целом), называют *репутацией* этого человека.

В точном смысле этого слова репутация человека — *это набор ожиданий*, которые человек вызвал в окружающих его людях. Эти ожидания зависят от априорных оценок, связанных с объективными факторами, оказывающими влияние на поведение человека (такими, как происхождение, этническая принадлежность, материальное положение,

и т. п.), и от действий, совершенных в прошлом самим человеком⁸².

Репутация является оценочной характеристикой. Это значит, что она содержит не только информацию об ожидаемом поведении субъекта, но и *оценку* этого поведения с некоторой «общепринятой» точки зрения. Эта оценочная часть информации является чрезвычайно важной, поскольку является информацией не только об индивиде, но и об обществе, оценивающем индивида, а также (косвенно) о *самооценке общества*⁸³.

Факторы, определяющие репутацию индивида

Репутация человека зависит от того, как общество оценивает его притязания, возможности и внутренние ограничения.

Притязания — это совокупность целей, которых человек стремится достичь, жизненных задач, которые он хотел бы решить, и т.д. и т.п. Притязания связаны с возможным *будущим* субъекта и определяют *целевую* компоненту его деятельности.

Возможности — это полезные свойства (таланты, навыки, умения, наличие материальных средств и т. п.), в общем — всё то, что субъект может использовать для достижения своих целей. Уровень возможностей связан с *настоящим* субъекта: они определяют, чего человек достиг на данный момент и что он может сделать в ближайшем будущем.

Внутренние ограничения — это ситуации или положения, избегаемые субъектом по каким-либо причинам. Наиболее существенными считаются этические ограничения, но существуют эстетические пристрастия, психологические комплексы и многое другое, что также входит в эту категорию. Уровень ограничений задается *прошлым* субъекта и связан с его жизненным опытом, привычками, убеждениями, симпатиями и т.п., а также с его национальной, культурной и цивилизационной принадлежностью.

Критерии оценки репутации индивида

Полезно также описать и соответствующие *критерии оценки* всех этих свойств.

Уровень притязаний субъекта обычно оценивается, исходя из характера его целей, уровня инициативности, и способности к стратегическому мышлению.

Нормальными (общественно одобряемыми) целями признаются прежде всего приобретение и увеличение личного *капитала*, который может быть *реальным* (деньги, материальные ценности) или *символическим* (широкая известность, влияние, принадлежность к элите, власть). Позитивно оценивается и *инициативность*, то есть способность принимать самостоятельные решения и реализовывать их. Кроме того, признается высокая ценность *стратегического* мышления: человек, строящий и выполняющий планы, рассчитанные на многие годы, имеет большие притязания, нежели живущий сегодняшним днем.

Способ оценки *уровня возможностей* человека вполне очевиден: это просто оценка

⁸² Разумеется, сведения на эти темы могут быть неполными или противоречивыми.

⁸³ Например, если в каком-то обществе мало людей с хорошей (по его собственным критериям) репутацией, это значит, что само общество оценивает себя достаточно низко.

всего того, что человек знает, умеет, а также чего он достиг и чем обладает.

Что касается *уровня внутренних ограничений*, то здесь в первую очередь учитывается этичность его поведения.

Социально одобряемое («позитивное») поведение

При этом общая оценка репутации человека не является суммой указанных выше оценок. Прежде всего учитывается *характер корреляции* между этими тремя оценками.

Остановимся на этом более подробно. Очевидно, что все три параметра *изменяются с течением времени*. Человек может увеличить или уменьшить уровень своих возможностей, повысить или понизить уровень своих притязаний, пересмотреть в ту или иную сторону уровень ограничений. *Социально одобряемым* в любом обществе является человек, в поведении которого имеет место *позитивная корреляция между всеми тремя уровнями*.

То есть, социально одобряемым считается такое поведение, при котором повышение уровня возможностей человека вызывает повышение его уровня притязаний и — одновременно — повышение уровня ограничений. Например, от человека, каким-то образом увеличившего свои возможности (допустим, получившего дополнительное образование), ждут, что он повысит уровень своих претензий (допустим, будет добиваться высокооплачиваемой работы или претендовать на более высокое место в общественной иерархии), но и увеличит уровень ограничений (избавится от ряда предрассудков, будет тщательнее следить за своим поведением, станет более порядочным и предсказуемым). То же самое можно сказать и о других коррелятивных рядах. Соответствующий тип поведения человека принято называть «позитивным», а самого человека — «позитивной личностью»⁸⁴.

Наиболее желательная («позитивная») конфигурация личности с этой точки зрения выглядит так:

Соответствующий тип личности можно описать в таких выражениях:

- «Чем больше я могу, тем меньше себе позволяю». *Чем выше поднялся человек, тем лучше должна быть его репутация.* «Что не стыдно бедному и неспособному, недопустимо для обеспеченного и талантливого».
- «Чем больше я могу, тем к большему стремлюсь». *Чем больше возможности человека, тем масштабнее его планы.* «Если у меня есть деньги, я должен их

⁸⁴ Можно сказать, что репутация является первой производной от этих зависимостей. «Положительная репутация» — это ситуация, когда первая производная всех трех указанных зависимостей больше нуля.

приумножить». (я бы говорил про ресурсы как таковые, причём не только материальные, не сводя к деньгам)

- «Чем выше я себя оцениваю, тем к большему стремлюсь». *Хорошие (моральные) люди имеют право и должны доминировать в обществе.* «Я достаточно порядочен, чтобы позволить себе заниматься политикой» (ROTFL).

Некоторые варианты негативного поведения

Разумеется, так бывает не всегда. Некоторые люди, например, склонны при увеличении уровня своих возможностей снижать уровень ограничений (проще говоря, они остаются хорошими людьми, только пока слабы). Такие люди рассуждают по принципу «Если я стану богатым, буду плевать на законы», или «Гению позволено все». Существуют и другие виды *негативных* зависимостей (все они являются разновидностями обратных корреляций), соответствующие осуждаемым обществом типам личности.

Прогнозы поведения как отдельных людей, так и разного рода человеческих коллективов (таких, как национальные группы, социальные слои, население различных территорий) делаются, исходя из того, какие именно зависимости между указанными группами факторов являются доминирующими. Особенно важным является учет этого обстоятельства при прогнозировании процессов в социальной сфере. Дело в том, что *разные типы личности реагируют на одни и те же обстоятельства совершенно по-разному.*

Например, классическое⁸⁵ различие между «рыночным» и «нерыночным» типом личности состоит в том, каким образом связаны уровень возможностей человека и уровень его притязаний. Представим себе, что какой-то человек выполняет сдельную работу. Далее, предположим, что ему стали больше платить за час работы. Будет ли он в таком случае работать больше или меньше? Это зависит от типа личности. «Позитивный человек», для которого увеличение его уровня возможностей (а дополнительный доход его повышает) означает рост его притязаний, усмотрит в дополнительных деньгах возможность претендовать на большее, чем он имеет (достичь более высокого уровня жизни, получить дополнительное образование, купить дорогие вещи и т.п.). Следовательно, он будет работать больше, поскольку работать стало выгоднее.

Ключный вывод. Во-первых, если этот человек хочет дополнительных денег, то работать больше он будет и до повышения оплаты. Во-вторых, если ему стали платить больше, то каким образом из этого следует (без дополнительных условий), что ему захочется работать больше? Если так зациклен на «больше денег» — то почему раньше-то больше не работал? «Работать больше, поскольку работать стало выгоднее» — это достаточно специфические условия, например — изначально платили вообще копейки, хватает на не помереть с голоду, и накопить на что-то, даже на вкусную еду, всё равно не получится, — и тут начинают платить нормально и с учётом отработанных часов.

Но так поступит только человек с «позитивным мышлением». Представим себе другую конфигурацию личности, например, такую:

⁸⁵ Впервые описанное М. Вебером.

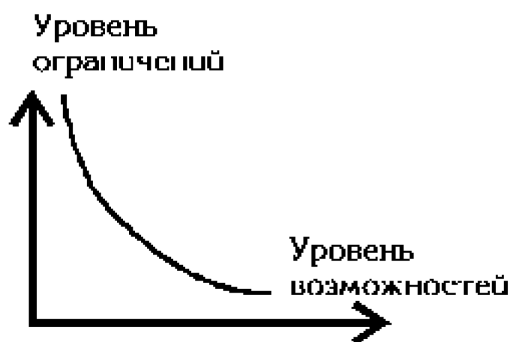

Это человек с ограниченными притязаниями. Такого рода человек строит какие-то планы, стремится к чему-то и т. п. только до тех пор, пока он не добьется определенного («сносного», «приемлемого») уровня жизни и определенных возможностей. Как только они у него появляются, он снижает свою активность, перестает строить новые планы, считая, что «с него достаточно». Если он доволен своим уровнем жизни, то повышение платы за его труд приведет только к тому, что он будет меньше трудиться, получая за свой труд то же самое вознаграждение.

Логично. Это уж не говоря о том, что позитивное мышление не обязательно завязано на деньги (видимо, проекция автора). Если человеку важно, например, время для его хобби, а уровень жизни его устраивает, — то он с удовольствием станет работать меньшее время, так как сохранит уровень жизни, но при этом будет радоваться жизни, а не мрачно вкалывать за деньги.

Отмечу, что «работа за деньги» — это именно западный менталитет (тут безотносительно этических систем), а для русского человека важно «зачем это делать».

Есть и другие варианты негативного поведения. Например, уже упоминавшийся вариант поведения, когда при увеличении уровня возможностей снижается уровень ограничений, может привести к весьма опасному типу поведения, когда человек законопослушен и безопасен для окружающих только до тех пор, пока он достаточно беден и бесправен.

Негативное поведение, внеморальность и зло

Следует отличать «негативное поведение» от внеморальности и зла как принципиальных позиций. Люди с негативным поведением, конечно, не самые лучшие члены общества. Однако нельзя сказать, что они *противопоставляют* ему себя. Они позволяют себе отклоняться от принятых норм поведения, но тем самым они ещё не отрицают эти нормы. Они могут существенно снизить уровень взаимного доверия в обществе, но они все-таки остаются членами общества, частью цивилизации, пусть даже худшей её частью.

С другой стороны, люди, живущие по нормам «нулевой этической системы» (то есть внеморальные субъекты), а также те, кто принял позицию зла, вообще не принадлежат цивилизации. Их конфликт с обществом протекает на более глубоком уровне.

Внецивилизационные сообщества

Существуют сообщества людей (в том числе и этнически однородные⁸⁶), нормы поведения которых не соответствуют ни одной из четырех этических систем, рассмотренных выше.

Главной их особенностью является то, что они не могли бы существовать *вне* других цивилизаций. Причиной тому является отсутствие естественного взаимного доверия между участниками этих сообществ и невозможности самостоятельно поддерживать сложные формы поведения. Предоставленные самим себе, они быстро распались бы. Но они выработали определенные способы существования за счет цивилизованного мира, что позволяет им не только уцелеть, но и (во многих случаях) извлекать из своего положения определенные преимущества.

Вопрос о характере взаимоотношений между цивилизацией и внецивилизационными сообществами очень сложен. Нет сомнений, что достаточно часто последние просто «паразитируют» на цивилизации; но, с другой стороны, некоторые цивилизованные общества извлекают определенную пользу из таких взаимоотношений, что скорее напоминает симбиоз.

Нулевая этическая система: диаспоры

Одним из видов внецивилизационных сообществ являются те, в которых отношения между людьми строятся по нормам нулевой этической системы (то есть подобные отношения «внеморальны»).

Напомним соответствующие правила поведения:

$$f(I, O) = f(O, I)$$

$$F(O, I) = f(O, I)$$

$$\bar{f}(I, O) = \bar{f}(O, I)$$

$$\bar{f}(O, I) = \bar{f}(O, I)$$

«Мне нет дела до других, как и им — до меня. Как другие ведут себя по отношению ко мне, пусть так себя и ведут. Как я веду себя по отношению к другим, так я и дальше буду себя вести. Все действуют так, как считают нужным, и я тоже действую, как считаю нужным».

Человек, принявший подобные жизненные установки, находится, так сказать, «по ту сторону добра и зла» — точнее, он их просто не различает. Разумеется, ему доступно понимание некоторых ценностей: он хорошо знает, что такое «полезное» и «вредное», он даже может делать добро тем людям, которые ему чем-то нравятся, и при этом даже не

⁸⁶ Их иногда называют «народами». Пользоваться подобным термином, однако, нежелательно, поскольку все, описываемое ниже, не связано с расовыми или этническими свойствами человека.

ждет за это благодарности, поскольку не понимает, что это такое. Он не обидчив: он вполне способен договориться с человеком, который причинил ему зло, если изменились обстоятельства и ему понадобилось обратиться к этому человеку. С другой стороны, он и сам способен сделать другим людям всё что угодно, если это ему в данный момент покажется выгодным. Как правило, такие люди склонны презирать окружающих за их приверженность каким-то «нелепым» этическим ограничениям (смысла которых они просто не чувствуют), а себя считать «реалистически мыслящими» людьми, адекватно воспринимающими реальность.

Очевидно, что уровень взаимного доверия между подобными людьми (если они составляют единое сообщество) будет равен нулю, поскольку каждый из них прекрасно знает, что другой может в любой момент нанести ему сколь угодно значительный ущерб. Такие люди (и такие сообщества) могут нормально существовать *только среди других людей* (и других народов) и *за их счёт* — систематически эксплуатируя их доверие. С другой стороны, эти сообщества могут образовывать из себя подобия «народов», хотя эти «народы» достаточно своеобразны.

Мы говорим о так называемых «народах диаспоры». Наиболее известным народом такого типа являются евреи «классического» периода, но далеко не только они одни. *Любой* народ (или его часть) может попасть в подобное положение. Все «рассеянные народы» имеют между собой нечто общее, а именно общность некоторых моделей поведения. Если мы посмотрим на армянскую или итальянскую диаспору в Америке и поведение людей, принадлежащих к этим диаспорам, мы, к своему удивлению, увидим в их поведении сходство с теми же евреями: те же занятия, те же отношения с окружающим миром, те же способы бытового устройства и т. п.⁸⁷

Следует иметь в виду, что «диаспорой» в указанном смысле слова можно назвать далеко не все национальные сообщества, волею судьбы оказавшиеся далеко от своей «исторической родины» и не желающие ассимилироваться. Например, замкнутое, территориально ограниченное поселение какого-то народа на «чужой» территории вовсе не является «рассеянием». Такое сообщество может жить по законам одной из этических систем, в нем может сохраняться высокий уровень взаимного доверия, и т. п. Разумеется, между таким сообществом и окружающим миром возможны конфликты (национальные или даже межцивилизационные), но в данном случае речь идет о другом⁸⁸. Настоящая

⁸⁷ Евреев можно рассматривать как самый известный, можно сказать — канонический вариант диаспоры, хотя бы потому, что их сообщество существует дольше, чем все остальные сообщества того же типа, и, last not least, более известно.

Касаясь этой темы, невозможно пройти мимо проблемы антисемитизма. Мы признаем относительную правоту антисемитской мысли там, где она обращается к описанию феномена еврейства, но не считаем верными даваемые антисемитами объяснения этого феномена (будь то этнические, религиозные или политико-конспирологические). Соответственно, мы считаем ложными и выводы, а тем более рецепты решения проблемы, предлагаемые антисемитами.

⁸⁸ Не следует думать, что войны, экономические или социальные катастрофы, а также массовая депортация или эмиграция населения сами по себе способны создать диаспору. Разумеется, такие события могут способствовать образованию диаспоры, но ни в коем случае не создать её. Еврейская диаспора существовала до разгрома Иерусалимского царства, и была более многочисленной, нежели обитатели Иудеи. То же самое можно сказать и об армянской диаспоре, и обо всех остальных.

диаспора возникает, когда составляющие её люди переходят⁸⁹ на нулевую этическую систему, то есть начинают относиться к окружающим так, как это описано выше. Уровень взаимного доверия в таком сообществе падает, поскольку все его участники начинают понимать, что они могут ждать от окружающих буквально *чего угодно*. При этом сообщество или распадается, или перестраивается, приобретая характерные черты народа-диаспоры.

Отношения между народом-«хозяином» и живущим в нем народом-диаспорой обычно бывают достаточно сложные. Как уже было сказано, это полусимбиоз-полупаразитирование. Народы-диаспоры ведут себя в среде обычного народа примерно так, как микробы в теле человека. Иногда они полезны — как кишечная палочка, которая помогает переваривать пищу. Иногда они являются обычными паразитами, более или менее безвредными. В некоторых случаях они могут играть роль болезнетворных бактерий — то есть вирусов гриппа или холерных вибрионов. Один и тот же народ в разных обществах и в разное время может выступать в разном качестве: для какого-то общества эти люди играют роль кишечных палочек, для какого-то — возбудителей холеры. Более того, если само общество меняется, то могут измениться и функции народа-диаспоры: из полезного или хотя бы нейтрального он может превратиться в опасный, и наоборот. При этом сам народ-диаспора может и не изменяться: меняется общество, в котором он находится. Те действия народа-диаспоры, которые когда-то были безобидны или даже полезны, становятся разрушительными для изменившегося (или просто временно ослабевшего) общества.

Стоит обратить внимание на внутреннее устройство такого рода сообществ. Как правило, люди, входящие в них, *боятся друг друга больше, чем чужих* — поскольку ждут от «чужих» этически окрашенного поведения, а от «своих» чисто прагматического. Именно это обстоятельство может как разрушить подобное сообщество, так и (как это не парадоксально) *сплотить* его.

Дело в том, что подобные люди хорошо управляемы. Оказывая на них давление, можно не опасаться морального возмущения или желания отомстить. Напротив, они легко уступают силе, и всегда предпочитают «откупиться», если это дешевле. Политические силы, действующие в среде таких народов, состоят из людей, способных смотреть дальше других и хоть сколько-нибудь поступиться мелким своекорыстием. Как правило, они глубоко презирают «свой народ», который рассматривают в основном как *орудие*, с помощью которого они действуют. Для того, чтобы их сообщества не рассыпались, их управляющие структуры применяют разного рода *методы давления* на людей, иногда весьма изощренные. Результатом такого рода деятельности является возникновение системы взаимного давления и взаимного шантажа. В основном это давление оказывается через семейные каналы, через родственников и близких, через навязываемые долги и обязательства и т.д. и т.п. Эта система взаимного контроля может показаться со стороны проявлением «национальной солидарности», хотя это не так. Действительно,

⁸⁹ Мы не касаемся сложных вопросов, связанных с возможностями и причинами перехода людей из одной этической системы в другую. Известно, что это возможно.

представитель такого народа будет оказывать определенные услуги «своим», даже незнакомым ему лично людям, но только потому, что он опасается нажать себе лишних врагов в своей среде. К тому же в большинстве случаев эти услуги ему лично ничего не стоят: он предпочитает оказывать их за счет окружающих⁹⁰.

Ещё раз затронем такой вопрос: может ли народ-диаспора при всех своих неприятных свойствах быть в чем-то *полезен* обществу, в котором он обитает? Да, иногда такое случается. Например, народ-диаспора берет на себя какие-то функции, которые в среде народа-«хозяина» считаются низменными, грязными или морально неприемлемыми. Другой случай: народ-диаспора очень эффективно действует в какой-то сфере (как правило, это торговля, финансы или что-то в этом роде), ограниченный со всех сторон жёсткими рамками, и, так сказать, запряженный в телегу национальной экономики.

В связи с этим нужно отметить, что ни один народ-диаспора (в том числе и еврейский, часто обвиняемый в вынашивании далеко идущих планов) никогда не пытается *захватить власть* над народом-хозяином. Такого рода теории возникают постоянно, но они смешивают власть и упомянутое выше паразитирование. Власть — это принятие решений за других, а народы-диаспоры в общем равнодушны к делам других народов. Нельзя же сказать, что солитер в кишечнике человека мечтает *управлять* этим человеком. Он не мечтал об этом, даже если бы был разумен. Ему не нужно заставлять человека идти туда-то и делать то-то. Более того, это требует принятия решений за этого человека, и можно принять неправильное решение, лишившись источника пищи. Нет, пусть о своих делах человек думает сам. Солитера волнует только одно: возможность *съесть самому* большую часть пищи, которую съест человек, как бы тот её не добыл. Примерно так же рассуждают и представители народов-диаспор, в том числе и их руководство. К тому же представители народов-диаспор просто *не способны* управлять обычными людьми, поведение которых они понимают слабо, поскольку оно более сложно, чем их собственное. Их мечта и конечный идеал — спокойное безбедное *захребетничество*, продолжающееся неопределенно долго. *Эту* возможность они действительно хотели бы иметь, и прилагают все усилия, чтобы достичь такого положения (то есть «сидеть на шее» у других народов).

Есть ещё один вопрос, который придется упомянуть. Многие люди, сталкивающиеся с представителями народов-диаспор, склонны рассказывать о выдающемся уме и дьявольской хитрости таких людей. Стоит сказать, что такого рода выводы делаются (увы, весьма поспешно) из-за того, что поведение таких людей кажется очень эффективным: «они всего добиваются». На самом деле они «добиваются успехов» в основном потому, что их ум устроен *проще*, но зато они *не думают* об очень многих вещах, просто их не замечая. Это позволяет им в некоторых отношениях быть весьма эффективными. Кроме того, из-за того, что такие люди могут безо всяких переживаний сделать то, чего другие делать просто не захотят, они получают дополнительные преимущества. Например, ни один представитель народа-диаспоры не понимает, что такое унижение. Он может вести себя

⁹⁰ Так, подобный человек, будучи работником кадровой службы в крупном учреждении, будет пристраивать на работу в это учреждение своих соплеменников: ведь ему это ничего не стоит. Но, будучи руководителем, он постарается взять себе в подчиненные отнюдь не соплеменников, а специалистов, знающих свое дело, поскольку не захочет неприятностей с начальством.

просто раболепно с нужным ему человеком, нисколько не переживая по этому поводу. С его точки зрения, это вообще не унижение, а малозначащий спектакль. При этом тот же самый человек может быть невероятно нагл и настырен, и по той же самой причине: он не чувствует никакого смущения, потому что не понимает, что это такое. Если самый дешевый способ получить то, что тебе нужно, от кого-то, это публично унизиться перед ним, то почему бы так и не поступить? Но если проще и дешевле обхамить, надавить, в конце концов, обмануть того же самого человека, почему бы не сделать так? С такой позиции это чисто технический вопрос. Для того, чтобы его решить, не надобно большого ума, хотя со стороны такое поведение может казаться чуть ли не образцом сатанинской изворотливости.

Кроме всего прочего, не следует излишне демонизировать поведение «рассеянных народов». Люди такого типа действительно способны совершить любое зло (за что к ним соответствующим образом и относятся), но они, по крайней мере, не считают причинение зла другим единственным достойным способом существования. Такие люди могут быть безупречно лояльными гражданами, если только государство, в котором они проживают, будет внушать им достаточные опасения — а запугать их легко. Другое дело, что ждать от них проявлений настоящего патриотизма, чести, даже элементарной порядочности, не имеет никакого смысла.

Народ-диаспора может перестать существовать по двум причинам. Во-первых, он может ассимилировать, то есть постепенно распасться и в конце концов влиться в другие, «обычные» народы. Во-вторых (хотя это бывает значительно реже) он может принять какую-то этическую систему и стать новым народом. (В такую ситуацию попали, например, евреи в Израиле: современные израильтяне являются *иным* народом, нежели классические «евреи»).

Варварство

Народы-диаспоры образуют нечто вроде промежуточной зоны между цивилизацией и её противоположностью, то есть чисто паразитическими сообществами, использующими для достижения своих целей насилие и обман. Такого рода сообщества мы будем именовать варварскими, а соответствующее поведение — *варварством*.

Подобное словоупотребление может вызывать вопросы. Под *варварством* сейчас принято понимать *низкий уровень развития* какого-то народа или цивилизации. При этом молчаливо предполагается, что причиной варварства является *задержка* развития (нечто вроде того, что бывает со школьником-прогульщиком, которого оставляют на второй год). Более того, считается, что все народы когда-то были такими, какими остались и сейчас варвары, так что варварство — это наше общее прошлое. Есть, впрочем, и альтернативная точка зрения (которая, впрочем, потихоньку становится господствующей). Согласно этой последней, варварство — это не варварство, а *другая культура*, некий особый замкнутый мир.

Обе эти теории, при всех своих внешних различиях, исходят из одной неочевидной

предпосылки. А именно, они предполагают *независимость* варварских культур от культур цивилизованных. Цивилизация живет сама по себе, варвары сами по себе. К тому же обе эти теории склонны в некотором смысле списывать варварство со счетов: будь оно всего лишь «низшей ступенью развития» или же самостоятельной «культурой», все равно развитие единой мировой цивилизации не оставляет ему шансов на сохранение — в первом случае вследствие «естественного просвещения», во втором — в силу культурной экспансии.

Мы, напротив, полагаем, что варварство тесно связано с цивилизацией⁹¹, и даже (в некотором смысле) *порождается* ею. Более того, варварство — *вторичное* (по отношению к цивилизации) явление. Кроме того, варварство вполне способно стать одной из основных *исторических сил* достаточно близкого будущего — и такой шанс ему предоставляет именно наступление мировой цивилизации.

Варварские сообщества следуют «антиэтическим» законам зла. В подавляющем большинстве случаев речь идет о насилии:

$$f(I, O) = \bar{f}(O, I)$$

«Я буду вести себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению ко мне (не могут или не хотят). Я буду делать с другими то, чего они со мной не делают (не могут или не хотят)».

Говоря попросту, *варвары — это люди, существующие за счет того, что они могут доставить другим неприятности*. Цивилизации приходится непрерывно *откупаться* от них, поскольку это обычно (в каждый данный момент) кажется более простым и дешевым выходом из положения.

Варварство является *принципиальной* позицией. Жить за счет насилия для настоящего варвара — это нечто достойное восхищения, предмет гордости, этическая ценность. Такое отношение к жизни в среде этих сообществ разделяют *все*, а не только те, кто реально смог стать разбойником или убийцей. Например, любая женщина из такого сообщества *гордится*, что её муж и сыновья убивают людей и приносят домой добычу, и *презирает* их, если они кормят семью за счет честного заработка.

Но варвары существуют за счет цивилизации не только в этом смысле. Как правило, и внутренняя структура варварского сообщества (прежде всего система управления, то есть власть) держится за счет ресурсов и средств, предоставляемых цивилизацией. Обычно варварская правящая верхушка *распоряжается техническими или идеологическими ресурсами, созданными цивилизацией* и принципиально недоступными для изготовления или создания в самом варварском обществе. Настоящее варварство ещё не там, где все ходят с дубинами (и каждый может сделать себе такую же дубину). Настоящее варварство

⁹¹ Ещё раз напомним, что мы называем цивилизацией. Цивилизованным (в самом широком смысле слова) можно назвать общество, которое способно *самостоятельно* решать свои проблемы (начиная от необходимости есть три раза в день и кончая философскими и теологическими спорами). Слово *самостоятельно* не является синонимом выражения *изолированно*, или *независимо от других*. Любое нормальное общество торгует, воюет, спорит, обменивается идеями, вообще как-то общается с другими обществами. Некоторые вполне цивилизованные общества вообще не могли бы прожить и дня без контактов с внешним миром. Но это все же не значит, что данное общество решает свои проблемы *за счет других*.

начинается там, где все ходят с дубинами, но вождь и его охрана носят стальное оружие (которого данный варварский народ делать не умеет), а ещё лучше — с автоматами и гранатометами. Первый и главный признак развитого варварства — это использование властью (и прежде всего властью) технических средств (особенно оружия) и идеологии, произведенных в цивилизованном обществе, причем таких, которых сами варвары не способны изготовить и тем более изобрести. Наиболее характерное внешнее проявление варварства — нарочито примитивные и дикие нравы в сочетании с развитой чужой (купленной, краденой или отнятой) материальной культурой. Монгольский хан, кутающийся в китайские шелка; африканский вождь на «джипе» и с «калашниковым» на шее; пуштун со «стингером» на плече — вот это и есть варварство. Варварство выживает, борясь с цивилизацией средствами самой цивилизации.

Не менее важным моментом является заимствование (то есть кража) идеологических или религиозных концепций. Варварские вожди бывают прекрасными ораторами, умеющими произносить слова «вера», «свобода», «право», или, допустим, «шариат» — в зависимости от того, что производит впечатление на подданных и на своих противников. Варвары прекрасно умеют оправдывать варварство, причем обычно они делают это «цивилизованными» интеллектуальными средствами.

Все сказанное заставляет сделать вывод о том, что варварские культуры *преступны*. Так оно и есть. Варварство отличается от обычной преступности только своими масштабами. Разумеется, делишки воровских шаек или мафиози не идут ни в какое сравнение с целыми варварскими «республиками», «независимыми государствами» и т.п., но суть их деятельности та же самая.

Особый интерес представляет своеобразная красота варварства — и, соответственно, периодически вспыхивающее восхищение части цивилизованных людей варварами. Ответ довольно прост: варварство *стремится* выглядеть привлекательным; это часть его политики мимикрии. Нигде не уделяется столько внимания бытовой эстетике, сколько у варваров, а их вожди обычно прямо-таки утопают в экзотической роскоши⁹².

Нетрудно заметить, что проявления варварства имеют место и в рамках цивилизованных сообществ. Прежде всего, речь идет о преступности, но не только о ней. Носителями варварства могут быть коллективы или общности людей, которые внешне совершенно не производят подобного впечатления. Более того, варварское (по сути) поведение может выглядеть подчеркнуто «культурным». Все зависит от того, как при этом *используется* культура. В принципе, нет ничего невозможного в том, чтобы применять *любые* достижения цивилизации (вплоть до самых высших) точно так же, как дикарь использует автомат, — для того, чтобы угрожать другим.

Например, «русская интеллигенция» — как сообщество — демонстрирует на протяжении всей своей истории типично *варварское* поведение. Заметим, что речь не идет об интеллектуалах, или лицах, занятых высокоспециализированным трудом. Как известно, принадлежность человека к «русской интеллигенции» не определяется уровнем

⁹² Надо отметить, что массовая культура, эксплуатируя интерес к экзотике, закрепляет в общественном сознании цивилизованных людей «обаяние» варварства.

образованности, квалификации и т.п. Многие типичные интеллигенты — глубоко невежественные люди. Принадлежность к интеллигенции — это прежде всего определенная *позиция*.

«Русский интеллигент» — это человек, решающий свои проблемы за счет того, что он доставляет обществу неприятности, хотя и не оружием, а словами. Интеллигенция ведет себя по отношению к русскому обществу (и тем более к государству) примерно так же, как скандалист в очереди: он непрерывно оскорбляет всех присутствующих, и ждет, что его *пропустят вперед* просто затем, чтобы он, наконец, замолчал. «Русская интеллигенция» состоит из людей, добивающихся определенного социального статуса, материальных благ и т. п. тем же самым путем⁹³. Именно такую цель имеет тотальная критика интеллигентами всех аспектов русской жизни и целенаправленное внушение русским людям чувства иррациональной вины (прежде всего перед «российским мыслящим классом»⁹⁴, а также и перед кем угодно ещё). Как правило, эта «критика» использует ряд идей, созданных на Западе (например, либеральных социально-экономических теорий), причем ссылающиеся на эти идеи лица обыкновенно не понимают смысла того, о чем они говорят: это ещё один случай использования орудий, созданных цивилизацией, для борьбы против цивилизации⁹⁵. Поэтому не следует удивляться тому, что вполне конструктивные западные идеи приобретают в России некую «разрушительную силу»: они используются для заведомо деструктивных целей⁹⁶.

Про «конструктивные западные идеи» промолчу, а на тему интеллигенции — соглашусь и напомню свою статью «Что такое интеллигенция и почему она не тонет»⁹⁷.

⁹³ Это не значит, что подобная деятельность всегда безопасна. Но жизнь любых варваров вообще рискованна: цивилизованные люди обычно уступают их давлению, но в некоторых случаях могут попытаться уничтожить варваров. Тем не менее варвары идут на этот риск — поскольку, как уже было сказано выше, варварство является *принципиальной* позицией. Варвар потерял бы самоуважение, если бы его заставили жить так, как живут цивилизованные люди. То же самое относится и к русской интеллигенции: так, простая лояльность по отношению к собственной стране (не говоря уже о патриотизме) всегда считалась в этой среде чем-то совершенно недопустимым, а непрерывное изъяснение своего недовольства — обязательным.

⁹⁴ Интеллигенты склонны выдавать себя за агентов модернизации (то есть «прогрессоров», «вытягивающих» Россию из «болота отсталости»). На самом деле реальные усилия по модернизации страны обычно предпринимались совершенно другими силами. Напротив, именно интеллигенция всегда критиковала любую *конкретную* программу модернизации (за исключением *чисто разрушительных её* сторон, см. выше).

⁹⁵ Русскую интеллигенцию, если её оценивать по критериям, прилагаяемым к «образованному классу» в обычном смысле этого слова, отличает поразительное творческое бесплодие именно в тех вопросах, которые, по видимости, представляют для нее наибольший интерес.

⁹⁶ Политическим идеалом, осуществления которого добивается русская интеллигенция, является ситуация, при которой она (как сообщество) имела бы монополию на критику в адрес любой части общества, причем её саму *никто* не имел бы права критиковать (не говоря уже о том, чтобы препятствовать ей). Разумеется, такое поведение вполне адекватно описывается формулой $f(I, O) = \bar{f}(O, I)$. Таким образом, интеллигенция требует для себя права на *символическое насилие* над обществом.

⁹⁷ <http://warrax.net/89/itnel.html>

ПРИЛОЖЕНИЯ от Джагга 17ur

1. Чего боятся русские

Про страх как таковой, фильмы ужасов, сделку с дьяволом, вероломное нападение, оборотней и отличия «параноидального» русского человека от «тупого» западного. На всякий пожарный напоминаю, что мера утверждений в тексте далека от абсолютной: про многомиллионные общности вообще невозможно формулировать абсолютные утверждения. Так-с, «однако, тенденция».

Неоднократно наблюдал на зарубежных форумах, как западного человека, не имевшего дела с русскими и почерпнувшего из телевизора идею, что русские суть запуганный, а то и природно трусливый народ, обламывает другой западный человек, имевший дело с русскими и утверждающий, что русские вообще ничего не боятся.

Разумеется, оба утверждения далеки от истины. Первое объясняется тем, что запуганность русских — самое простое объяснение отличий в их поведении; мол, тоже западные люди, но ужасное правительство их страшит и заставляет делать всякие непонятные гадости, которых сферический западный человек в вакууме нипочём не сделал бы. Второе утверждение следует из первого, когда выясняется, что для русских типичные западные страхи иногда представляются не то, что надуманными, а просто неприличными.

Страх присущ русским, как и всем людям. Существует немало ситуаций, в которых и русские, и сферические западные люди боятся совершенно одинаково. Конечно, гораздо увлекательнее те ситуации, где проявляется отличие. О них и пойдёт речь, но сначала немного теории.

Страх — это предощущение возможной потери. Его противоположностью является интерес как предощущение возможного приобретения. Синтезом страха и интереса является любопытство. *(здесь я не согласен, но не суть)*

В более широком смысле страх есть предощущение неправильного срабатывания, предсказание непредсказуемости. И в этом смысле его антиподом является вера. Синтез страха и веры обычно порождает экстатические, трудноописуемые состояния психики, которые можно называть очень по-разному.

В искусстве — умении подделывать переживания — существует отдельное ремесло фальсификации страха. Оно так и называется: «жанр ужасов». С индустрией развлечений на Западе всё в порядке, так что нужные сюжетные ходы и эффекты «для своих» они нащупали давным-давно и успешно их воспроизводят. Я не говорю о потоках крови, монструозных личинах из папье-маше, развешивании кишок на стене и расставлении черепов на книжные полки — это создание ужаса как страха, усиленного отвращением, но не сам страх.

Отличие «жанра ужасов» от трагедии в том, что в трагедии потеря наступает либо в результате действия внешней непреодолимой силы, либо как итог совершенно правильных, этичных поступков действующих лиц. В «жанре ужасов» переживание страха связано с потерями в результате намеренно неэтичных, антиэтичных действий в отношении протагониста, который сам-то вполне нормально ведёт себя. Очевидно, что люди,

следующие разным этическим системам, представляют себе и этическое, и неэтическое поведение по-разному.

«Западная этическая система» по Константину Крылову построена на правиле: *«другие должны относиться ко мне так же, как я отношусь к ним»*; гораздо раньше тот же самый императив Иммануил Кант сформулировал как *«поступай с другими так, чтобы максима твоего морального поступка могла бы служить нормой всеобщего законодательства»*.

Базовый сюжет «западного ужаса» — сделка с Дьяволом. Уточню: «сделка» в смысле *deal*, которая может пониматься и как «разборка», и как «раздача», то есть необходимость обоюдного действия в обязывающих обстоятельствах. Специфически «западный страх» есть предощущение потери оттого, что контрагент настолько превосходит вас, что способен безнаказанно нарушать условия вашей сделки и не обращать внимания на обстоятельства, обязывающие вас её соблюдать. Западный крик ужаса в общем звучит как «мы так не договаривались!».

Страдательной стороной в «западном ужастике» обычно оказывается вполне нормальный западный человек, предприимчивый и инициативный, чья вполне одобряемая — вариант: объяснимая — инициатива сработала совершенно не так, как предполагалось, и вместо прибыли к нормальному западному человеку незаметно подкрался пушной зверёк.

«Купил менеджер задёшево антикварную драгоценность в непонятной лавчонке, а внутри алмаза чёрт сидит»; «залезли археологи в гробницу, золотишка наковырять да диссертационного материала, а оттуда вылезает мумия и давай безобразничать»; «прилетела корпоративная экспедиция на захолустную планету жалованье отрабатывать, а там Чужие яйцекладами размахивают».

Всевозможные маньяки, вампиры, оборотни и прочая прелесть суть именно персонажи, специально оборудованные для заключения дефектных сделок или для нарушения сделок обыденных и подразумевающихся. «Встретив обаятельного незнакомца, девушка не заметила у него притороченную к спине бензопилу»; «хозяин квартиры не знал, что квартиросъёмщик каждое полнолуние покрывается шерстью и поедает одного из соседей».

Предпочтительным воплощением зла в «западных ужасах» можно считать существо, более свободное, чем человек — такое, которое сковано много меньшим количеством запретов. Маньяк там страшен именно тем, что ему, скажем, плевать на прайвеси, и он способен ночью влезть к вам в дом — без спросу; вампир опасен тем, что быстро бегает, высоко прыгает и больно кусает; Чужой вообще является квинтэссенцией «западного ужаса» — он жрёт и размножается эффективнее, чем гражданин США; про дьявола понятно и так.

Однако по сюжету зло подлежит всё же побитию. Исстрадавшиеся западные люди обычно побивают зло после того, как постигнут условия Истинной, Действительной Сделки: скажем, выясняется, что вампиров по условиям игры надо бить осиновым колом; над вырвавшимся на волю демоном надо прочесть избранные места из «Империализма как последней стадии капитализма» или «Некрономикона» безумного араба Абдула Аль-

Хазреда; от Фредди Крюгера помогает галаперидол канистрами; а маньяка можно сбить с толку, притворившись его престарелой мамашей. Здесь, кстати, видна смычка с западной военной парадигмой, построенной на использовании оружия, которого нет у противника, против слабости противника, которой нет у самих «западных» людей.

Северная этическая система, с превеликими трудами формирующаяся в России, исходит из императива: «другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним». Многие сюжетные ходы, сделанные для западной аудитории, конечно, пробирают и русских (особенно в отсутствие собственной адекватной масс-культуры), но по другим причинам, и в общем сюжет «русского ужаса» другой, совсем другой.

В западной этике человек, причинивший (по его мнению) добро окружающим, ожидает добра в ответ. В северной этике человек, не совершавший окружающим зла, не ожидает зла от них. Русский крик ужаса — «я же вас не трогал!», а базовый сюжет — Вероломное Нападение, который в общем случае не совпадает с базовым сюжетом Сделки с Дьяволом.

Из этого следует очень разное понимание сюжетно правильного поведения для страдательной стороны.

«Западный» терпила обязан до последнего делать вид, что всё нормально. Вон сосед уже щупальца отрастил, кассирша в супермаркете клычищами лязгает, портреты предков по ночам разговаривают и залиvisto смеются — ан нет, будь любезен делать вид, что всё в порядке; пока самого босс в тёмное место не заманит по служебной надобности и не начнёт засовывать инопланетного жука в ухо на предмет выедания мозга.

Это — не отклонение в поведении, напротив: это обязанность терпилы — это правильное, моральное его поведение. Мол, пока я делаю добро окружающим, они тоже должны делать мне добро. Невзирая на щупальца. Именно потому едва ли не стандартом западного сюжета является одобряемая обществом отправка к психиатру тех, кто бьёт тревогу заранее, едва только зловещее мурло высовывается из-за угла.

Да. Да. Угадали. Эти же люди и приписывают русским «паранойю» как черту национального характера. И именно их русские считают «тупыми». Именно эти люди битый час экранного времени, невзирая на, лезут в зубы зверю, чтобы выковырять оттуда золотые пломбы — а потом вопят и удивляются, когда древние челюсти всё же делают «щёлк». Вариант: когда половина окружающей местности уже превратилась в марсианский муравейник, эти граждане всё ещё мучительно соображают, что происходит, и надо ли вообще что-нибудь предпринимать. Разумеется, в кино это выглядит гипертрофированно, но суть дела не меняется.

Соответственно, некоторые «злые» персонажи, таким лохам объясняющие, что табличка «не влезай — убьёт» присутствует в декорациях не только для красоты, русским могут быть даже симпатичны.

Моральное же поведение для «северной этической системы» — не допускать причинения себе зла. То есть быть бдительным и защищённым, иметь возможность отказаться от ненужных и вредных для себя отношений или прекратить таковые силой, пока они не нанесли вреда. Да, с «запада» это кажется «паранойей».

Поэтому «русский ужас» начинается тогда, когда самозащита не срабатывает: когда ты

считаешь, что находишься в безопасности, а зло тебя цап. Пакт о ненападении нарушен, полагаемая надёжной защита оказалась пшиком. Я, признаться, не хочу даже думать о том, что почувствовали те русские, которые были на небезызвестном мюзикле «Норд-Ост», в тот момент, когда выяснилось: автоматчики на сцене — натуральное зверьё, а не режиссёрский ход.

Это, кстати, накладывает известные ограничения на сюжетные ходы: скажем, долгое и упорное выкапывание древнего дьявола из его гробницы, пассивное наблюдение за тем, как пришельцы похищают разум или его заменитель у населения родного города и т.п. — провоцирует у русского презрение, а не страх. Напротив, зло должно бить быстро и необъяснимо, так как один из резонансов несрабатывания защиты — то, что она не успевает распознать угрозу или отработать против неё.

Предпочтительным воплощением такого зла в русской реализации «жанра ужасов» выглядит не столько существо, способное пробить индивидуальную защиту страдательной стороны или игнорировать чужие защитные усилия, но в гораздо большей мере — существо, способное обойти чужую защиту. Предатель, оборотень, притворившийся то ли близким человеком, то ли вообще табуреткой, на которую сел неосторожный персонаж. Ага-ага, «Who goes there?» Джона Кэмпбелла, более известный как «The Thing» Джона Карпентера, «Оно» Стивена Кинга и всё такое прочее.

Следующая из северной этической системы русская борьба с «ужасиками» на западную тоже похожа мало. Западный сюжет победы над нечистью: мудрый человек, прибегнув к малодоступным источникам, находит некую Истину, которая при правильном применении не столь мудрыми людьми чудовище избывает в феерическом генеральном сражении. Финальная битва, спецэффекты, главный герой с нутряным выканьем и гуканьем сносит чуду-юду голову с плеч... нет, по-русски это совсем не так.

Русская борьба с атакующим злом — это долгая, обстоятельная и занудная кампания, которую необходимо начинать как можно раньше (а то и превентивно); выстраивание новой защиты на ходу, с «допустимым ущербом» и постоянным ограничением чудовища в возможностях причинить вред; кампания, в которой сколь угодно мелкий выигрыш необходим и не противен, в которой «и верёвочка сгодится». Более того, если гадина просто решит убежать и никогда не вернуться, это тоже считается приемлемым исходом. С другой стороны, если гадина убежать не решит, то мира с ней быть не может ни на каких условиях, и она должна быть уничтожена, причём так, чтобы даже в последних кадрах фильма никаких намёков на сиквел не проявлялось.

Персонаж с нерусским именем, отражающий эту философию наперекор авторам, однажды сказал: «...для ученых всё ясно: не изобретай лишних сущностей без самой крайней необходимости. Но мы-то с тобой не ученые. Ошибка ученого — это, в конечном счете, его личное дело. А мы ошибаться не должны. Нам разрешается прослыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флуктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до

организации производства святой воды в промышленных масштабах. И слава богу, если окажется, что это была всего лишь флуктуация, и над нами будет хохотать весь мировой совет и все школяры впридачу...». (речь Рудольфа Сикорски, если кто забыл).

Резюме.

Западный человек боится чужого успеха за свой счёт; русский боится оказаться беззащитным. На западном языке это называется «русская паранойя».

Западный человек до последней возможности будет делать вид, что у него всё в порядке, а если он ощущает, что возможности исчерпаны, то начинает истерить; русский, напротив, может запаниковать сразу, когда откажут привычные установления, однако, восстановив спокойствие, он менее подвержен срывам в самой тяжёлой ситуации. На западном языке это называется «русский фатализм».

Западный человек, пытающийся побороть свой страх, склонен связывать свои надежды с окружающими общепризнанными реалиями и практическими авторитетами, «занимая» у них самообладания. Это могут быть технические средства ведения борьбы с источником страха, это могут быть идеологические фетиши — «свобода» какая-нибудь с «демократией», патриотизм и т.п. Русский, преодолевая страх, скорее надеется на свои личные способности обернуть ситуацию в свою пользу; он понимает лично себя не как часть целого, «своей стороны» в сколь угодно масштабном противостоянии, а как равноправного участника этого противостояния: не как подчинённого сил условного «добра», а как их союзника.

Это отличие при взгляде на него через «западную» призму это порождает две иллюзии.

Первая — то, что русского можно купить на свою сторону хорошим обращением. На самом деле русский всегда сражается не за, а против.

Вторая — то, что русские побеждают вопреки собственной неадекватности (своему руководству и т. п.). На самом деле всякая действительная русская общность есть общность союзников, в которой иерархические отношения играют меньшую роль, чем в эквивалентной ей западной общности.

Ну и хватит пока. Когнитивная тень на цивилизационный плетень, надеюсь, наведена.

Напомню еще статью Н. Холмогоровой на подобную тему: «Evil They name Us...».

<http://warrax.net/71/evilname.html>

2. Краткое рассмотрение войны

Написано вчерновую, без вычитки, в рамках неких соображений по поводу войн будущего. Для различных этических систем рассматриваются моменты: способность к превентивной войне, объявление войны, вовлечение населения в войну (тотальная — ограниченная), средства и методы ведения войны (чем и как), условие прекращения конфликта. Ограничения по применимости размышлений те же, что упомянуты в работе (отсутствие обществ, в которых существует только одна этическая система, полюдье и пр.).

1. Я должен вести себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению ко мне.

Относись к другим людям так же, как они относятся к тебе.

В первой этической системе (Юг) разница между состоянием «войны» и состоянием «мира» выражена очень слабо и определяется скорее возможностями по ведению условно «военных» действий, а не изменением состояния общества. Общество, в котором «как все, так и я», сталкиваясь с обществом, где люди ведут себя «не так», автоматически относится к нему как к врагу, так что нужды в «объявлении войны» и связанных с этим объявлением условностей попросту нет. Целью конфликта для Юга является устранение помехи своему «образу жизни». Чтобы с глаз долой.

Сам вид формулы подразумевает реактивность поведения того, кто ей следует. «Я смотрю на других и подражаю им». Сперва посмотрел, потом предпринял действия. В принципе это означает неспособность такого общества к превентивной войне в смысле масштабного «первого удара», инициативного, массированного, упорядоченного действия против супостата — лучше всего оно входит в войну в результате «эскалации конфликта». Пример таких конфликтов — племенная резня типа тутси-хуту или клановые разборки на почве кровной мести.

Кроме того, общество Юга прекрасно заточено под спонсирование терактов — единичных действий по нанесению ущерба максимально широко понимаемому «врагу», определяемых только возможностями совершения этих действий: будет ли это бомба с обрезками гвоздей или авиалайнер в небоскрёб. Важно понимать, что осознание «возможности» совершения таких действий тоже является результатом подсказки извне: в кино посмотрели, ага.

В случае конфликта с иными цивилизационными блоками Юг в силу перечисленных свойств очень легко ломается, теряя все более или менее сложные устройства для ведения войны и откатываясь в примитивную, хотя и всеобъемлющую партизанщину. Крайне показательным примером здесь является Ирак, с его стратегией непротивления в первую «Войну в Заливе» («скады» как раз укладываются в эту сравнительно высокотехнологичную партизанскую войну) и распадом армии во время вторжения США. А ведь превентивный удар иракской армии образца 1991-го года по силам тогдашней коалиции в момент развёртывания, хотя и не избавляет от страшнейшего разгрома, но в перспективе выглядит гораздо более выигрышной стратегией, в том числе для самого Хуссейна. Увы, модернизация страны оказалась поверхностной, и серьёзных изменений в этике общества, достаточных для принятия столь важных решений, она не достигла — теперь иракское общество откатилось к этически адекватному состоянию: межплеменной резне и отстрелу чужаков.

Итого для Юга: а) неспособность к превентивной войне, б) враждебные действия без объявления войны, в) определяемые только возможностями их совершения, но не «моральными» соображениями, «мы сражаемся всем, что есть», г) тотальность конфликта — воюют все.

Желательный результат отдельно взятого группового конфликта в первой этической

системе, критерий прекращения военных действий: «оставьте нас в покое, не мешайте нашему общему образу жизни». Если для этого противник должен поголовно исчезнуть, не вопрос. Позднесоветский лишьбынебыловыйнизм принадлежит именно к этой этике.

2. Я не должен вести себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению ко мне.

Не поступай с другими так, как они не поступают с тобой.

Во второй этической системе (Восток) отрицается тотальность войны. То есть если тебе хочется пырять мечом, ты имеешь полное право пырять мечом — но только вооружённого противника, который и сам не прочь. Записывайся в ополчение, выходи на большую дорогу, таскай копье за сэром рыцарем... Война становится занятием особой части населения, и целью конфликта становится выгода этой части. Средства ведения войны в этой системе этично ограничивать. Поговаривают (врут?), что в том же древнем Китае некоторые битвы просто разыгрывали — моделировали на картах или как-то так. После чего «проигравший» полководец договаривался о последствиях. Торжество ограничения.

С другой стороны, реактивность остаётся, ибо даже тому, кто не имеет ничего против войны, этика не позволяет её начать первому. Поэтому в средневековых обществах старая вражда ценилась, ибо она была поводом для праведной войны.

В сочетании с ограничением средств ведения войны, такая реактивность подразумевает её предсказуемость: то есть объявление войны как объяснение её, «иду на вы», «защищайтесь, благородный сэра», «мусульмане спёрли Гроб Господень, едем разбираться» и всё такое.

Поведение Японии, как более-менее современно воевавшей державы Востока, в этой связи вызывает вопросы: и в русско-японскую (Порт-Артур), и во Вторую Мировую японцы (Пёрл-Харбор) нападали внезапно. Однако это были именно что локальные удары, в принципе неспособные войну выиграть: своего рода бросок латной перчатки в лицо, который праздником для лица отнюдь не является. Концепция *соккузен сокетцу* — «решительного прекращения враждебности» — во многом опиралась именно на психологический эффект, а не на эффективное физическое доминирование на поле боя: если хотите, на то, что противник испугается и извинится до нанесения серьёзных побоев.

Итого для Востока: а) неспособность к превентивной войне, б) желательность объявления войны, в) ограничение собственных средств ведения войны («мы сражаемся тем же, чем и вы», отказ от огнестрела), война по правилам типа «меч против меча», ценность нематериальных составляющих боеспособности (тот же самурайский дух), г) избирательность конфликта — воюют не все.

Желательный результат отдельно взятого группового конфликта во второй этической системе, критерий прекращения военных действий: «нашли князю чести, а себе славы», где под «честью» понимается и репутация, и материальная выгода (скажем, снять нефтяную блокаду), а под «себе» — некое воинское сословие, дружина.

3. Другие должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.

Не мешай другим поступать с тобой так, как ты сам поступаешь с ними.

В третьей этической системе (Запад) возвращается тотальность конфликта, но здесь его цель понимается уже не как нанесение ущерба противнику в любом и всяком аспекте (Юг), а как уподобление противника себе (сейчас это называется «содействие распространению демократии»); бомбы и пулемёты здесь становятся одним из средств, но никак не единственным. В идеале каждый «западник» является солдатом такой войны, войны за распространение своего «образа жизни». Соответственно, ограничения на применяемые средства в третьей этической системе её носителями понимаются именно как ограничения для противника: «злые арабы взрывают наших солдат придорожными бомбами, а они должны, как и мы, работать танками и истребителями-бомбардировщиками; если же их нет, то сидеть, как мышь под метлой».

В войнах Запад считает условием своей победы применение средств, которых физически нет у противника — отсюда одержимость «новым оружием», его супер-пупер-характеристиками и т.п. Другим следствием вернувшейся всеобъемлющности конфликта становится отказ от объявления войны или подмена такового объявления — скажем, уничтожение Ирака как суверенного государства проведено по смете «войны с террором».

Итого для Запада: а) способность к превентивной войне, б) нежелательность объявления войны, в) ограничение чужих средств ведения войны («вы должны сражаться только тем, чем сражаемся мы, и так, как сражаемся мы»), г) тотальность конфликта — воюют все (не обязательно пулей и штыком).

Желательный результат отдельно взятого группового конфликта в третьей этической системе хорошо показан в каком-то дешёвом голливудском фильме (ЕМНИП, «Gotcha!»⁹⁸), где штатовский студент, попав по воле судьбы в бедную, разорённую ГДР конца 1970-х, стонущую под пятой советских оккупантов, вырывается оттуда в ФРГ и в ближайшей закусочной произносит с ударением «дайте мне большой АМЕРИКАНСКИЙ гамбургер, бутылку АМЕРИКАНСКОЙ кока-колы» и так далее. Думаю, «весси» должны с удовольствием этот фильм пересматривать.

4. Другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

Препятствуй другим поступать с собой так, как ты с ними не поступаешь.

В четвёртой этической системе (Север, потенциально Россия в будущем) целью конфликта является обезвреживание противника, лишение его способности нанесения ущерба, его разоружение. Масштабы и аспекты конфликта определяются тем, что противник считает «оружием», с помощью чего наносит нам ущерб.

Эта цель снимает ограничения на превентивную войну: даже если я не собирался ни в кого стрелять, я имею право первым выстрелом ранить противника в руку и выбить пистолет, из которого в меня собираются выстрелить. Таким образом, война ведётся не на

⁹⁸ <http://www.kinopoisk.ru/film/4074/>

уничтожение противника как такового (Юг), не для грабежа (Восток), не на изменение его по своему образу и подобию (Запад), а только на лишение его возможностей по нанесению ущерба (как это скажется на остальных параметрах противника — неважно).

Такое порождает запрет противнику на неограниченное вовлечение его собственного населения в войну: тотальная война со стороны противника как правило признаётся нами неэтичной — «с нами не должны драться такие же, как те, что не дерутся с нашей стороны». Если с нашей стороны не воюют дети, ваши дети тоже должны сидеть дома. В свою очередь, такое различие ведёт к необходимости уведомления противника о конфликте — объявления войны.

Как согласуется превентивная война с объявлением войны? Довольно просто. В 1941-м Шуленбург с нотой запоздал, и предыдущее дипломатическое молчание Германии получилось некрасивым, в итоге эпитет «вероломный» вполне заслужен; а вот общеизвестное представление о маньчжурской кампании 1945-го в четвёртую этическую систему вполне укладывается. Война шла именно и только с армией, строившейся для нападения на СССР, все нужные дипломатические телодвижения были сделаны заранее, при том, что японцы просто не располагали временем, чтобы реально подготовиться к удару тех масштабов, что был обрушен на них. Кстати, проблесками именно «северной этики» во времена СССР были картинки типа «за неделю к Ла-Маншу, заправляя Т-80 на автозаправках».

Что касается средств ведения войны, здесь работает императив, направленный на противника, «вы не должны сражаться так, как не сражаемся мы», «вы не должны сражаться тем, чем не сражаемся мы». В сочетании с целью конфликта в «северной этике» это означает не требование ограничения вражеских возможностей, а увеличение числа точек приложения силы к врагу.

Если враг записывает в оружие нечто, что я оружием не считаю, я должен с этой классификацией согласиться и включить в свой список оружия, которого врага надо лишиться, и это «нечто». Например, если враг использует детей для нанесения ущерба нам, все дети на вражеской территории являются легитимными военными целями. Идея, полагаю, ясна.

Итого для Севера: а) способность к превентивной войне, б) желательность объявления войны, в) отсутствие ограничений на средства и способы ведения войны для себя и для противника, г) запрет противнику на тотальность конфликта («с нами не должны драться такие же, как те, что не дерутся с нашей стороны»).

Желательный результат отдельно взятого группового конфликта в четвёртой этической системе, критерий прекращения военных действий: как и было сказано, противник не способен причинить нам ущерб.

P.S. от **steissd**: Северная, то есть, русская военная парадигма, выходит — самая лучшая и эффективная. Когда сами русские от нее отступают (напр., в том же Афганистане, имели место частичные заимствования западной парадигмы), результат известен: цель войны не достигается.

Одна проблема: позволить себе её имплементацию в полном объеме (например,

объявить детишек легитимной военной целью, в случае, если противник в массовом порядке использует «пионеров-героев») может только страна с могучим и неприхотливым тылом, не слишком зараженным всякими абстрактными гуманистическими идеями, выдуманскими адвокатами (первоначально для успешного ведения уголовных процессов для своих подзащитных, далее эти принципы были механически перенесены на международное право) и способным пережить любое торговое эмбарго, даже тотальное. А такая страна всего одна — это — собственно Россия или СССР в прошлом.

3. И вновь о проблемах

Теперь подробнее о проблемах и реакции на них с точки зрения четырёх этик. Подробнее, но недостаточно подробно. Ибо всё ещё думаю.

Пусть у нас есть человеческое сообщество, вполне самостоятельное. Пусть его нормальное состояние есть состояние квазистационарное, при котором существенные для характеристики сообщества величины меняются со временем, но настолько медленно, что наблюдателю, принадлежащему к этому сообществу, его состояние представляется стационарным. Ну, и пусть в этом сообществе превалирует одна из этических систем: «южная», «восточная», «западная» или «северная».

Проблемой в настоящем рассмотрении буду называть всякий фактор, воздействующий на данное сообщество, если в отсутствие реакции на это воздействие сообщество переходит в нестационарное состояние.

О реакции на проблемы далее речь и пойдёт.

«Южная» этическая система.

Императив: «я должен относиться к другим так, как другие относятся ко мне».

Редуцированная форма (полюдьё): «я должен делать то же, что и все».

Здесь реакция на проблему понимается как *обязательно общее*, а от того возможно более простое — тривиальное действие. То есть «южное» сообщество как правило реагирует на проблему попыткой её *устранения*; сюда входит как физическое уничтожение порождающего фактора, так и бегство от проблемы, причём бегство в самом прямом смысле — перемещение в пространстве подальше от. «Все побежали, и я побежал».

Соответственно, «южное» сообщество гнобят факторы либо малоуязвимые, либо порождающие сложные, многоплановые последствия. Что, собственно, белые люди в рамках колонизации остального мира нагляднейшим образом продемонстрировали.

«Восточная» этическая система.

Императив: «я не должен относиться к другим так, как другие не относятся ко мне».

Редуцированная форма (полюдьё): «я не должен делать того, чего никто не делает».

В рамках этой системы возникает возможность **утилизации проблемы**, то есть перехода сообщества из одного стационарного состояния в другое, причём это новое стационарное состояние будет включать в себя бывшую проблему как нынешнее благо.

Поясню. Предположим, что рядом с первобытным племенем поселилось другое такое же, но слабее. И мешает. Пограничные инциденты, дети на шашлык пропадают, то-сё... Понятное дело, впоследствии нападение, при котором «убьют всех людей», которые не наши. Это «южная» система. И представим себе те же дела для двух феодальных владений, живущих по «восточной» этике. Там всё закончится — насильственно или без — вассальным договором или иной формой *дани*, то бишь проблема соседства решается путём превращения её в источник собственного благосостояния.

При этом, конечно же, тривиальные решения проблемы — уничтожение и бегство — остаются в качестве граничных решений.

Процесс утилизации проблемы в «восточной» этической системе обязательно включает в себя её, проблемы, **экстернализацию**, *отчуждение от субъекта, вынос вовне*. Утрируя, всякая проблема в «восточной» этической системе до её решения всегда понимается как следствие действий или существования *кого-то другого*, внешнего. Соседей, соперников, одного из божеств местного пантеона или мелкого беса, который под руку толкнул... И, собственно, *реакция на проблему заключается в установке запретов для этого другого пакостить дальше*. Ограничение. А если в процессе удаётся стрясти с другого что-нибудь полезное, то тем лучше.

«Западная» этическая система.

Императив: «другие должны относиться ко мне так же, как я отношусь к ним».

Редуцированная форма (полюдье): «все должны делать то же, что и я».

Тривиальные решения «уничтожение/бегство» здесь по-прежнему сохраняются, однако процесс утилизации проблемы включает в себя не экстернализацию, а **интернализацию**, то есть *объявление проблемы своим и только своим внутренним делом*. Эта интернализация проявляется и в расцвете индустрии психоанализа на Западе, и в оборотах типа «зона жизненных интересов США», и во многом другом. «Все люди братья, а с братьями можно и не церемониться».

Отмечу, кстати, что именно это отличает США от пресловутой «империи». «Империя» в «восточном», средневековом понимании является воплощением именно что принципа экстернализации, чёткого отделения колоний от метрополии, вассалов от сюзеренов, «мы что-то одно, а вы что-то другое», цивилизованное «ядро» и дикие «пограничные территории». В случае же США мы имеем дело с *изначальным отсутствием границ*, отсутствием заграничной территории. Понимание взаимодействия с остальным миром здесь определяется метафорой «дом и задворки», backyard. Желательно находящиеся в едином владении, живущие по единым нормам, просто *по-разному ухоженные и взлелеянные*. С кривой усмешкой дополню, что «фронтиром» здесь становится именно «метрополия»: «фронтиром» в цивилизационном смысле, в смысле соприкосновения с новым — наука, технология, мода... а остальным уж извините. Подождите, пока домовладелец откушать изволят, потом они поделятся.

А то многие граждане шьют штатовцам имперские устремления и путают изведение пасюков в старом сарае с Пуническими войнами. Смешно.

Примечание: это Империя может быть не только в средневековом понимании, см. «К вопросу о Империи»⁹⁹.

Соответственно, утилизация проблемы в «западной» этике происходит через *освоение* фактора, её создающего; освоение, как правило, выраженное в «освобождении» этого фактора, его внутреннем деструктурировании. Скажем, «чтобы извести террористов, надо установить в их странах такую же демократию, как в США» — это именно «западная» этика, в рамках которой *чужая анархия всегда лучше чужой диктатуры*. Навар с такого решения проблем как правило получается в рамках «честной сделки», лишь одна из сторон которой определяет относительную ценность обмениваемого и одновременно гарантирует процедуру обмена. Сами понимаете, тут обогатиться можно несказанно и без какой-либо угрозы для совести.

«Северная» этическая система.

Императив: «другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним».

Редуцированная форма (полюдьё): «другие не должны делать того, чего не делаю я».

Что тут можно сказать... если «восточной» этике соответствует отношение к проблеме «это ваше дело» (и в смысле «ваших рук дело»), «западной» — «это наше дело», то «северной» — «это не ваше дело». Может быть (не обязательно), и «не наше» тоже, но любому «не ваше».

То бишь этически правильная «северная» реакция на проблему (опять же, включающая в себя граничными решениями как уничтожение, так и бегство) представляет собой *изоляция порождающего фактора*, упразднение условий его воспроизводства, лишение корма и порчу кайфа. И важнейшим отличием «северной» утилизации проблемы от «восточной» и «западной» является, то, что *навар от утилизации обеспечивает не сам проблемный фактор, а побочные следствия способа его изоляции*.

Пример. На дороге между двумя городами сели разбойники. Ну, понятно, кошелёк или жизнь, плата за проезд и т.п. «Южное» решение — прийти и убить их всех либо же прекратить сообщение между городами. «Восточное» — разбойников переловить, пороть, клеймить и посадить с семьями на землю, чтобы платили подати. А заодно поставить поблизости крепостцу с прилегающим к ней второразрядным сеньором, дабы не безобразили. «Западное» — признать разбойников гражданами и предложить им контракты на охрану грузов, включить их в систему экономических отношений, навязав роль наёмников. Кстати, можно отправить и на текущую войну за те же деньги. «Северное» — разработать, наконец, способ доставки товаров из города в город морем, который ещё и товарооборот увеличит раз в пять. Если разбойники при этом передохнут с голоду — их дело. Другое «северное» решение — использовать этих разбойников как тренажёр для испытания новых военных техник. И так далее.

Ну это всё я ещё продолжу обдумывать.

⁹⁹ <http://warrax.net/88/imperia.html>

4. О доминировании

Не знал, о чём писать раньше — о приложении формальной этики к вопросу национальному или экономическому. И то, и другое требовало объяснений из другой темы, получалась рекурсия. Однако я попробовал выделить общее для этих аспектов — вопрос доминирования. В конце концов, неважно, получается ли оно по экономическим причинам или по форме носа, сценарии-то схожи с поправкой на аспект.

Вот, выдумал. И буду думать дальше, ибо любопытные реалии проглядывают для «севера». Очень странные. А про национальный вопрос и отдельно про экономику ещё будет. Если окончательно не свихнусь до того времени.

Введение

Сначала для данного текста определю понятие доминирования, чтобы с БРДМ РСМД БДСМ не путали.

Доминирование есть такое отношение между двумя субъектами, при котором доминируемый субъект в общем случае расходует часть своей энергии на пользу доминирующему субъекту по прямому приказу последнего или будучи им манипулируем. Это банальность. Отмечу, что доминирование отличается от паразитизма именно наличием влияния доминирующего на доминируемого. Паразит просто использует ситуацию и бесхитростно жрёт. Доминирующий нужную ситуацию создаёт.

Понятно, что отношения доминирования в жизнеспособном человеческом сообществе неизбежны. Польза самих этих отношений заключается в их вкладе в упорядочивание сообщества, в работоспособность «правил игры», а расплатой за это становится несколько меньшая суммарная привлекательность работоспособных правил. Понятно и то, что по превышении некоего количественного и/или качественного «порога полезности» отношения доминирования начинают общество разрушать — людям становится выгоднее покинуть данное сообщество или преобразовать его, нежели «продолжать терпеть».

Рискну утверждать: *наивысший КПД «присвоения энергии» при доминировании — а значит, и наибольшая высота «порога полезности» этих отношений — достигаются тогда, когда доминирующий и доминируемый придерживаются одной и той же этической системы.*

Если эти системы разные, запросы доминирующего и отклик доминируемого не совпадают, происходит бессмысленный расход «энергии», потраченной доминируемым, но не усвоенной доминирующим; не пошедшей на укрепление социальных связей, а напротив, способствующей их разрушению. Не забываем, речь идёт именно о сознательных действиях, об исполнении обязанностей, о желаниях, отлитых в законы и приказы. Получается, что условные «верхи» воспринимаются «низами» как предельно зажавшиеся и ради своих непристойных потребностей требующие невозможного напряжения «низов». И напротив, условные «низы» воспринимаются «верхами» как ленивая скотина, которая только делает вид, что работает на «верхи», а на самом деле

неспособна удовлетворить простейшие потребности «верхов». При этом «низы» действительно пашут и готовы пахать, а «верхи» хотят и могут распоряжаться результатами этой работы. Проблема в том, что и работа, и результаты понимаются и оцениваются совершенно по-разному. В качестве примера можно вспомнить поздний СССР, когда «номенклатура» осознала себя нищей, «рабочий класс» имел по этому поводу совершенно другое мнение, и видимыми признаками попусту растроченной энергии служили «долгострой», инженеры, уходившие в рабочие и т.п.

Ниже я рассмотрю разные «сюжеты доминирования» для четырёх этических систем.

«Юг». Не бойся

Формула этической системы: «я должен относиться к другим так же, как другие относятся ко мне».

Как было показано в тексте о власти, доминирующий в рамках «южной этической системы» есть Рабовладелец. Присвоение чужой энергии происходит самым прямым образом — *раб делает что-то вместо хозяина*, при этом речь вообще не идёт о вознаграждении как таковом, раба просто поддерживают в работоспособном состоянии. И то не всегда.

Ярким примером такой ситуации является наблюдаемое иногда положение в армии, когда несколько кавказцев «равняют» в разы превосходящее их количество русских в воинском подразделении. Социальная динамика здесь весьма прозрачна.

Один условный «южанин» в компании «не-южан» может претендовать либо на позицию «ведущего», задающего образцы поведения («делай, как я»), либо на позицию «ведомого», то есть копировать поведение других. Ни в том, ни в другом случае он опасности не представляет, зачастую полезен и, будучи оторван от своих, скорее всего не питает каких-то негативных чувств к окружающим.

Ситуация резко меняется, когда «южан» становится несколько, и они *образуют самодостаточное «южное» сообщество в рамках большего по численности «не-южного»*. Естественно, внешнее «не-южное» сообщество «южным» коллективом сразу начинает восприниматься, как «плохое»: они, «не-южане», другие, они — по правилу Первой этической — в принципе аморальны, их можно и нужно использовать на благо «южного» сообщества. То же правило Первой этической определяет спайку «южного» сообщества, основанную на подражании, и как правило следующие отсюда расклады типа «их двое, а мы одни» в противостоянии «южанам».

С точки зрения «северной этики» правильным ответом сообщества на попытки «южного» доминирования в нём являются

- нейтрализация лидеров «южан», тех, кто задают остальным «южанам» образцы поведения,
- недопущение образования самодостаточных «южных» сообществ внутри «северных» и/или принудительная диссоциация уже образовавшихся.

«Восток2. Не верь

Формула этической системы: «я не должен относиться к другим так, как другие не относятся ко мне».

«Восточное» доминирование рабства так же не исключает (одна из формул власти «я приказываю тебе делать то, чего никто не делает» идентична для «южной» и «восточной» этических систем), однако «восточное» доминирование, как правило, выражается не через прямое навязывание «сделай это для меня», а через ограничение невыгодной доминирующему деятельности доминируемого, через *запрет человеку работать на себя*. В этом смысле доминирующий в рамках «восточной этической системы» есть Приказчик, делопроизводитель от имени и по поручению (от имени и по поручению божества в том числе).

Сюжетом достижения такого состояния является *саботаж*. «Восточное сообщество» или даже «восточный индивид», по каким-либо причинам нацеленные на доминирование в «не-восточном сообществе», действуют так, чтобы сделать невозможной не устраивающую их деятельность доминируемых. Это может быть пассивное невыполнение приказов\прошений, засовывание бумаг под сукно, это может быть «имбурде»¹⁰⁰ с намеренным растраниванием ресурсов, выделенных на неправильное, по мнению «восточного человека», дело. Вообще, идеальной стартовой площадкой для организации «восточного» доминирования является полный коллапс в той области, где доминирование предполагается — тогда оно какое-то время даже будет чем-то прогрессивным.

Правильная «северная» тактика недопущения «восточного» доминирования и борьбы с ним основана на следующей идее.

У доминируемого *всегда должен быть способ осуществлять свою деятельность* —

- а) *с опорой* на доминирующего, или
- б) *в обход* такового, или
- в) *вопреки* таковому, если он саботирует.

«С опорой» — понятно, это когда «всё работает, как надо». Однако условия «б» и «в» диктуют *снятие монополии на юрисдикцию*, включая *отрицание принципа «рациональной» организации власти*, когда «каждый занимается своим делом». Одними и теми же делами могут и должны заниматься самые разные конторы. Прирабатывать, ага. Если сосед груши околачивает, вместо того, чтобы дело делать, так мы сливки снимем. Из этого, в свою очередь, следует *сдельная оплата работы власти с отдельными гражданами*. Другим следствием снятия монополии на юрисдикцию станет запрос на высококомпетентных «чиновников-универсалов», которые *нанимаются* соответствующими конторами, а не выращиваются в их иерархиях. Такое окажет очень сильное влияние на законотворческую деятельность и «вопросы федерального устройства», но это уже оффтопик здесь.

Отмечу, что это не есть средство достижения какого-то предначертанного блага, но именно средство избежать саботажа и доминирования Приказчиков. В отсутствие такого

¹⁰⁰ Имитируем БУРНую ДЕятельность на работе.

саботажа (и потребности в его преодолении) государственная система и в режиме монополии на юрисдикцию, и без такового будет функционировать весьма схоже.

Другой стороной той же «северной» тактики является то, что интеллигентный человек назвал бы «поощрением доношительства». «Северное» противодействие «восточному» доминированию подразумевает *постоянное информирование общества и власти о бездействии управленцев*, причём не через клапаны централизованных СМИ, а на основе личной инициативы. Это подразумевает концепцию «свободы слова», несколько отличную от действующей.

«Запад». Не проси

Формула этической системы: «другие должны относиться ко мне так, как я отношусь к ним».

Тут-то даже рассказывать неохота — и так всё перед глазами. Доминирующий в рамках «западной этической системы» называется Кредитор. Человек, который сделал вам добро (или вы думаете, будто он сделал вам добро), и теперь будьте любезны спину-то погнуть, чтобы вернуть ему это добро. С процентами. Прогресс сравнительно с «южной» и «восточной» этическими системами велик и несомненен, и в первую голову определяется тем, что «съём энергии» с доминируемого осуществляется не через вмешательство в его деятельность (прямо, как на «юге», или косвенно, как на «востоке»), а через *контроль за его временем* (которое деньги). Мол, делай всё, что хочешь, ты же свободный человек — я тебе пару вакансий могу подсказать, у меня тут вон надо нужник вычерпать... Не неволю. Только проценты за этот месяц чтоб были у меня на столе через неделю, ты по'ал?

Сюжет достижения «западного» доминирования: читаем или смотрим «Республику ШКИД», был там такой «эффективный менеджер» по фамилии Слоёнов. Отмечу, впрочем, что всё было если и без песен, то вполне *добровольно*.

«Северное» противодействие «западному» доминированию основано на *отказе от совершения предлагаемой\навязываемой сделки и непризнании за собой моральных обязательств за какие бы то ни было «подарки»*. Необходимым минимумом для обеспечения такого положения являются *гарантия некоторого уровня жизни без необходимости какого бы то ни было кредита плюс институционализация реестра «несгораемой» собственности, которая не может быть отобрана в погашение кредита ни при каких обстоятельствах*. Другие меры относятся к *маргинализации манипулятивной составляющей деловой информации* — замена сисек™ в рекламных роликах ТТХ товара и т. п., но такое какими-то законодательными актами не введёшь.

«Север». Один на льдине

Формула этической системы: «другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним».

Из вышесказанного понятно, что адекватным для России я полагал бы именно «доминирование по-северному». Чтобы верхи могли, а низы при этом хотели. Попробую понять, что это такое, и с чем его.

Во-первых, это опять-таки *контроль не за деятельностью доминируемого, а за его временем*, которое на эту деятельность отводится.

Во-вторых, ограничивающим условием становится не причинение блага доминирующему доминируемым, а отвращение зла или, если уж точно, *повышение защищённости доминирующего*.

В-третьих, «*съём энергии*» и тут происходит через некий её обезличенный эквивалент, но... как бы это сказать... это не совсем деньги, это какие-то неправильные деньги. Это *деньги, на которые не покупают, но которыми откупаются*. Какая-то «окончательная бумажка, фактическая, броня», но не штучная, не уникальным произволением аппаратчика, а как *legal tender*. Ой, мля... ой. Малиновые штаны. И эцилоп, оттого не имеющий права бить по ночам.

То есть в «северном» обществе деньги — то, что называется там «деньгами» — своей основной функцией будут иметь функцию страховую, *покупку иммунитета*, а уж товарообмен будет вроде как приложением? Выглядит крайне непривычно, но по логике получается так... Но тогда это влечёт за собой совершенный пересмотр концепции «равенства перед законом», «прав гражданина», да и сами социальные реалии подлежат классификации по *количеству усилий*, затрачиваемых на их поддержание и подлежащих возмещению со стороны граждан... тогда получается, что и налоги как институт уходят, а речь идёт об *абонентской плате* такими «деньгами» конкретной фирме за поддержание порядка на территории или в сообществе — не за разруливание проблем (там сдельно, как я и написал выше), а за предотвращение таковых. Нет, это отдельная большая тема, и если её продолжать, то в отдельном посте, когда я хоть немного разберусь в том, что нагородил в этой главке. Хорошо бы ещё почитать кого-нибудь умного, кто до этого додумался раньше меня.

Пока же отмечу, что олицетворять «северное» доминирование будет Параноик, нынче стяжающий с людей кц, чтобы завтра не пришёл эцилоп и не дал по уху. При этом способы стяжания тоже будут не кредитом, а *спекулятивным откупом от неприятностей*, которые Параноик своей деятельностью (якобы) отгоняет от доминируемых.

Соответственно, противостояние «северному доминированию» сводится к позиции «один на льдине» — «со своими неприятностями я разбираюсь сам».

5. 0 «северной» демократии

Думаю, время от времени здесь будут появляться статьи под тегом «дивный новый мир», связанные с моим пониманием общества, построенного на «северной» этике. На истину в последней или ещё какой инстанции не претендую, сплошная игра ума, но:

а) это общество, в котором я хотел бы жить,

и

б) я полагаю, что Россия может таким обществом стать.

Сегодня — о механизмах смены власти в таком обществе. С отрицательными примерами из российской политики последнего исторического периода. И с выводом о том, что «кремлядь» и «несогласные» — две стороны *светлого* «северного» будущего.

Только они об этом ещё не знают.

Напоминание

«Северная», она же «четвёртая» этическая система основана на правиле: «другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним». Производным высказыванием можно считать высказывание: «другие не должны делать мне того, что я ненавижу». *Драйв «северной» этической системы — активное противостояние человека тому, что лично он считает злом; награда этичному поведению — отсутствие ненависти.* Человек поступает неэтично, если позволяет сделать с собой такое, за что он испытывает ненависть к сделавшим.

Редуцированное по избирательности этическое правило Севера порождает нормы поведения (полюдые) по правилу «никто не должен делать того, чего не делаю я». Для тех, кто «не узнал брата Колю»: «северное полюдые» определяет «совка вульгарис» как человеческий тип (уточняю: не «совка», а что-то типа полугопника, «не выделяться и не позволять другим — они что, самые умные, что ли?»). При этом «западное полюдые» («все должны делать то же, что и я») выглядит не лучше, в метрополиях плода «функционально грамотных» борцов за freedom на всём земном шаре; в туземном варианте получают «продвинутые менеджеры» с вытатуированным на заднице слоганом «каждый может и должен начать своё дело с двух тысяч рублей, лишь бы не мешали лузеры и государство».

Элементарные действия власти (понимаемой максимально широко) по ограничению «северного полюдые» могут быть выражены следующими формулами, образованными через инверсию составляющих формулы «северного полюдые»:

- «Я приказываю всем делать то, чего не делаешь ты»;
- «Я приказываю всем не делать иного, чем то, чего не делаешь ты»;
- «Я никому не приказываю не делать того, чего не делаешь ты».

Преимственность власти должна проходить согласно этическому правилу Севера: без этого деятельность власти по утверждению в обществе Северной этики как средства ограничения «северного полюдые», невозможна.

Политическая власть, или «Чтоб вы все сдохли» как двигатель прогресса.

Из предыдущей главки следует, что *политическая власть на «севере» существует постольку, поскольку её терпят.* Причиной смены власти является ненависть (обобщая — неприятие), которое она вызывает. Власть сносится, если она несправедлива. 1917-й и 1991-й стали иллюстрацией того, что власть при некоторых условиях в России просто исчезает, как чёрт при петушьем крике.

Именно такие настроения в очень примитивном виде (полюдые, чего уж там) обеспечивают известный успех методу «разговора с народом» под названием «валить всё на предшественника»: мол, не был бы виноват, не стал бы «предшественником», до сих пор бы сидел наверху вместо меня.

Система политических ритуалов, которая соответствует «северной власти», представляет собой *легальный процесс отзыва поддержки* — «негативную демократию». Далее для большей понятности я заменяю слова ряда «выбор» словами ряда «отзыв».

Пусть есть некоторая отзываемая управленческая позиция. *Имярек может занимать*

её сколько здоровья хватит при условии проведения периодических отзывов, то есть приходят отзыватели на отзывательные участки и кидают в урны «чёрные шары». Можно даже принять форму надписи на бюллетене «чтоб ты сдох!», для повышения явки отзывателей.

Здесь порекомендую свою работу «Демократия без прикрас»¹⁰¹, см. там главу про особенности советской демократии и заключение.

Эквивалентом таинства выбора из нескольких кандидатур станет, наоборот, посылка нескольких кандидатур по известному адресу. Разумеется, старые игры в «один человек — один голос за одного претендента» здесь не годятся, а, скажем, мнение отзывателя «вот этих двух во власть точно пускать нельзя, а вот эти три — почему бы и нет» вполне валидно. На эту систему, кстати, вполне удачно ложится идея постоянного счёта «чёрных меток» у действующего управленца и автоматического прекращения его полномочий по превышении некоторого числа этих меток. Со всеми техническими прибабасами: компьютеры, сети, капилляры-папилляры...

Собралась критическая масса отвергающих твои подвиги на nive руководства — передал дела заму, вышиб дверь и вышел вон.

Попробовал удержать власть «несмотря на» — подчинённые отказываются выполнять приказы, потому что ты уже никто автоматом. Очень неизящная, корявая, в режиме импровизации попытка осуществить такое была сделана Верховным Советом в 1993-м.

Сплотил подчинённых вокруг себя, подкупил или запугал — электорат саботирует твои распоряжения.

Фальсифицировал статистику отзыва — поддержание фальсификации со временем становится самодовлеющей задачей, ты вынужден будешь заниматься только ею, не будет смысла удерживать власть, не для чего: любая мелкая сволочь со своими интересами сможет тебя шантажировать обрушением твоей власти, а мелкой сволочи много, и интересы у неё обычно противоположные. Всё. *В государстве с «северным» полюдьем можно очень долго скрывать недостаточный уровень поддержки, но нельзя скрывать излишний уровень неприятия.*

Как зачаток именно этой системы (крайне примитивный и безыскусный: опять-таки, полюдьё-с) можно понимать знаменитые советские голосования «за нерушимый блок коммунистов и беспартийных», когда *действительным последствием процесса, способным вызвать хоть какие-то изменения, были именно голоса «против» и соответствующие надписи на бюллетенях.*

То же самое применимо к отзывам по партийным спискам. Однако здесь присутствует важное дополнительное условие.

Партий должно быть мало — так, чтобы средний отзыватель уверенно отличал одну от другой. По сути, это должны быть не партии, а идеологические блоки с запретом на дробление: принцип, если хотите, «партийного майората». Речь идёт о сносе открытой политической борьбы между двумя одинаковыми партиями внутри одной. В целях сбережения мозга отзывателя. Какой в итоге получится фронтлайн партийной идеологии,

¹⁰¹ <http://warrax.net/00/democracy.pdf>

и кто будет фронтмэнами — партия решает внутри себя так, как сочтёт нужным. Дробление партии, претензии новой политической сущности на отдельное место в бюллетене повинны решаться по суду с полагающейся философско-политической экспертизой: анализ партийных программ, заключение о сходстве идеологий. Возможно также насильственное слияние партий по решению суда на основе сходства их идеологий.

«Северная» политическая система заинтересована в отсутствии «политического сектантства» как явления, которое, кстати, провоцирует ненависть, не используемую прямо для тех или иных изменений во власти. Одно дело, когда философический спор ведут, например, коммунисты и либералы, *nothing personal*, и совсем другое, когда с мявом и визгом катается по ковру клубок из «истинно социал-консервативно-либеральных партий», и только клочья шерсти летят в лицо публике на тему, кто вождее и кого Сам целовал в пупок.

Обратной стороной такого положения дел станет **дозволенность любой идеологии**. Ни один политический «изм» в «северной» политической системе не может быть запрещён. Естественным следствием такой вседозволенности *станет снятие запрета на «говорение плохого» о кандидатах-соперниках*: более того, выволакивание на свет неприглядной правды о — повинно стать основным методом ведения любой избирательной кампании: вызвать неприятие оппонента населением (каков будет аналог понятия «электорат» в смысловом ряду «отзыва»?). Политика должна быть интересным делом, хм-хм...

Уточняю: *дозволенность любой идеологии здесь не означает охрану идеолога несмотря на идеологию. Т.е. запрета нет — но народ может осуществить отзыв и выстрелом из нагана в затылок.*

Возвращаясь к теме конкретной управленческой позиции, подвергаемой «западной» и «северной» демократиям, сравнительно. Рассмотрю гнуснопрославленные выборы 1996-го года, любопытные тем, что они были именно что свободны — в широком смысле этого слова: правила игры в большей степени определялись ресурсами соперников, чем предварительными договорённостями между ними.

Итак, соперничают два и только два идеологических блока — условно «советско-коммунистический» и «антисоветско-антикоммунистический». Все кандидаты действуют в этом и только в этом базисе, никаких отличных идеологий у них нет — лубочная мимикрия Лебеда рассмотрения не заслуживает (спецоперация, она и в Африке спецоперация — располагай коммунисты соответствующими ресурсами, замутили бы симметричный проект). Голосуют люди в массе своей — «против Ельцина» или «против коммунистов». Действительная пропаганда обеих сторон совершенно негативна и выдерживается в ключе «посмотрите, что *эти* сделали со страной» (ельцинская дорожке, а потому мощнее). Какие-то позитивные образы будущего на фоне этого были просто не заметны.

«Западные» советологи, политологи, кремленологи, охренологи могут написать ещё десятки томов по поводу, что и как объясняется на этих выборах — и пусть пишут: чем больше денег уйдёт им на гонорары, тем меньше останется на военные расходы США. С этической точки зрения ситуация 1996-го года может быть диагностирована точно:

осуществление «северной демократии» по правилам демократии «западной». Да, некрасиво и расточительно — как некрасивым и расточительным был бы матч по дзюдо между двумя футбольными командами.

Кривое и косое преемничество Ельцин-Путин тоже было проявлением «северной демократии» по букве «западных» правил: люди голосовали против Ельцина и против ельцинской эпохи, к которой, кстати, относились путинские оппоненты в 2000-м.

Я вам больше скажу: пресловутое «путинское большинство» вовсе не есть «большинство моральное», «основа нации» или ещё какая-нибудь ерунда. **«Путинское большинство» есть сумма людей, каждый из которых считает, что Путин за время своего правления не успел лично ему напакоить.** Вот и всё. И все проявления отношений «власть-общество» — законы, инициативы, пиар-ходы, проекты, общественные палаты, новостные репортажи — в XXI веке в РФ посвящены решению задачи сохранения «путинского большинства». Все без исключения.

Примечание: писалось это несколько лет назад, а сейчас, в 2015-м, рейтинг Путина внушает уважение западным политикам (боятся) и как следствие возвращения Крыма на Родину, и всё большей самостоятельности России как геополитического игрока — но это тоже воспринимается через 4-ю этическую систему: действия, направленные на обеспечение безопасности и превентивные меры по защите от всяких там желающих навредить и лишиться самостоятельности. Мы так не делаем — и по отношению к нам не должны.

Один из ходов оппозиции оказался адекватным до гениальности. Имеется в виду ввод в политический лексикон понятия «несогласных». Тех, кто готов кинуть «чёрную метку» нынешней власти. Это действительно нечто из будущего, опережение своего времени (потому так дико и смотрится). Хотя гениальность здесь же и закончилась, потому что всякая конструктивная программа за исключением **«сделать собственное несогласие фактором реальной политики»** «несогласным» противопоказана в принципе. Требования «западных» плюшек, выдвижения каких-то кандидатов — это уже растрата прекрасной идеи. Ну, если очень повезёт, то получите вы ваш оранжад, а дальше? — та же фигня, что уже была в 90-х, потому что *ничего другого из «северной» игры по «западным» правилам не получится.*

Идея у оппозиции проклянуться смогла потому, что она, оппозиция, менее связана правилами игры внутри себя, чем власть. А власть, как баран на мосту, упёрлась в «проблему преемника», имеющей ту же самую причину — *несоответствие «северного» полюдя «западным» правилам игры,* по которым Конституция написана. И предложения, типа снятия писаных ограничений по длительности пребывания Самого на посту, выглядят по «западным» правилам brutальным шулерством, хотя по правилам «северным» они вполне разумны и естественны — но *только в сочетании с идеями «несогласных»* о праве людей послать власть куда подальше в любой удобный людям момент. Эти идеи теоретически дополняют друг друга, вместе образуя фундамент «северной» политической системы. Насчёт же практики...

Во власти сидят и думают, как передать «путинское большинство» с рук на руки и не

рассыпать. Ребята, это бесполезно. В стране с «северным» полюдьем такое большинство может только уменьшаться со временем, а в случае идеальной власти, которой не бывает и которой вы сами ни в коем случае не являетесь — оставаться на прежнем уровне.

Оппозиция тоже после того проблеска гениальности не радуется. «Валить власть» в настоящее время можно одним-единственным способом: объяснять людям-человекам, как конкретно вон тот товарищ в кимоно лично тебе влез в карман, плюнул в душу, а потом ещё сделал такое, о чём приличные люди в обществе не говорят, опасаясь обвинений в экстремизме. А все марши и фарши — это такой способ побить себя пяткой в грудь: душеполезно, но к решению поставленной задачи не ведёт.

Опять же, сейчас оппозиция и Запад вроде бы так действуют — «во всём Путин виноват!» — однако требуются не только вопли, но и факты, а, главное — тот, кто лучше справится с теми же делами. Поскольку кандидата нет даже в теории — то Путин вызывает заведомо меньше недовольства, чем те, кто хотели бы оказаться в президентском кресле.

6. Этика. Война. Примечания и дополнения

Нынешнюю болтовню мне хотелось бы выдать как список примечаний и уточнений по теме. Дело в том, что, просматривая кое-какой фидбэк на мои несравненные озарения, я понял: некие важные вещи, проходящие у меня под рубрикой «само собой разумеется», под той же рубрикой у читателей не состоят. Они оказываются неочевидны. Что, естественно, идёт мне в минус. Должен был об этом подумать.

Итак.

Примечание первое

Война как искусство, как образ действий (warfare) в принципе внеэтична. На каждом отдельно взятом уровне абстрагирования (тактика, оперативное искусство, стратегия) при взаимодействии с противником действует так называемая нулевая этика, с императивом: «как другие ведут себя по отношению ко мне, пусть так и дальше продолжают. Как я веду себя по отношению к другим, так и дальше буду». Если условие господства нулевой этики нарушается на любом из перечисленных уровней абстрагирования, это уже не война. Полицейская операция, рыцарский турнир... но не война. А собственно наши действия по отношению к противнику (или действия противника по отношению к нам) определяются вопросами военного искусства на данном уровне абстрагирования, а именно задачей нахождения оптимума составного критерия, где частными критериями являются способность противника к продолжению военных действий и наша способность к тому же самому.

Действующая в обществе одной из воюющих сторон этическая система сказывается

1. при взаимодействии с противниками или союзниками — на уровне абстрагирования «большая стратегия», который само состояние мира/войны включает в себя как частный вопрос;
2. при внутриармейском взаимодействии на одном и том же уровне командования;
3. при внутриармейском взаимодействии между разными уровнями командования.

Дополнения к списку.

а. На уровне «большой стратегии», осознаваемом Верховным командованием, собственный тыл без ограничения общности может рассматриваться как один из союзников или противников.

б. Искусство общевойсковой операции неявно включает в себя этические вопросы при организации взаимодействия между различными родами войск и различными подразделениями/соединениями при формально одинаковом звании командиров.

в. При внутриармейском взаимодействии между разными уровнями командования появляется вопрос трансляции действующих на уровне «большой стратегии» этических императивов «вниз» — и влияния таковых как на действующую там «нулевую этику» по отношению к противнику, так и на остаточные представления субъектов низшего уровня о не-нулевой этике «мирного времени».

И ещё к пункту «в». Проще говоря, в общем случае начальство *должно* объяснить подчинённому, почему приказ, неочевидно оптимальный, оптимальным всё же является («почему надо удержать эту высоту» или «почему надо зачистить этот населённый пункт»). Почему он такой хороший.

Разумеется, выработаны и усиленно практикуются минимум два способа обойти это объяснение — во-первых, это армейская система безусловного подчинения и осознания самоценности приказа («потому что я так сказал»); во-вторых, это идеологическое кондиционирование, когда все, от рядового до генерала, знают, «почему и за что мы сражаемся». Оба этих способа отнюдь не являются обязательными, однако на данный момент и в обозримом будущем они, по моему мнению, сводят и продолжают сводить этическую компоненту во взаимодействии субъектов на разных уровнях иерархии, ведущей войну, к минимуму.

Примечание второе

Этически правильное или неправильное поведение вполне может оказаться технически невозможным.

В «южной» и «восточной» этических системах, с императивами «я (не) должен...», это сказывается в том, что *оценка субъектом своего соответствия господствующей в обществе этической системе* («хороший я член общества или плохой») *базируется не на том, что он может сделать, а на том, что он считал бы правильным сделать.*

Однако в «западной» и «северной» этической системах с их императивами «другие (не) должны...» такой способ оценки не считается корректным, потому что он не может быть применён иначе, чем будучи основан на *вере* в то, что «другие» действительно (не) могут вести себя так, как это необходимо субъекту, чтобы быть 2хорошим человеком».

В «западной» этической системе это часто ведёт к тому, что «другим» *помогают*. Пусть у нас есть «западный» «субъект» и кто-то «другой». «Западный» субъект относится к «другому» *так*, а «другой» к нему — *иначе*. С точки зрения «западной» этической системы, здесь сам субъект — «плохой», ведь он не сумел обеспечить выполнение «западного» этического императива. И тогда «западный» субъект выясняет: «другой» ведёт себя *иначе*

потому, что он *не хочет* вести себя *так* или *не может*? Если побеждает точка зрения «не может», «другому» помогают, *предоставляя ему техническую возможность* вести себя *так*. Очень важно, что эта помощь этична в «западном» смысле, более того — в ней это высокий, очень правильный поступок.

Это поведение сказывается и в закармливании мигрантов, и в экспорте «демократии». И первое, и второе есть помощь «другому», чтобы тот относился к «западному» «субъекту» (местному населению или западным странам) так же, как те относятся к нему. То, что при этом «другой» становится второсортной копией «запада», есть мелочь по сравнению с этическим выигрышем самого «запада».

Если же выясняется, что не в коня корм, и «другой» не хочет вести себя *так*, чтобы «субъект» был «хорошим»... собственно, вопрос «другие не хотят или не могут относиться к нам так же, как мы к ним?» является центральным в окучивании «западного» населения на определённые темы. Даже если этот вопрос звучит как «за что они нас ненавидят?».

На уровне «большой стратегии» эти соображения заставляют условный «запад» рассматривать войну как *обратную сторону помощи, операцию по нейтрализации того, что мешает* «другому» вести себя так, чтобы «западный» субъект считал себя хорошим. То есть для «запада» этически приемлемыми могут быть операции против самих основ существования общества «других», если эти основы будут признаны чем-то мешающим «другим» принять нужное «западу» поведение: систематическое уничтожение инфраструктуры, психологическая война и т.п. — и следующие отсюда стратегические решения и организация вооружённых сил. Это не было обвинением, ибо для «западной» этической системы такое действительно хорошо, и вполне приличные, хорошие «западные» люди таких обвинений искренне не поймут, в лучшем случае признавая *излишнее* применение силы, а не *неправильное*.

В «северной» этической системе речь идёт о превентивном лишении «другого» желания или возможности сделать («северному») субъекту нечто, чего субъект другому не делает. Далее очень важное: ***лишение «другого» желания напакостить субъекту и лишение «другого» возможности напакостить «субъекту» в «северной этике» равноценны***. При прочих равных обе последовательности действий этичны, ибо ведут к желаемому результату.

Именно поэтому я говорил и говорю о том, что «северная» армия — это РВСН плюс спецназ. РВСН лишает потенциального противника *желания* воевать: mutual assured destruction и всё такое. А спецназ лишает противника *возможности* запустить свою военную машину в час «зю» — командные пункты разрушены, волоконные кабели перекушены и всё не менее такое же. Впрочем, здесь надо отметить, что «северная этика» требует постоянных активных мероприятий на территории потенциального противника — конечно, в мирное время до спецназа и поездов под откос доходить не должно, но тесная работа с истеблишментом, покупка политиков, проводимое «не по правилам» блокирование опасных инициатив, которые могли бы привести к войне — обязательны.

Примечание третье

Все этические формулы включают в себя временной лаг, и об этом надо помнить. Здесь изначально действует картезианская, а не ньютоновская парадигма. Всегда есть прежнее действие, определяющее действие нынешнее — или нынешнее действие, определяющее действие будущее. Очень интересен вопрос об изменении величины этого лага с техническим прогрессом. Но это оффтопик. Далее для интуитивного понимания я буду употреблять слова «вчера-сегодня-завтра».

Понятно, что с учётом временного лага каждая этическая формула распадается на две. Например, формула «южной» этической системы «я должен относиться к другим так, как другие относятся ко мне» порождает высказывания «сегодня я должен сделать другим то, что они сделали мне вчера» и «завтра я буду должен сделать другим то, что они сделали мне сегодня».

Здесь опять-таки очень любопытно сравнение «запада» и «севера». Временные формулы «запада» будут звучать как «сегодня другие должны сделать мне то, что я им сделал вчера» и «завтра другие будут должны сделать мне то, что я им делаю сегодня». Именно эти формулы диктуют *самопозиционирование «западной» цивилизации как Благодетеля*, причём *единственного* Благодетеля, да ещё такого, *каждое* деяние которого есть Благо. В противном случае добиваться соблюдения высказанных временных формул практически невозможно — каждый раз придётся признавать чужое право причинить тебе вред.

Конечно, «остаются вопросы». Например, весь «западный» «антифашизм» есть попытка отчислить Гитлера от «Запада», ибо так получилось, что некоторые широко известные выходки Гитлера Благом признавать нельзя (о причинах этого «нельзя» — отдельный разговор). Более того, рискну утверждать, что «весь дискурс» на тему «Гитлер и Сталин — близнецы-братья, кто из них матери-истории ценен» изначально нужен не для того, чтобы побольше пнуть «красных» или «русских», — это так, бонус — а именно затем, чтобы связать Гитлера с совершенно не-«западными» практиками Сталина. Мол, всё, что «тирания» (понимаемая крайне широко) — это не «западная» цивилизация по определению. Даже если её устроили на территории «запада» «западные» люди с далеко не грузинскими фамилиями, учившиеся в «западных» школах.

В «северной этике» временные формулы выглядят как «сегодня другие не должны делать мне то, чего я не делал им вчера» и «завтра другие не должны делать мне то, чего я им не делаю сегодня». В виде мема эта позиция известна как *«а мог бы и полоснуть»*. Иными словами, «у меня была возможность полоснуть вас, но я этого не сделал — и вы не имеете права полоснуть меня». «Я могу полоснуть вас, но я этого не делаю — и у вас не будет такого права завтра».

Если кто не понял — эта формула освещает кажущееся противоречие советской «борьбы за мир». Идеологическая упаковка этого дела мне неинтересна, а вот само поведение здесь именно что сумма «я могу вас полоснуть + я этого не делаю». Парады, ракеты, впечатление невообразимой мощи, военное присутствие где ни попадя (при этом с минимумом «горячих» конфликтов) — и искренние уверения в том, что Советский Союз стремится к миру. Миру мир, ага. Конечно, это исходило от «северного полюдья», а не от

тех этических систем, которые должны были его ограничивать... тем не менее, «северный» способ сказать «я хороший» именно таков: «я не делаю (не делал) тебе неприятностей, которые вполне могу (мог бы) сделать».

Любопытно, как эта формула проявляется в «боях за историю» с лимитрофами. Можно достаточно уверенно говорить, что теория «советского блага» — «советская власть сделала вам много добра» — потерпела в них поражение. Причины указаны выше — теории «западного блага» противостоять невозможно в принципе, она системообразующая для целого «цивилизационного блока», а «советское благо» — это так, наспех состряпанное объяснение, привязанное к (уже? ещё?) плохо сформулированной идеологии, не обеспеченной никакими государственными ресурсами (идеология «советизма» даже в РФ явной поддержкой властей не пользуется). Совершенно разные весовые категории.

И вот — в «боях за историю» зазвучали уже правильные с точки зрения «северной этики» возражения: «с вами по-доброму обошлись, хотя можно было и не по-доброму, а как полагается»; с выходом на аргументы и «как» полагается (часто с примерами с того же самого Запада), и «почему» полагается (с разрушением картины невинных суверенных пусичек, избитых красными охальниками).

Такой подход теорию «западного блага» не кроет, но и она его не кроет, ибо *они равно самодостаточны. С этой позиции сбить невозможно*. В отличие от позиции «советского блага».

Здесь достаточно интересен вопрос, когда те или иные внутренние завихрения советской власти пытаются защитить с этой точки зрения. Тоже оффтопик, но отмечу, что пока такая защита (попытки я видел в ЖЖ) полна системных ошибок.

Примечание четвёртое

В этическом аспекте «большой стратегии» вполне может проявиться такое явление... назову его этическим гистерезисом.

Дело в том, что целью решений на уровне «большой стратегии» является отказ противника от начала/продолжения военных действий. В этическом аспекте это означает создание такой ситуации, что противник не может продолжать войну по этическим соображениям. Однако, если «мы» и «противник» принадлежим к разным этическим системами, «мы» в силу проекции вполне можем создать для «противника» условия, в которых «мы» сами прекратили бы воевать, а он на них забивает болт.

Пример: возня Запада с Ираком, когда нормальному такому «южному» диктатору (с мечтами о модернизации, конечно — что да, то да) устроили блокаду, которая в принципе предназначена для изменения режима, основанного на «западной этике». Билла или Джорджа такая блокада вынесла бы за полгода, а Саддам на эти усилия радостно плевал с высокой колокольни Аллах знает сколько лет.

Вот как-то так. Что потом вспомню как примечания по теме — ещё напишу. Кроме того, надо будет раскрыть здешние оффтопики.

7. Этико-футуристическое об армии

Нижеследующая игра ума неизвестно во что посвящена рассмотрению весьма отвлечённого вопроса: описания идеальной армии идеального же российского государства в обозримом будущем. За неимением идеального российского государства — а выражаясь злобно-иронически, за неимением любого российского государства как такового (по моему мнению, государство «не для русских» российским считаться не может) — настоящее рассмотрение практической ценностью не обладает. Кроме того, проблемам перехода от нынешнего состояния раздербаненной до последней степени Советской армии к состоянию описываемому — чего уж там, восхваляемому — внимания не уделяет. Идеализм чистой воды плюс наплеватьство на традиции и здравый смысл.

Для написания настоящего трактата я в очередной раз обратился к рассмотрению проблемы через призму всё той же работы «Поведение», по рельсам которой высказывался здесь же относительно различных военных парадигм. Предчувствую, что может прилететь немало нехорошего: и со стороны людей, несравнимо более компетентных в военных вопросах, нежели я — за извращённо-дилетантский взгляд на родные их сердцам вещи; и со стороны людей, не согласных с тем, как указанная работа применена к вопросу, а равно и с вульгаризацией оной работы вообще. Осознаю и каюсь заранее, для экономии траффика. Можете считать эту работу развлечением ради развлечения, раздуванием углей под жертвенным алтарём хандры, на который возложен пуд галлюциногенов в подарочной упаковке. Дышите глубже, наслаждайтесь. Трактат дли-и-инный.

Введение

Остановлюсь на некоторых моментах, обдуманых мною со времён текста о различных военных парадигмах.

Во-первых, как мне было указано и, кажется, неоднократно: представлять всё общество целиком как последователей некоторой этической системы есть приближение по меньшей мере смелое. Хорошо. Принимаю, что в обществе некоторым образом сосуществуют все четыре этические системы и соответствующие им полюдья — просто проявляются они в разной степени, и в разное время один и тот же индивид вполне может быть носителем разных этических систем. Например, вполне можно считать, что социализации молодых поколений как правило может быть сопоставлена этическая эволюция, начиная со школьных стоек с вполне себе «южным» полюдьем «как все, так и я».

Помимо прочего, это означает, что *в одной и той же стране вполне могут — более того, для достижения наивысшей эффективности, должны — сосуществовать структуры, относящиеся формально, например, к одной и той же «армии», но организованные в разных этических системах.*

Во-вторых, само понятие «армии» нуждается в расширительном толковании — хотя бы и с тем, чтобы «закрыть» одним словом дружину Рюрика, наёмников Валленштейна и трудармии Троцкого. Далее мною *армия понимается как часть общества, ситуационно специализированная для ведения войны (ожидаемо), а вот войну можно рассматривать,*

как упорядоченную деятельность общества по устранению причин массовой несвоевременной смерти членов этого общества. Как видите, и «война с разрухой», и «война с терроризмом» и даже «война с птичьим гриппом» укладываются в это определение.

В-третьих, *любая сколько-нибудь многочисленная армия, ведущая войну в условиях различия свойств «полей боя», будет организована иерархически.* Как правило, уровни этой организации соответствуют уровням абстрагирования при решении поставленной задачи. Уровни абстрагирования в собственно военном искусстве известны мне как тактика, оперативное искусство и стратегия. Однако существуют ещё два уровня абстрагирования, которые полностью к военному искусству не принадлежат. «Личный уровень», то есть взаимодействие отдельно взятого бойца со «своими» и «чужими» — бой, но *ещё не война*; и уровень «большой стратегии», где война является лишь одним из инструментов «делания политики» — конфликт, но *уже не война*.

Этика как таковая влияет на ведение войны именно на этих двух уровнях. На уровнях промежуточных, от тактики до стратегии, не бывает решений, подлежащих самостоятельной этической оценке; не бывает этических и неэтических поступков. На этих уровнях различные армии не могут быть сравнимы между собой по любому критерию, «завязанному» на этику.

Тем не менее, решения, принимаемые на «личном уровне» и на уровне «большой стратегии», в том числе и под влиянием той или иной этической системы, определяют тактические и стратегические решения. Более точно можно сказать, что «личный уровень» определяет *этические ограничения* по ведению войны, а уровень «большой стратегии» определяет *этичные варианты* ведения войны. Здесь ничего нового не сказано: точно так же физические ограничения отдельных бойцов определяют, что составленное из этих бойцов подразделение *может* сделать на поле боя, а план операции, спущенный «сверху», определяет, что это подразделение на поле боя сделать *должно*.

Основная часть. Далее четырёхкратно: после очерка моих представлений об идеальной армии, построенном на одном из правил этики, попробую рассмотреть роль такой армии в будущем — но от того не менее идеальном — российском государстве.

Армия Юга

Этическая система: «Я должен относиться к другим так, как они относятся ко мне».

Полюдь: «Я должен делать то же, что и все».

Грубо говоря, это вооружённая *толпа*, составленная из отдельных *банд*, и вопрос её боеспособности определяется только наличием людей, способных и имеющих право задать остальным нужное поведение. И персы, и спартанцы из кинокомикса «300» представляют собой именно такие армии; по крайней мере там, где речь идёт о строевом бое. Просто у спартанцев по жизни были лучшие сержанты.

Боеспособность «южной армии» зависит от численного соотношения людей-«образцов поведения» и всех остальных, взятого с учётом скорости и пропускной

способности каналов связи, по которым информация о нужном поведении распространяется.

Если это соотношение недостаточно, армия перестаёт быть как целое, вырождаясь в сумму партизанских банд, где главарь («образец поведения») может влиять на боеспособность остальных в пределах его прямого контроля (связь). Все, кто в эти банды по каким-либо причинам не вошли, угрозы противнику не представляют, прекращая военные действия при первой возможности. Именно поэтому «иракской армии» уже нет, а «чеченской армии» никогда не будет.

С учётом современного уровня развития техники, можно сказать, что «армия Юга», как единственный и основополагающий принцип организации вооружённых сил государства, отжила своё. Однако это относится именно к *вооружённым* силам. Военизированные структуры, не встречающиеся с врагом на конвенционном поле боя, вполне могут, а часто и должны быть организованы именно по этому принципу.

Причина такого утверждения в следующем. *Особенностью «армии Юга» является способность приводить человеческий материал, её составляющий, к некоторому уровню цивилизованности, характерному для данной армии* (напоминаю, что цивилизованность сообщества есть способность сообщества к упорядоченным, сложным и разнообразным действиям, а цивилизованность человека есть способность существовать в таком сообществе и поддерживать его). Из этого следует, что «армия Юга» может решить задачу цивилизации малоцивилизованных людей, а равно задачу научения их привычке повышать свой уровень цивилизованности. «Не можешь — поможем, не знаешь — научим, не хочешь — заставим».

Род войск, который лучше всего воплощает «армия Юга» — она самая, «царица полей, но не кукуруза». При этом, конечно, под желательным воплощением в смысле организации таковой понимаются современные мотострелки, а не персидская орда в Фермопилах и не махновцы с ушкуйниками.

«Армия Юга» в будущей России может быть проявлена в следующих ипостасях.

1. Трудовая армия — ресурс рабочей силы для решения системных экономических проблем России, например, приведения в порядок «инфраструктуры».
2. Аналог «Гитлерюгенда» — военизированная молодёжная организация, имеющая целью задание высокого качества человеческого материала смолоду.
3. Как и было сказано, собственно армия со смешанным принципом комплектования, куда в обязательном порядке призывался бы на довоспитание низкокачественный человеческий материал.

Обязательным требованием к такого рода проектам станет *учёт соответствия цивилизованности рекрута и уровня цивилизованности, задаваемого спецификой подразделения*, куда рекрут зачислен. Качество человеческого материала в «армии Юга» должно улучшаться, а не наоборот. Отсюда следуют:

1. наличие системы мониторинга уровня цивилизованности, начиная с начальных классов школы: кондуит, база данных школьного психолога — называйте, как хотите;

2. наличие в перечисленных организациях нужных «образцов поведения» в достаточном количестве — читай: развитой институт сержантов и прочих пионервожатых;
3. классификация подразделений в перечисленных организаций по уровню цивилизованности с учётом ротации личного состава - например, в применении к «трудовой армии» это означает, что её польза не сводится к копанью и закапыванию ям под трубы, речь идёт и о сложных специальностях;
4. практически индивидуальный подбор личного состава в подразделение.

Вот здесь организационно и политически вполне можно разодолжиться у пресловутой Федеральной Службы им. Роберта Энсона Хайнлайна. Такие институты могут быть использованы и как фильтр для миграции, и как аналог пионерской организации (минус идеологическое кондиционирование), и как дополнительные годы образования для двоечников с обязательной специализацией.

Подчеркну, что такого рода сопряжение армии и общества, когда армейские вопросы в принципе не могут решаться только в рамках армии, получается благодаря тому, что «южная этика» сильнее проявляется на низших уровнях абстрагирования в военном искусстве — а на «личном уровне» в действующей массовой армии «южную этику» и «южное полюдьё» можно считать определяющими. Напоминаю, что «личный уровень» как раз и относится *не только* к армии и войне, через него и происходит сопряжение армейских и общественных задач.

Забегая вперёд, отмечу, что «армия Востока» и «армия Запада» в достаточной степени обособлены от общества, а вот в «армии Севера» проблема сопряжения армии и общества возникает вновь, но уже на высшем уровне, уровне «большой стратегии».

Армия Востока

Этическая система: «Я не должен относиться к другим так, как они не относятся ко мне».

Полюдьё: «Я не должен делать того, чего никто не делает».

Как было определено в предыдущем тексте, «армия Востока» есть армия сословная, дружина — то есть армия:

1. наёмная;
2. как правило, вынужденная вести войну «по понятиям», то есть согласно признанных кодексов, конвенций, стратегических трактатов с ограничениями на ведение войны;
3. сражающаяся — прямо или опосредованно — за военную добычу;
4. обычно воюющая с подобной себе армией.

Боеспособность такой армии в большей степени определяется вооружением и квалификацией каждого отдельного бойца в ней, нежели взаимодействием между бойцами. На поле боя эта армия может разогнать «армию Юга», но может и огрести от неё же по первое число. Точно так же, как десяток рыцарей мог разогнать тысячу восставших крестьян с вилами, но тому же десятку в ста метрах от строя уэльских лучников — или даже плохо обученных городских сопляков с хорошими арбалетами — я бы не позавидовал.

Просто потому, что до стрелков их благородиям ещё надо было добраться.

Разумеется, развитие военных технологий вообще и конкуренция со стороны иных вооружённых сил в частности заставили развиваться в плане лучшего взаимодействия и наёмную, сословную армию именно как целое, как сообщество. Тем не менее, принцип «каждый сам за себя» никуда не делся: *наёмник продаёт собственную жизнь, потому он и способен чётко её оценить* в сравнении с иными предметами, до жизней своих боевых товарищей включительно. Это понимание может модерироваться и возвышаться идеологическими конструктами типа «рыцарской чести», но может и оставаться в первобытной неприкосновенности.

Именно умение каждого бойца просчитывать риски делает идеальную «армию Востока» высокоадаптивной боевой силой, очень хорошо умеющей решать боевые задачи в пределах возможного (как это возможное понимается бойцами). Однако при постановке такой армии невозможных задач она становится опаснее для нанимателя, чем для противника в силу тех же причин.

«Армия Востока» является практически идеальным средством ведения локальных конвенционных конфликтов, сильно зависимых от промежуточных целей «высокой политики». Прошу отметить, что это определение относится и к внутренним конфликтам очень малой интенсивности, вроде поддержания порядка в городе.

Какой-то отдельный род войск «армии Востока» сопоставить трудно, но понятно, что в большей степени ей будут соответствовать войска, где важно *мастерство*: мастерство ли разгона толпы, мастерство ли обращения с ЗРК.

В будущей России такая армия может быть воплощена через следующие мероприятия:

1. Законодательное разрешение наёмничества, и лесом идут эти международные конвенции: они были выгодны СССР как сверхдержаве, а к нынешней и будущей России это понятие ещё долго отношения не возымеет;
2. Создание большого количества вполне себе ОАО с преобладанием казённого капитала, осуществляющих найм и использование человеческого материала в целях, которые расписаны в статьях 2-й и 18-23-й вот этого закона. Да, замена ВВ на совокупность спонсируемых государством охранных предприятий, причём с правом заключения субконтрактов. При этом полностью частные ОП убрать со сцены, возможно, тоже законодательно.

Тут надо сделать примечание. Если помните, недавно шла тема «разрешить крупным российским корпорациям свои вооружённые структуры». По моему мнению, это вредительство и предательство. Правильным решением стало бы создать такого рода ОП и разрешить крупным корпорациям заключать с ними контракты, при этом организационно ОП оставались бы зависимыми именно от государства. Тот же подход может быть использован в выстраивании федеративных отношений «центр-регионы», когда местная власть *нанимает* у центра необходимые силы для поддержания себя, любимой. Или местной власти предлагают такие услуги, чтобы, бедненькая, не заботилась организовывать схожие структуры сама, требуя у центра амнистий и привилегий для своего малэнкого, но гордого человеческого материала.

3. Снятие явных ограничений для иностранных юрлиц на использование услуг таких ОП за пределами российской территории. А уж схемы оплаты простраивать в наше время умеют. Это к вопросу потери Россией баз за рубежом, вывода контингента из того же Приднестровья и т.п. Трубопроводы опять же нуждаются в охране, сами понимаете. Выражаясь в ещё более общих категориях, «армию Востока» можно использовать как средство вывода нестабильности за границы России — пусть «настоящие буйные» пользу приносят.

См. мою статью «Частные военные компании появятся в России»¹⁰² на тему.

Отношения «армии Востока» с «армией Юга» в границах одного государства достаточно очевидны: «армия Юга» поставляет «армии Востока» обученный персонал, плюс при серьёзных скачках рыночной конъюнктуры в «армии Юга» всегда найдутся сержантские вакансии. Тем не менее, «армия Юга» не является единственным источником человеческого материала для «армии Востока», в последнюю может записаться кто угодно; здесь определяющими являются отношения «спрос-предложение» и «цена-качество».

Интерлюдия. Система «армия Юга»+«армия Востока» в случае крупного вооружённого конфликта с участием России может быть развёрнута в составляющую нормальной индустриальной армии, где «армия Юга» предоставит достаточно качественный и многочисленный обученный личный состав, а «армия Востока» даст подготовленных и, возможно, обстрелянных военспецов. В сумме это вряд ли будут какие-то элитные, ударные части, но просто сухопутные войска, удовлетворительно решающие задачи контроля территории. Надо отметить, что *при правильно построенных организационных схемах можно будет поднимать армию сообразной угрозе численности и мощи, без упования только на наёмников или — другая крайность — тотальной мобилизации.* Как пример, некие смутные контуры такого развития событий, мхо, заметны в переходе «рейхсвер»-«вермахт». **Конец интерлюдии.**

Армия Запада

Этическая система: «Другие должны относиться ко мне так, как я отношусь к ним».

Полюдые: «Все должны делать то же, что и я».

Если «армию Юга» я обозначил одним словом как *толпу*, «армию Востока» как *дружину*, то «армия Запада» заслуживает наименования *миссии*. И в смысле миссии как задания, и в смысле миссии как учреждения, свет в варварские земли несущего. Как было сказано мною ранее, *война в рамках «этики Запада» ведётся на уподобление противника себе*, на встраивание его в собственную картину мира, а утрированным признаком победы является «Макдональдс» на главной площади Багдада. Ну и демократия, конечно.

Следовательно, *боеспособность «армии Запада» всегда связана с реализацией несомненного превосходства:* технического, тактического, духовного, расового, логистического, численного (последнее в силу исторических обстоятельств считается менее гламурным, но исключать его не стоит). По моему мнению, такая армия в противостоянии

¹⁰² <http://politrussia.com/vooruzhennye-sily/chastnye-voennye-effektivnye-293/>

с равным противником не может состояться и развиваться: ей обязательно нужно было набить руку в тех же колониях, порасстреливать противника, вооружённого холодным оружием, в таком примерно ключе... вариант — такая армия может быть *скопирована, развита в подражание* армиям «больших» колониальных держав. Из этого следует, что

1. с противником, который осознаётся равным или превосходящим, такая армия воевать неспособна;
2. сильной стороной бойцов и командиров такой армии является способность увидеть и использовать реально существующие слабые места противника.

На вопросы из серии «что бывает, когда две армии, построенные согласно этике Запада, встречаются на поле боя», отвечаю: в известном приближении такое случилось в 1939-1940-м годах. Легко догадаться, что превосходящим противником осознавался вермахт, и сильные стороны «армии Запада» проявил он же; возможно, потому, что у Германии с колониями было несравнимо хуже, чем у тех же англичан или французов, или потому, что битые в первую мировую немцы заимствовали и развивали самое рафинэ, не отвлекаясь на второстепенное. Ну, а с миссией у Адольфа было всё в порядке, хоть отбавляй, и континентальную Европу минус Россия он построил под себя так, что любо-дорого посмотреть.

Важной особенностью «армии Запада» в техническом и тактическом аспектах является *наличие и применение вундерваффе* («сверкающий меч паладина», которого не может быть у злобных язычников), а равно постоянный кастинг новых железяк на эту роль. Склонен считать, что эта особенность является системообразующей, хотя бы потому, что «армия Запада» без свехоружия — более обще: «армия Запада», бесспорное превосходство которой лежит в *невидимых остальному обществу* особенностях — отторгается тем же обществом в силу той же «западной этики». Страдает имидж, не дают денег... В долговременной перспективе статусом свехоружия, короля поля боя в наибольшей степени наслаждался и наслаждается авианосец, однако едва ли не с каждым новым вооружённым конфликтом вспыхивают (в переносном смысле) новые, короткоживущие «звёзды» — тот же «Абрамс», например. Кстати, эта особенность зачастую ведёт к рассмотрению «западными людьми» вооружённых конфликтов как *борьбы оружия* — и «калашников» своим культовым статусом обязан именно Западу.

Идеальная «армия Запада» организуется вокруг свехоружия.

Для того, чтобы «армия Запада» оказалась возможна в некоей будущей России не в качестве оккупационной, должны выполняться следующие условия.

1. Наличие в России той самой миссии, в рамках которой надо строить соседей, а желательно и весь остальной мир.
2. Наличие у России того самого свехоружия, которое способно рулить полем боя, и которого нет у других. С кандидатом в таковые можно ознакомиться, например, [здесь](#). Очень наглядный тёмный ужас — прикиньте, батарею газовых лазеров на этукую страсть поставить? А на безрыбье сойдёт что-нибудь вроде интеграции малоомощного ЯО в разведывательно-ударные комплексы.

Для будущего русского государства «армия Запада» может выглядеть как элитные

ударные соединения постоянной боевой готовности, выстроенные вокруг того самого сверхоружия. Дополнительными признаками «армии Запада» в русской реализации вполне могут быть мощное идеологическое кондиционирование и тщательный отбор личного состава по критериям, не связанным с непосредственной боевой эффективностью. Окажется ли такая реализация репликой гвардии или подобием СС — по моему мнению, особой разницы нет.

Армия Севера

Этическая система: «Другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним».

Полюдьё: «Никто не должен делать того, чего не делаю я».

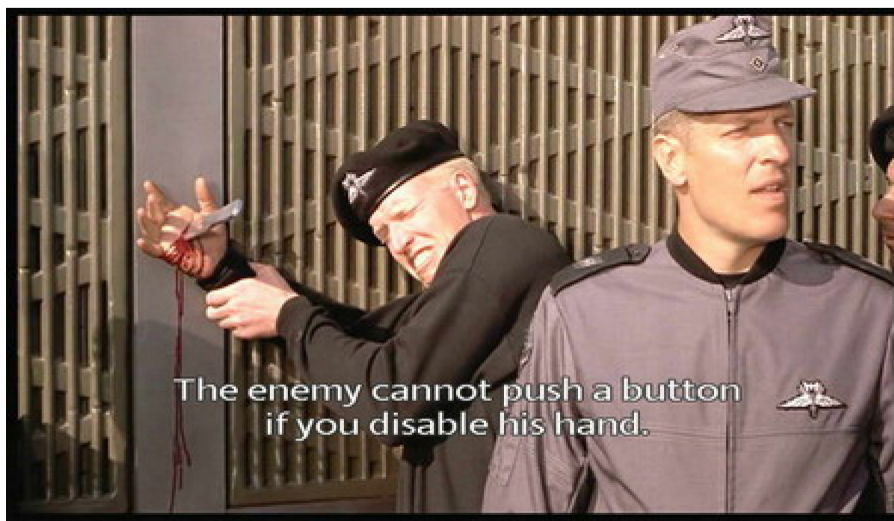
В военной практике реализации этих правил соответствует *обезоруживание противника до того, как он вообще применяет оружие*. Добиться такого эффекта можно следующими способами:

1. Пресечь сам замысел противника применить оружие.
2. Уничтожить оружие, которое противник намерен применить.
3. Уничтожить способность противника применить это оружие.

Первый способ включает в себя идею «взаимно гарантированного уничтожения», однако к таковому не сводится — советские армии в Европе до достижения ядерного паритета выполняли, в общем, ту же функцию: гаранта неприемлемых неприятностей.

Второй способ означает «мы будем целиться не по Парижу, а по штабу НАТО», то есть *применяемое оружие должно быть сверхточным либо сверхмощным*.

Третий способ доходчиво иллюстрирован в фильме «Starship troopers».

Для тех, кому неизвестен язык данного потенциального противника: «враг не сможет нажать кнопку, если ты обездвижишь его руку». Трудно не согласиться.

Из вышеизложенного следует, что боеспособность «армии Севера» соответствует её возможностям гарантированной проекции силы в назначенную точку в заданный момент времени. Иными словами, «армия Севера» должна быть армией, ведение войны с помощью которой в наименее возможной степени подвержено так называемому

«трению Клаузевица»¹⁰³.

Если отвергается условие ограниченного ущерба, мы получаем ядерную артиллерию, в том числе «ракетную артиллерию» — термин, вполне звучавший в своё время. В той мере, в которой условие ограниченного ущерба присутствует, но не является приоритетным, получаем сдвиг от сверхмощного оружия к сверхточному. Если условие ограниченного ущерба является приоритетным, получаем спецназ: силы (они же войска) специального назначения, которые предлагали выделить в отдельный род войск известные по совершенно другим поводам полковник ГРУ в отставке В.В.Квачков и полковник ВДВ в отставке П.Я.Поповских. Отмечу, что речь идёт о силах специального назначения, в идеале выполняющих задания *на чужой территории в мирное время или угрожаемый период*; задания, которые определяются *идеей недопущения войны как таковой*, а не только заблаговременного обеспечения тех или иных преимуществ своей стороне на будущем ТВД.

Эти задачи соответствуют уровню «большой стратегии». Следовательно, важнейшим вопросом «армии Севера» в будущей России станет вопрос политический, вопрос о власти, который будет сказываться в следующих раскладах:

1. наличие структуры, которая осуществляла бы политическое представительство российских СЯС в системе государственной власти: вплоть до переосмысления всей «системы сдержек и противовесов» с вводом в неё новой сущности, по статусу как минимум эквивалентной традиционным «ветвям власти»;
2. обеспечение на уровне «большой политики» такой ситуации, в которой деятельность российских сил специального назначения за пределами российских границ в мирное время проходила бы с минимальными препятствиями;
3. политически привилегированный статус личного состава войск специального назначения — не по результатам отбора, как в случае с «армией Запада», а по результатам деятельности; к примеру, номенклатура должностей для орденосцев этого рода войск.

Иными словами, положение «власти принадлежит красная кнопка» должно компенсироваться положением «власть принадлежит красной кнопке», где СЯС самостоятельно выступают как гарант и субъект, а не инструмент политического суверенитета государства. Внешняя политика России должна состоять из «спецопераций» (проводимых, естественно, на пользу государства, а не конкретных лиц на конкретных управленческих позициях) и их дипломатического обслуживания. Карьера в «армии Севера» может и должна рассматриваться как «социальный лифт для взрослых людей», и её возможности должны выстраиваться, исходя из такого понимания.

Заключение

В настоящем трактате не рассматривается вопрос «как это сделать», не высчитываются промежуточные состояния между нынешним и желательным положениями дел. Однако изложенное я бы предложил использовать в качестве одного из наборов лекал для анализа

¹⁰³ <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/01.html>

как рапортов о нынешнем состоянии армии, так и публично предлагаемых или осуществляемых мер по изменению этого состояния.

Впрочем, как пример профанного понимания военных материй тоже сойдёт.

Основная военная проблема для России в будущем состоит в том, что РАЗНЫЕ соседи могут предложить РАЗНЫЕ конфликты. Утрируя — Китай и прочие демографически протуберантные соседи ассоциируются с тучей пехоты, а НАТО — с тучей крылатых ракет плюс информационное давление. И вопрос боеспособности российской армии именно в том, чтобы быть в состоянии вынести и тот, и другой конфликт, в идеале — одновременно.

8. К вопросу о власти с точки зрения формальной этики

Настоящий текст не имеет самостоятельной ценности. Это всего лишь слегка окультуренная запись долгих размышлений на тему «четырёх этических систем» в применении к власти, попытка вывода этических императивов власти в этих системах плюс очерки по их применению. Впервые попытался обрисовать политические реалии «общества Севера».

Преамбула

В процессе этической эволюции общества можно выделить следующие стадии:

- такое изменение условий существования общества, при котором полюдь существующей этической системы перестаёт быть адекватным новым условиям;
- формирование полюдья новой этической системы, адекватного новым условиям, и вытеснение им прежнего полюдья (возможно, вместе с его носителями);
- кризис прежней этической системы, не способной справиться с новым полюдьем;
- формирование новой этической системы, как средства ограничения нового полюдья.

Этическая же революция состоит в форсировании на общество той или иной этической системы без оглядки на существующее в обществе полюдь. Логическим исходом этической революции выглядит кризис соответствия этической системы и полюдья, решающий голос в разрешении которого имеют те самые условия существования общества, которые определяют «точку компромисса» и то, существует ли компромисс вообще.

Естественно, все вышеописанные процессы кардинально влияют на важнейший из вопросов — вопрос о власти.

Функции власти в этическом аспекте суть:

- распространение и утверждение в обществе этической системы, которой придерживается власть;
- ограничение применения существующего в обществе полюдья.

Методы, которыми эти функции осуществляются — подавление и манипуляция, то бишь:

- прямой приказ нечто сделать или не делать;

- создание условий, при которых управляемый совершит нужное действие или не совершит ненужного.

Примечание: в дальнейшем я буду приводить формулы с началом «я приказываю тебе». По желанию это начало подлежит замене на «я создаю условия, чтобы ты мог только».

Ограничения по осуществлению этих функций:

- физическое старение персон, власть составляющих, и следующее из него требование «преемничества», то есть прекращения\возобновления отношений власти;
- необходимость реакции на кризисы, то есть резкое изменение условий существования.

Необходимым и достаточным условием для эволюционного распространения и утверждения в обществе этической системы, которой придерживается власть, является осуществление «преемничества» власти в рамках данной этической системы.

Примечание: в процесс «преемничества» входит и вариант «неудачного оспаривания власти», сорвавшегося претендентства.

Ограничение применения существующего в обществе полюдья достигается вынуждением управляемых к действиям, не соответствующим формуле полюдья. Учитывая, что в формуле полюдья присутствуют:

- утверждение действия\бездействия («делать\не делать»);
- утверждение содержания действия («то\иное»);
- референтная группа («все\никто»);

одна формула полюдья порождает три элементарные формулы власти по его ограничению, связанные с инверсией перечисленных пунктов по отдельности.

Предупреждаю, что формулы власти повинны получиться сложными, особенно с двойным отрицанием в русском языке. Кроме того, эти формулы могут дублироваться для разных этических систем. И последнее — не стоит забывать, что эти формулы могут применяться независимо друг от друга и составлять собою общее множество действий власти в очень разных пропорциях.

Для дальнейшего рассмотрения выделю три вида кризисов, которые имеют значение для этической эволюции общества. Кризис-Ф есть кризис физический, натуральный — то есть неурожай, нападение врагов, нечто, обусловленное причинами вне самого общества. Кризис-С есть кризис соответствия полюдья и этической системы, упомянутый выше. Кризис-Э есть кризис развития самой этической системы, итог слишком успешного её воплощения в обществе.

Надо отметить, что эти кризисы способны оказать качественное влияние на проблему «преемничества», так что любопытно рассмотреть два вида «преемничества» — «нормальное» и «кризисное».

Далее для всех четырёх этических систем будет приведено рассмотрение в следующем порядке.

1. Формула этической системы.

2. Формула полюдья.
3. Формулы власти и порождаемые ими отношения.
4. Механизм нормального преемничества, в том числе как политическое устройство общества.
5. Возможные кризисы (Ф и, если есть, Э).
6. Механизм кризисного преемничества.

Амбула

Первая этическая система. «Юг».

Формула этической системы: *«я должен относиться к другим так же, как другие относятся ко мне».*

Формула полюдья: *«я должен делать то же, что и все».*

Формулы власти:

- *«Я приказываю тебе не делать того же, что и все»;*
- *«Я приказываю тебе делать иное, нежели все»;*
- *«Я приказываю тебе делать то, чего не делает никто».*

Из этих трёх формул следует, что власти как должностной пирамиды в «незамутнённых» обществах «Юга» быть не может, а все властные отношения сводятся к отношениям «хозяин-раб», где рабом чаще всего является пленный чужак или тот из своих, кто накосячил за пределами разумного и как свой более не рассматривается.

В обществах «Юга» определяющими являются отношения «ведущий-ведомый», где ведущий в большей мере соответствует образцу идеального поведения, чем «ведомый». «В большей мере» надо понимать, как «прожил больше времени без косяков, о которых есть кому объявить». Отсюда «ведущими» чаще всего являются всякие старейшины и прочие аксакалы с «уважаемыми людьми».

Проблемы «преемничества» в «нормальном» режиме здесь практически не существует — позиция аксакала занимается по выслуге лет, когда и года, и сама выслуга очевидны всему племени или клану.

Кризиса-Э в обществе «Юга» тоже не может быть, так как оно в принципе вневременное, а оттого сверхстабильное этически.

С кризисом-Ф намного интереснее. Кризис-Ф представляет собой угрозу существованию всего сообщества, которая не может быть парирована количественно. Эта может быть угроза физического вымирания/истребления, угроза смены образа жизни, расселения и проч. Кризис-Ф возникает тогда, когда ресурсов общества, применяемых согласно господствующим обычаям, просто не хватает, чтобы пережить или уничтожить угрозу — ситуация типа «с копьями на пулемёты».

Такой кризис можно свести к противоречию между требованием неизменности как средством обеспечения долговременного выживания и требованием нового поведения как средством обеспечения сиюминутного выживания.

Это противоречие может быть снято только через выход в надсистему, через сюжеты «божественного вмешательства».

В сочетании с проблемой «преемничества», получаем, что «кризисное преемничество» на «Юге» всегда связано с тем, что преемник получает нечто Новое и Спасительное Для Всех в качестве дара богов. Вариант: крадёт у них же. И тем становится преемником.

В химически чистом виде сюжет Кризиса-Ф в «южном обществе» смотрим у Урсулы Ле Гуин, «Слово для леса и мира одно». Другие варианты «южного кризисного преемничества», так или иначе отражённые в литературе: Гильгамеш, Прометей, Моисей, король Артур, Арагорн. Ну, и про Ивана-дурака не забываем.

В случае, если «ведущий» в «южном обществе», пытается найти выход из кризиса, сумел сформулировать правила поведения как исчерпывающий список запретов, в обществе происходит этическая революция с институционализацией «восточной этической системы». Примеры: Моисей, Артур как литературные представления.

Вторая этическая система. «Восток».

Формула этической системы: *«я не должен относиться к другим так, как другие не относятся ко мне».*

Формула полюдьё: *«я не должен делать того, чего никто не делает».*

Формулы власти:

- *«Я приказываю тебе делать то, чего никто не делает»;*
- *«Я приказываю тебе не делать иного, чем то, чего никто не делает»;*
- *«Я приказываю тебе не делать того, что делают все».*

Да, эти формулы задают кастовое — как минимум, очень сильно стратифицированное — общество, где у каждой группы есть своё и только своё дело. Власть, как одно из таких дел, тоже принадлежит строго определённой группе — вариант: власть, раздробленная на несколько дел, принадлежит нескольким группам, брахманы-кшатрии или «симфония».

«Нормальное восточное преемничество» связано с публичным доказательством приверженности преемника восточной этической системе. Обычно это доказательство — Подвиг. Это может быть Подвиг как Деяние, связанное с пресечением неправильного поведения на подконтрольной территории — вариант «убить дракона». Это может быть Подвиг как Житие — соблюдение преемником имеющихся запретов. Право на власть поддерживается такими же Подвигами.

Любопытно, что кризис-Ф как условие преемничества для «восточных» обществ даже желателен, в отличие от обществ «южных». Хорошо, когда дракон под рукой в нужный момент. Впрочем, это объяснимо, если понимать «восточную» этику как результат эволюции этики «южной» по сюжетам, упомянутым выше.

Однако в «восточной» системе впервые проявляется кризис-Э, который выглядит как «кризис насыщения». Как показано в работе «Поведение», «восточная этика» формирует дефляционное, закрывающееся общество — общество, в котором со временем становится всё больше запретов. Механизм дефляции поведения понятен: в некоей ситуации некое пограничное поведение признаётся запретным. Ситуация проходит, запрет остаётся, граница запретного чуть сдвигается. Со временем накапливающийся груз

традиций душит общество, не разрешая даже нужные действия. В частности, преемнику всё труднее совершить Подвиг — по правилам «убить дракона» невозможно, а без правил это делать нет смысла. Остаётся Подвиг как Житие, а в условиях «насыщения запретами» Житие превращается в Недеяние, а сам правитель — в Символ, практически не принимающий участия в решении задач управления. Рулят визири и генералы, а то и вообще проходимцы вокруг трона, а излишне активный правитель может и схлопотать апоплексический удар табакеркой в висок: мол, его дело — символизировать, а он, зараза в короне, налоги считать полез!

То бишь «кризисное восточное преемничество» есть преемничество в условиях кризиса-Э, и оно либо связано с Подвигом Недеяния, либо через выход в надсистему ведёт к обретению и использованию правителем права снимать запреты (лазейка для этого есть в формуле власти «я приказываю тебе делать то, чего никто не делает»). В случае, если последнее право оказывается устойчивым, общество может перейти на «западный» путь развития. Близким к такому сюжету можно считать правление шведского короля Густава III. Величество, правда, допрыгалось до пули в спину, но это уже издержки профессии. Другим исходом «кризисного восточного преемничества» может быть откат к «южной» организации власти, распад подконтрольной территории и потеря государственного управления как такового (1917-й год, или ранее — коллапс Речи Посполитой).

Третья этическая система. «Запад».

Формула этической системы: *«другие должны относиться ко мне так, как я отношусь к ним».*

Формула полюдья: *«все должны делать то же, что и я».*

Формулы власти:

- *«Я приказываю всем не делать того, что делаешь ты»;*
- *«Я приказываю всем делать иное, чем то, что делаешь ты»;*
- *«Я никому не приказываю делать то, что делаешь ты».*

Здесь впервые появляется форма приказа не «тебе», а «всем» или «никому». Звучит грубо, но вспомните о возможной подмене «приказываю» на «создаю условия». Прямое насилие остаётся, но появляется простор для манипулятивного управления.

Первую формулу можно назвать *обязанностью власти поддерживать разнообразие общества* (права меньшинств процветают именно на ней). Вторая в сумме с первой, помимо прочего, определяет *обязанность власти поддерживать право, в частности известное, как «копирайт».* Третья представляет собою слегка преобразованное кредо *«ночного сторожа»*, то самое *laissez faire*¹⁰⁴.

Кроме того, *эти формулы не запрещают вообще никакую модель поведения.* А это означает, что любые структуры, обеспечивающие совместную деятельность людей на данной территории, в идеале повинны учитывать и/или формировать мнение носителя любой модели поведения, то есть каждого. Здравствуй, либеральная демократия со всеми

¹⁰⁴ Экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным

её плюсами и минусами.

Таким образом, механизм «нормального преемничества» в «западном» обществе есть соревнование за аккумуляцию некоторого ресурса, условно именуемого «общественной поддержкой» — естественно, к бредням типа «один человек — один голос» этот ресурс имеет весьма опосредованное отношение. Тем не менее, его предоставляют соискателю люди, составляющие упомянутое «западное» общество (тема адаптации «западной» этической системы к полюдию иных «цивилизационных блоков» здесь оффтопик). И отдают они его в обмен на соответствие соискателя той же «западной этике».

Иными словами, *«западный» претендент на власть — это освободитель*, который совершает свой Подвиг, как и в «восточном» обществе, тоже «убивает дракона». Разница в том, что в «восточном обществе» дракона убивают для того, чтобы *форсировать запрет* типа «на моих землях людей жрать нельзя», а в «западном» обществе условный дракон получает пику в пузо за-ради *снятия запрета*, чтобы в отсутствие дракона можно было заниматься тем, чем он раньше заниматься не давал, угнетатель этакий.

Подвиг же Житийный для «западного» преемника обратен Подвигу преемника «восточного». «Западный» претендент на власть повинен всё знать (с телепромптером), всё уметь (сойдут и комбинированные съёмки или приколы типа сидения с важным видом за штурвалом самолёта, поставленного на автопилот) и всё сразу делать — то есть лезть на публику со своими мнениями и умениями по всякому поводу и без оногo. Полагаю, читатели узнали «современного политика».

Кризисы-Ф «западной» властью приветствуются так же, как и в «восточном» и используются в тех же целях — как повод для Подвига, дракон под рукой.

Кризис-Э в «западном» обществе, столь же неизбежен, как и в «восточном», и так же является «кризисом насыщения», только на этот раз он проявляется в предельном минимуме запретов, а не в их предельном максимуме. Механизм инфляции поведения обратен механизму дефляции поведения: всё новые пограничные ситуации разрешаются снятием запрета из сиюминутных соображений, но навсегда. Вечное освобождение технически завершается тогда, когда остаются только запреты, снятие которых угрожает актуальным физическим уничтожением освобождаемого общества (естественно, если освобождение устраивается на чужой территории, этот аргумент тоже теряет смысл — чужих не жалко). При этом *потенциальное, а не актуальное уничтожение «западного» общества не является аргументом против его дальнейшего освобождения* — скажем, практика легализации наркотических веществ или дозволение бесконтрольной миграции «чужих» относятся именно к этим ситуациям.

«Кризисное западное преемничество» требует для сохранения положения дел фигуры *не Освободителя, но Циркача*, который одновременно развлекает публику, как клоун, борется с надувным драконом, как силач, и всё это делается с ловкостью и целями иллюзиониста — *постоянное освобождение без снятия запретов*. Как и у правителя-Символа на «Востоке», Циркач и собственно дела государственные не имеют ничего общего — но, если Символу заниматься государственными делами *не положено*, то у Циркача просто *нет времени*, ведь, начни он надолго исчезать с телеэкрана, чтобы реально

«поработать с документами», публика просто сменит его безо всяких табакерок.

Условно удачным перманентным решением кризиса-Э на «западе» выглядит откат к «восточной» этике, с выходом в надсистему и обретением правителем права вновь устанавливать запреты — это мы можем наблюдать нынче под лозунгом *freedom isn't free* и вообще в постановке проблемы «свободы против безопасности»... И цикл ещё лет на тысячу, «новое средневековье».

Другим решением является переход к «северной» этике, прецедентов которому я в мировой истории не нахожу.

Четвёртая этическая система. «Север».

Формула этической системы: «*другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним*».

Формула полюдья: «*никто не должен делать того, чего не делаю я*».

Формулы власти:

- «*Я приказываю всем делать то, чего не делаешь ты*»;
- «*Я приказываю всем не делать иного, чем то, чего не делаешь ты*»;
- «*Я никому не приказываю не делать того, чего не делаешь ты*».

Так как образцов нет, остаётся выводить описание на ходу. Ручками.

Во-первых, это явно *какая-то демократия*, в том смысле, что в формулах присутствует общение власти с группой, а не только с конкретным индивидом. Обратная связь в таком обществе всё же завязана на открытый запрос реакции населения.

Во-вторых, формула «я приказываю всем делать то, чего не делаешь ты» может пониматься так, что *сотрудничество с властью — право человека, а не его обязанность*. Другим, мол, приказывай, а мне, если мне сие не по здраву, уволь. Похоже, что властным капиталом в этом случае, в отличие от «западной» системы, становится не условная «поддержка» населения, а отсутствие желания населения саботировать данную власть, отсутствие той самой ненависти к власти. Заметьте — не отсутствие возможности к саботажу или открытому неповиновению (такое отсутствие сводится к обычному подавлению), а именно отсутствие желания: *сама возможность саботировать власть у любого человека должна быть*.

Другими словами: нет фетиша власти, она понимается как нечто *необходимое*, но при этом *чем реже сталкиваешься — тем лучше*. В идеале «всё происходит само собой», нет навязчивости управления, но при форс-мажорных обстоятельствах власть «проявляется явно» и при этом «в готовом виде» — т.е. она уже была, просто «и так всё работало». Следствие: минимализация законов, которые просто формально выражают понимание справедливости соответствующим социумом.

Такая власть, соответствующая 4-й этике, *берёт на себя бремя власти*, в мирное время не вызывая раздражения у народа, поэтому народ, разделяющий 4-ю систему, в военное время сплачивается и признаёт право такой власти на организацию, руководство — на власть в общем виде. Русский порядок — это не дер орднунг, он должен возникать когда надо и где надо, а в остальное время — не мешаться.

Не уверен, но, похоже, это означает диссипацию централизованной власти в «восточном» или «западном» смыслах и её реструктурирование, замену одной пирамиды множеством таковых, ассоциация одного и того же человека на одной и той же территории с разными структурами, исполняющими функции власти, причём ассоциация по собственному выбору, изменяющемуся во времени. «Зафрендить» одну структуру, «расфрендить» её, «зафрендить» другую. Фирмы по оказанию управленческих услуг населению?

Тут вспоминается Ницше: «превосходство каждого над каждым в известном отношении».

В-третьих, формула «я приказываю всем не делать иного, чем то, чего не делаешь ты» мною расшифровывается как «власть имеет право сделать твоё дело за тебя, если ты отказываешься его делать». Иными словами, *социальная и/или экономическая стратегии «собаки на сене» «северной» властью — любой из «северных властей» на данной территории — эффективно пресекаются. Да, здесь есть условно «социалистические» мотивы.*

Почему «условно»? Социализм — это устройство социума, основанное на справедливости¹⁰⁵.

В-четвёртых, формула «я никому не приказываю не делать того, чего не делаешь ты» означает «борьба со злом — твоё личное дело», *отказ власти от навязывания обществу единого понимания актуального зла.* По аналогии с «западным» государством как «ночным сторожем», задающим ограничения в ведении дел, а не правила ведения таковых... я не знаю, как назвать «северное государство» в этом смысле («онтологический страж»?): оно тоже задаёт *ограничения в разборках с условным «злом», но не правила таковых разборок.* Вряд ли смогу обрисовать весь спектр последствий, но право на личное владение практически любым оружием-с-предсказуемыми-последствиями-применения здесь точно будет. Равно как и дуэли, причём не просто один на один... да и вообще понятие «диктатуры закона» станет чем-то неприличным.

Ну, про дуэли загнул, это не разумно. А вот разборки с внешним «злом» — да, эффективность как главный критерий. Внутри же отсутствие правил «разборок» должно означать не уход государства от поддержания порядка, но большую свободу в плане самообороны (причём не только при угрозе жизни, но и пресечение воровства и т.д.), а наказание преступникам должно назначаться не формально, а с учётом индивидуального подхода: скажем, какой-нибудь мелкий гопник после n-ного гоп-стопа может быть отправлен в биореактор, так как ничего путного уже из него не выйдет, а условный Ганнибал Лектер будет принят на госслужбу, просто жертвы надо будет согласовывать.

«Нормальное северное преемничество» не имеет ничего общего с Подвигом «восточным» или «западным». *В «северном» обществе властью становится любой, кого при таком самовыдвижении не пошлют по известному адресу.* Здесь ситуация, полностью обратная «южной» — на «севере» все знают, кто властью быть *не может.* На

¹⁰⁵ <http://warrax.net/nhrs/nn01.html#h08>

«севере» власть *не поддерживают*, на «севере» говорят: «я не против». Однако сама система управления должна быть такова, чтобы при первых же слышимых «я против» текущие персоналии в ней сливались бы. При этом, конечно, хотелось бы без революций и прочих гражданских войн. Такое вот ТЗ.

Кризис-Э, однако, в северной этической системе становится явлением не качественным («есть\нет»), а количественным («сколько его»). В какой-то мере он присутствует всегда, и в общем связан с уровнем атомизации общества, уровнем взаимного доверия в нём. Здесь надо указать, что *какие-то «плотные» инородные группы с высоким уровнем предсказуемости поведения для своих членов «северному обществу» противопоказаны*, так как уровень кризиса-Э пропорционален их присутствию и влиянию в обществе. Достаточно сильным аргументом против разрастания кризиса-Э может стать сегрегация и буквальный запрет таких «плотных» инородных групп — если хотите, можете называть это *перманентным мягким погромом*; возможно, перипетии его осуществления и будут тем Подвигом, который потребуется от «кризисного северного преемника».

Кризис-Ф в «северном обществе» в общем тоже — дело практически постоянное и количественное, так как кризисом-Ф осознаётся не угроза всему личному составу такого «северного» общества, а *конкретная угроза конкретному человеку*, то есть царь-батюшка (возможно, с приставками к титулу «микро-» и «нано-») повинен вступаться за самого последнего своего человечка, которому угрожает нечто не по его, человечка, вине или попустительству. Потому что иначе мЦБ пошлют.

Заключение

Ну вот вроде всё. Выводов «что на что похоже» в тексте есть, но сказано, конечно, далеко не всё. Цейхгауз временно заполнен, даже неохота рыться, выискивая ляпы. Буду мучительно думать, возможно, рискну на художественное отображение некоторых реалий, здесь намеченных. Из практического применения — вероятно, скоро попробую нарисовать вереницу шушпан-гешталтов «хороших» и «плохих» властителей глазами носителей различных этик: на шпаргалки как охранителям, так и ниспровергателям.

9. 0 «северной» экономике. Та же сказка, только на изворот

Граждане юристы с господами экономистами, вы меня не бейте, ладно? Лучше представьте себе — вы ещё в неоперённом состоянии, курсе так на втором-третьем, и вдруг вам надо объяснить заслуженным и глубоким экономам, кастелянам и законникам XVI века, как у нас здесь «дела делаются». Вот и я примерно в том же положении относительно вас (если не учитывать мою непревзойдённую скромность). Поэтому не надо меня на костёр, я вам песенку спою. Про экономические реалии «северного общества».

И ещё. Ранее в тексте о «северной демократии» я, считаю, показал: реалии политические, данные нам в ощущениях, вполне можно разъяснить как «северные» расклады (обусловленные как «северным» полюдем, так и начатками «северной» этической системы), играемые по «западным» правилам. То бишь что-то вроде правильное

и видится в них, но выходит таким раком-боком... короче, получается гоблин вместо эльфа. Нет никаких оснований думать, что в экономике дела обстоят иначе. То есть нынешнее питекантропово рыло есть не столько запрос на кирпич, сколько заготовка для «человеческого лица» (это такой гарнир для всякого -изма). Хотя сам питекантроп вполне может полагать иначе — ему и так хорошо, с рылом; посему про кирпич тоже не следует забывать.

Как и предыдущие тексты, настоящий припадок визионерства построен на работе «Поведение». Никто так не. Вопрос в том, достаточно ли это глупо, чтобы оказаться правильным.

В той работе выдвинут тезис, что экономическая парадигма «северного общества» есть частное использование общественной собственности. (Я это поскипал, так как было занудно и натужно, а как раз самое главное, про четвёртую систему, вообще не раскрыто сколь-либо нормально, а вот Джагга как раз стоит прочесть).

При этом «общественная собственность» понимается не как синоним «государственной», а именно как собственность, доход от которой открыто получает каждый гражданин по паспорту, который служит своего рода акцией, правом на долю. Соответственно, гражданин, использующий часть этой доходной собственности для получения дохода себе лично, повинен часть оного дохода отстёгивать всем остальным в качестве платы за аренду.

Предпринимательство как таковое здесь остаётся — ибо нет разницы, стричь купоны с производства вещей на арендованных станках или на собственных. Поэтому поклонники Ментально-Креативно-Синергической Способности Избранных Организовать Дело могут не волноваться. Кроме того, не всякая собственность и даже не всякая доходная собственность является общественной: право на «свечной заводик» и вообще на своё, родное, — такое, чем приятно именно владеть, а не просто зарабатывать этим деньги — за гражданином, конечно, остаётся.

Очевидно, что общество — все носители паспортов, взятые вместе — не сможет решить, кому передать тот или иной кусок доходной собственности в аренду. Ну вы представьте себе, минимум два кандидата со своими бизнес-планами пытаются защитить их перед небольшой аудиторией — человек в семьсот... Никакая электронная сеть голосования не поможет, ибо большинство некомпетентно в таких вопросах, да и постоянно тратить время на участие в согласовании решений люди вряд ли будут, поэтому про какую-либо экономическую эффективность здесь можно забыть.

Иными словами, решать, кому на, а кому не, должно государство как посредник между обществом и бизнесом. Далее за «государство» по умолчанию принимается государство на принципах «северной демократии» — с отзывом поддержки лица, занимающего ту или иную управленческую позицию и на одной накосячившего. Добавлю здесь осенившее меня позднее — отозвать чиновника можно только один раз, и этот отзыв эквивалентен «волчьему билету»: отозванный либо уже не может работать в государстве как организации (жёсткий вариант), либо не может занимать должность того же класса и выше пожизненно или некоторый оговорённый срок (мягкий вариант, привет принципу Питера).

Напоминаю: предприниматель отстёгивает арендную плату на паспорта всех граждан, а не государству. Это — не налоги. Государство получает деньги как а) плату с отдельных граждан за оказываемые услуги, б) доход от эксплуатации собственности, арендуемой государством у общества на правах одной из предпринимательских организаций, при этом государство обществу должно ещё и возвращать часть дохода как плату за аренду на общих основаниях. Измоозабоченным поясню, что разница «северный социализм» и «северный капитализм» в принципе определяется отношением величин доходов «а» и «б» (доля общественной собственности в аренде у государства и т. п.).

От себя замечу, что социализм в общем виде — это организация социума на принципе справедливости, а заморочки с «частной собственностью на средства производства» — частный случай. Так что — социализм, нет «северного капитализма», поскольку 4-я этика подразумевает «уничтожение зла», т.е. несправедливости, включая превентивное. Капитализм же — это социум, в основе которого — максимизация прибыли некоторых за счёт большинства, что очевидно несправедливо как минимум для русского менталитета.

Воззрися же на нашего питекантропа.

В 90-х гг. в России произошёл экономический катаклизм, именуемый «приватизацией». В определении формы приватизации боролись проекты «именных счетов» и «ваучеров», победил последний, причём победил в чисто аппаратных играх, при минимальном обсуждении он бы не прошёл. Ваучеры в массе своей сгорели в учреждениях, именуемых «инвестиционными фондами», идея которых была в получении процентов гражданином за свою долю национального богатства, а сама приватизация свелась и сводится к передаче в руки «своим людям» вкусных кусков доходной собственности за плату, одна часть которой идёт в казну, а другая конкретным государственным лицам, передачу обеспечившим.

Далее с обшлифовкой олигархов складывается режим, при котором крупным и не очень собственникам позволяют владеть собственностью при условии регулярного «занесения денег» госчиновникам (мелочь приходит за деньгами сама — экспедиция инспекция называется), в противном случае происходит «передел», сводящийся к передаче соответствующего куса собственности тому, кто деньги заносить станет: вариант — самим госчиновникам через анонимайзер. При этом очередные заявления о «незыблемости итогов приватизации» являются именно что гарантией «права на передел», как бы шизофренически это не выглядело. «Все всё понимают».

Ничего не напомнило? А ведь это вполне «северное» отношение, если а) считать «обществом» только жирующих бюрократов, а не всё население, б) пытаться воспроизвести его по «западным» правилам. И получается... то, что получается.

Если смотреть на сие безобразие через призму «западной» этики с её экономической парадигмой «частное пользование частной собственностью», то получаем весь дискурс: экономический бедлам, системообразующая коррупция, надо гарантировать права собственности (жалобный хор бывших, нынешних и ваппа-бе олигархов из оркестровой ямы: «да-да-да, права собственности! Гуськова! Гуськова!»), свобода-демократия-инвестиции... после того, как слушатели обозначают своё отношение к олигархам, буйство

которых «западные» правила у нас гарантируют, дискурсиарх делает суровое лицо образца «дореволюционный партстаж» и говорит: надо, надо потерпеть ради светлого будущего...

Граждане кастеляны, ну вы поняли, да... Я сейчас буду уже своими словами изъясняться. Или не совсем своими, но вне того, чему учат в школе.

Предположим, что «северное» государство на некоторой территории (муниципалитет, район, область) характеризуется властесобственностью: интегральной характеристикой, которую проще всего расшифровать как «всякая приносящая доход собственность, субъект и режим использования которой могут быть изменены имеющимися полномочиями присутствующего множества управленческих позиций».

Понятно, что использовать собственность из этой властесобственности (собственность, принадлежащую ВСЕМУ обществу, напоминаю) государство может двояко: либо управлять самому, рубить бабло и отстёгивать плату на паспорта за аренду; либо передать в управление предпринимателю, который будет управлять, рубить бабло и отстёгивать плату на паспорта за аренду. При этом собственность сферу властесобственности не покидает.

Действительный интерес представляют два случая: передача управления собственностью от государства предпринимателю и отъём её же им же у него же. Случай передачи аренды от одного предпринимателя другому — тривиален и от продажи отличается некоторыми оговорками в контракте.

Зачем вообще некий чиновник может решить передать кусок собственности в управление предпринимателю? Ответ один: чтобы не лишиться своего поста, если оставление данной собственности под управлением государства влечёт отзыв этого чиновника.

Промежуточный, но очень важный вывод: все государственные должности, связанные с распоряжением собственностью, должны быть отзывными (жёсткий вариант) или подотчётными отзывной должности в пропорции, технически позволяющей их контролировать (мягкий вариант). При этом конкретная должность должна быть ответственной за конкретную собственность. В итоге отношения ответственного с оной собственностью будут суммой старомосковского «кормления» и партийного присутствия на партхозактиве.

Почему крысячащего чиновника надо отозвать? Да потому, что бабла с собственности на паспорта приходит мало, а предприниматель (или вся совокупность таковых, точащих зубы на эту собственность) мутят народ: мы вам с этого куса будем платить на энцать процентов больше. Самая разумная тактика чиновника в данном случае — это сказать претендентам «вас никто за язык не тянул» и умыть руки, сохраняя за собой место при уменьшении дохода (альтернатива — потерять и то, и другое). Если данная собственность ласкает взгляд более, чем одного предпринимателя, проводится конкурс.

Да, взятки будут. Нету от них отбеливателя ни с хлором, ни с «Циклоном-Б». Любой властью — «северной», «западной», «восточной», «южной» — можно злоупотребить, в любую казну можно запустить волосатую лапу. Однако суть конкурса в том, что проводит его государство и получает за проведение «белые» деньги. Зарабатывает, потому как налогов-то в «северном» государстве нет, не забывайте.

Примечание: вопрос спорный, другое дело — что налоговая система очень простая и справедливая :-)

Зачем чиновнику отбирать собственность у предпринимателя? Да чтобы получать с неё доход самому, игелю понятно. Чем можно оправдать такой отъём? См. выше: дорогие подданные, вас кидают, этот буржуин щи себе нажрал, так что в джип не влазит, а мы-то, слуги народные, вам с этого заводика на энцать процентов больше дадим, вот вам крест на впадлом от трудов пузе.

После чего нажавшему щи буржуину властным произволом показывают дорогу из офиса, с обязательным возмещением произошедшей капитализации собственности под его буржуинским руководством (или вымещением — при обратной ситуации).

Такое возмещение, кстати, требует независимых оценщиков и, ИМХО, сложного юридического механизма поддержания их независимости и обеспечения хотя бы приблизительной корректности оценки. Это «второй сложный вопрос» и как бы ещё не самый сложный.

Народ, как всегда, безмолвствует, но не надо быть телепатом, чтобы прочесть на лицах обращённое к чиновнику: «никто тебя за язык не тянул». И, если обещание не выполняется, то нетянутый за язык чиновник покидает уже свой офис, а ситуация переходит в ранее показанную, с конкурсом, сразу после вымещения с чиновника недополученной подданными прибыли. Жёниных брульянтов не хватило — пусть отрабатывает на метеостанции на мысе Желания: нет, это совсем не в знойных тропиках.

Слабое место в этом рассуждении — тот самый «властный произвол»: всё же нужны какая-то отмашка на акт оного плюс демпфер по времени и обстоятельствам против злоупотреблений. Причём и отмашка, и демпфер должны быть очевидны и общепонятны.

Пожалуй, обобщу: в «северной экономике» пользование всякой общественной собственностью может быть оспорено по общепризнанным правилам претендентом на лучшее управление ею. Какие социальные реалии этот принцип продиктует — разговор не для этого поста (один вопрос с отсевом идиотов и Остапов Бендеров чего стоит... да чтобы с Генри Фордами их не путать).

Что касается дохода от помянутой собственности, то возмутительно радикального в идее выплат от государства гражданам (а не наоборот) весьма мало: в качестве некоторого промежуточного состояния представьте себе, что выплата идёт не рублями и копейками, а страховыми сертификатами прав — на лечение, на образование, на правозащиту, на бесплатный проезд в автобусе... При этом каждый гражданин независимо может выбрать — нал или страховка по конкретному праву (вариант: купить страховку у государства). Узнаваемо, верно? И опять-таки: с «монетизацией льгот» произошёл ублюдский отыгрыш по «западным» распоняткам о «вэлфере» вполне «северного» вопроса.

Вообще, сейчас мы, население РФ, фактически имеем дело с двумя государствами — во многом фиктивным «западным», которое в основном показывает нам себя по телевизору за наши налоги, и примитивной формой «северного», которое тоже берёт деньги и даже их как-то отрабатывает, но при этом, находясь в тени, никакими писаными

правилами и законами не ограничено. Ни то, ни другое не привлекает — а тем более оба одновременно.

Каковы могли бы быть шаги по эволюции нынешнего квази-«северного» прото-государства в нечто самостоятельное и удобоприемлемое для населения, можно сказать лишь очень приблизительно. Во всяком случае, должны быть и именные счета, и пересмотр приватизации «большой» советской собственности, и акционирование по этим счетам нынешних компаний, завязанных на государствообразующую властесобственность, и вскрытие связей «власть-бизнес» с достаточно широкой амнистией и выведением этих связей «из тени», и введение механизма страховки гражданских прав сверх некоторого минимума... всё это, разумеется, при одновременном оформлении «северной демократии» как системы отзывов, а не выборов, потому что платить ещё и «западному» государству за соблюдение узко понимаемых приличий — это уже перебор.

Как такое сделать? Это даже не «фабрики заводам, рабочих крестьянам» или ещё какие идеи квэхва. К тому же ничего страшнее сопротивления питекантропа, не желающего становиться человеком, в природе, наверное, нет. Как и было сказано — ему и так хорошо.

Ну на то и кирпич, наверное...

Примечание. Тут теоретизирование «на полное соответствие», а на практике из того, что можно «хоть сейчас», если будет к тому воля, требуется ввести персональную ответственность чиновников за их решения, которые тоже должны быть персонализированы. «Это решение принимает лично Иван Иванович, и за него отвечает», а не «комиссия собралась, постановила, опять получилось как всегда — и никто не виноват».

10. Продолжаю теоретизировать

Во-первых, здесь не идёт речи о превосходстве одной этики над другой; во-вторых, автор в который раз напоминает, что не претендует на абсолютную меру утверждений - она невозможна при описании таких материй, как человек и общество.

Итак, выстроить некоторое общество согласно некоторой этической системе можно, применяя эту систему к наличествующему в обществе полюдью этой же этической системы. Если полюдьё этической системы представляет собой нормы поведения, основанные на редуцированном по избирательности правиле этой этической системы, то процесс выстраивания общества согласно одной можно представить как настройку поведения индивидуумов, его составляющих, по избирательности.

Соответственно, должен существовать механизм этой настройки, уникальный для каждой этической системы. Уникальный в целом, а не в частностях, то бишь те или иные ноу-хау одного механизма вполне могут быть использованы в другом.

Забегая вперёд: Личность есть обеспечение такого механизма для «третьей этической» в применении к индивиду.

Однако давайте по порядку.

Первая («южная») этическая система

Правило: «я должен относиться к другим так же, как другие относятся ко мне».

Полюдь: «я должен делать то же, что и все».

Понятие истины: «я должен уподобиться реальности».

Здесь механизмом, способом взаимодействия человека и окружающего его мира служит **Подражание**, а обеспечением одного — **Естественность** как соответствие реальности, которая понимается неизбежной. Понятие времени как смены состояний окружающего мира выражено слабо. Человек действует, исходя из правил типа «я такой же, как все», понимая себя производной от эмпирически наблюдаемой реальности. Неинтересно. На полях замечу: любопытны нулевые решения, когда человек понимает себя производной от реальности не-социальной. «Я такой же, как **всё**». Полагаю, что именно послесвечением такого рода идей, усвоенных в обществах, основанных на второй этической, объясняется возникновение всего этого дзена (прошу прощения, если кого задел).

Вторая («восточная») этическая система

Правило: «я не должен относиться к другим так, как они не относятся ко мне».

Полюдь: «я не должен делать того, чего никто не делает».

Понятие истины: «я не должен противоречить реальности».

Здесь начинается интересное. Способом взаимодействия человека и окружающего его мира здесь становится **Ритуал**, а его обеспечением — **Духовность**. Та самая.

В общем механизм взаимодействия выглядит примерно следующим образом. *Окружающему миру приписывается осмысленность*; замысел, промысел и всякое прочее провидение. То есть для того, чтобы не противоречить реальности, для начала надо вообразить, что эта реальность вообще чего-то хочет. Одухотворить её. После чего уже определять своё место среди этих хотений.

Постижение и выработка замыслов и промыслов происходят в первую очередь через *обращение к прошлому* — когда и замышлялось, когда всё было виднее, щипки были значительно кислее, а люди намного идеальнее. Средством обращения к прошлому как раз и служит *Ритуал, который всегда основан на изображении этих самых идеальных людей в идеальных условиях*.

Отсюда Та Самая Духовность есть способность к приписыванию окружающей реальности некоторого изначального смысла. Вот как об этом пишет, не побоюсь этого слова, идеолог советизма, Г. Кара-Мурза:

И вот первый вывод о прошлом. Русские коммунисты не подавляли религиозного чувства, не посягали на него, они сами были его носителями. Советский человек был (и в большинстве своем остался) глубоко религиозным. Как же это понять? Как же наш атеизм? И русские философы, и западные теологи объясняют, что основой религиозного чувства является особая способность человека чувствовать, воспринимать сокровенный, священный смысл событий, действий, отношений. Это главное, а не вера в какого-то конкретного бога.

Такой человек ощущает священный смысл хлеба и земли, тайный смысл рождения, болезни, смерти. Для него может иметь священный смысл Родина, Армия, даже завод, построенный жертвами отцов. Такой человек чувствует долг перед мёртвыми и слушает их совет при решении земных дел. Говорят, что у тех, кто обладает такой способностью, есть «естественный религиозный орган». У советских людей, включая атеистов, этот орган был очень развит — и даже хорошо изучен нашими противниками. Они его и использовали, и разрушали все последние пятнадцать лет.

Надо ли добавлять, что СГКМ в своих работах опирается на апологию именно что позднего СССР, «который мы потеряли» и который можно охарактеризовать через (неудачное) ограничение «северного полюдья» именно что «восточной этической системой»? Почему и потеряли, смею утверждать.

Ах да, и о колбасе насущной. Видите ли, такая Духовность действительно Колбасе в широком смысле этого слова противопоказана. Или Колбаса — ей. Дело в том, что никакая Колбаса даром не достаётся. Не только в смысле «без денег» или «без очереди», но и в смысле даже произвести Колбасу и обустроить Её производство. Колбаса достаётся через противоречие реальности. Поэтому без Колбасы этичнее. Извините за грубость изложения.

Третья («западная») этическая система

Правило: «другие должны относиться ко мне так, как я отношусь к ним».

Полюдь: «все должны вести себя так же, как я».

Понятие истины: «реальность должна уподобиться мне».

Обеспечением взаимодействия здесь служит **Личность**, а механизмом исполнения одного — **Роль**. Отсюда Личность есть способность к ролевому поведению.

Примечание: здесь важно понимать, что западная психология — именно поэтому — не различает личность и индивидуальность: каждый индивидуален и играет роль-маску. Однако, как писал ещё А.Н. Леонтьев: «Личность не равна индивиду». См. «Теории личности»¹⁰⁶.

Цитирую себя, любимого:

Модусы вивенди и операнди европейца — исполнение роли самого себя. Понятие истины в «западной этической системе» определяется как «реальность должна уподобиться мне»; это можно представить через порождение актёром у зрителей веры в декорации.

Декорации на театральной сцене построены и искусственны, это не лес и не полуразрушенный замок над озером, это папье-маше и немного дерева. Однако актёр взмахивает рукой, говорит несколько прочувствованных фраз, выученных на репетиции и только что прошёпанных суфлёром, и реальность уподобляется ему: в восприятии зрителей папье-маше становится замком, причём более настоящим, чем какой-нибудь реально ранее виденный — там просто куча камней, жарко, кузнечики свирисят, у экскурсовода с бровей пот капает... а тут покинутый любовник дрожащим голосом речь

¹⁰⁶ <http://warrax.net/89/pers.html>

толкает и яду хочет проглотить. Или наоборот, только что обрёл потерянную любовь и готов биться за свободу.

Вся европейская цивилизация есть такого рода декорации, в которые верится благодаря актёрам. А западный человек как личность есть набор ролей и отношений.

Кстати, можете больше не париться с отличием «яркой личности» от «неяркой», да и вообще с вопросом, почему, казалось бы, *качественному* феномену, когда «личность» отождествляют с «я», приписывают такого рода *количественные* характеристики. Отождествление «личности» со *всякой* психической деятельностью, с человеческим «я» растёт из того же места, из которого растут утверждения, ныне большей частью выполотые, что люди — это только европейцы. Личность — это способность играть текущую Роль. Ф-фсё.

Можно обойтись и без «западной» свободной Личности. Можно с Духовностью таинственного «востока». Или «южной» Естественностью на худой конец. И ещё кое с чем, о чём речь пойдёт позже.

Четвёртая («северная») этическая система

Правило: *«другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним».*

Полюдьё: *«никто не должен делать того, чего не делаю я».*

Понятие истины: *«реальность не должна мне противоречить».*

Дабы немножко помучить читателя, вернусь к временному аспекту описанных выше механизмов. Правда, у Подражания такого аспекта нет. Делай, как все, дают — бери, бьют — беги, и прочая казарменная мудрость, одновременно вечная и сиюминутная. Зато у Ритуала временной аспект появляется, и человек, «второй этической» пропитанный, хочет быть подобен великим мужам (или жёнам) древности. Когда щи были кислее, а люди ещё не опохабились. У Роли — тем более понятно: все шаблоны, с которых играется, современны — и даже у великих мужей древности, которых вдруг захочется играть, доспехи уже люминьевые мэйд ин чайна. Это где даосы.

Я думаю, уже ясно, что «северу» остаётся будущее. И «северный» человек должен говорить себе: я хочу быть таким, как... люди будущего? Нет. Всякое учение, в котором появляются «люди будущего», отличающиеся от «людей настоящего», есть учение изначально «восточного» производства, и «люди будущего» в нём — те самые древние незамутнённые нынешней пакостью мужи, только перемещённые на 180° по горизонту.

В «северной» этике высказывание будет таким: «я [нынче] хочу быть подобен себе будущему». То есть обеспечением механизма взаимодействия «северного» человека с реальностью будет **Предприимчивость** (буквально: *обеспечение упреждающего действия*), а самим механизмом будет **Дело**. Во всех смыслах этого слова. Хоть Главный Конструктор, хоть «купите бублики». Хоть аскеза, хоть изучение правил хорошего тона на тему «которой вилкой тыкать каперсы» (даже при отсутствии каперсов в пределах досягаемости).

Если судьба хорошего «восточного» человека — занимать место в некоем предустановленном свыше орнаменте (**жизнь как Храм**), а судьба хорошего

«западного» — играть множество ролей, изменяя тем самым окружающую реальность (**жизнь как Театр**), то судьба человека хорошего по «северной» мерке - постоянное осознанное самосозидание, **жизнь как Предприятие** (и в смысле *фирма*, и в смысле *авантюра* или *эскапада*).

Вот с этой образованной инсайтом кочки уже становятся видны некие вполне конкретные решения по «северным» культуре, государственности, образованию — вообще по практическому применению «северной этики» в целях ограничения «северного» же полюдья.

Однако про это потом как-нибудь. Хау. В смысле dixi.

11. ИМХО о происхождении «северного полюдья»

В предыдущих текстах я принимал за данность наличие в России «северного полюдья», то есть норм поведения, заданных редуцированным по избирательности этическим правилом «севера». Правило «северной этической системы» звучит как: *«другие не должны относиться ко мне так, как я не отношусь к ним»*, а полюдые, соответственно, *«другие не должны делать того, чего я не делаю»*. Вспоминаем пресловутый «совок» и истово киваем — впрочем, то же самое рулит и сейчас... посмотрите, к примеру, на опросы типа «каким институтам государства и общества вы доверяете».

Полюдые, в общем, появляется раньше собственно этической системы, и его появление, ИМХО, обусловлено совершенно материальными факторами, а не всплесками пассионарности из космоса или ещё каким примордиальным промыслом. Под катом я попробую понять, из-за чего оно такое именно в России взялось. Дабы не оставлять бреши в рассуждении.

«Зона рискованного земледелия»... Что такое риск? Я слышал, что само слово происходит от имени собственного: какая-то скала в Испании, откуда «на слабо» сигали в прибор. В общем *риск — это мера осознанной субъектом неизвестности обстоятельств некоторого обмена, инициированного субъектом*.

Обмен здесь понимается максимально широко, включая в себя такие вещи, как ростовщичество — обмен денег на большее количество денег.

Условие осознанной неизвестности отличает рискованное действие от глупого. И рискующий, и дуркующий ведут себя так, словно предполагаемая ими картина мира является истинной, но рискующий знает, что это лишь его предположения.

Что такое «рискованное земледелие»? Казалось бы, это всего лишь земледелие в зоне с низкой биопродуктивностью, когда урожай не гарантирует выживания земледельца. Но это ещё не всё.

Пусть у нас есть неплодородная земля, которая даёт четыре урожая в год. Только маленьких и скудных, которые тоже не гарантируют. Похоже это на русскую деревню? Нет. В чём отличие? В том, что в этом случае напряжённость труда будет примерно одинаковой на протяжении всего сельскохозяйственного года.

А в русской деревне есть страда, когда «день год кормит» — и есть всё остальное. Не то, что бы весь оставшийся год можно лежать на печи, но в общем отличие русского

земледельца от такого, четырёхурожайного, примерно соответствует отличию пилота-истребителя, у которого «пять суток отдыха — пять минут ужаса», от пехотинца, круглосуточно и круглогодично мокнущего в траншее в условиях позиционной войны.

В сумме для русских землепашцев получаем как определяющее условие выживания — *необходимость ограниченных по времени рискованных действий*. «Риск» здесь может определяться не только низкой биопродуктивностью, но и, например, набегам кочевников, предсказать которые на сезон не проще неурожая.

Что станет главным следствием этого? То, что в социуме *подражание сверх необходимости (обучения) перестаёт быть выигрышной поведенческой стратегией*, и это закрепляется в нормах поведения.

Вот представьте себе: землепашец А подражает в ведении дел землепашцу Б, то есть делает всё так же, как он, но чуть позже и чуть хуже. При этом землепашец Б делает всё правильно и на совесть. Однако хват! — неурожай. И зерна землепашцу Б еле-еле хватило дотянуть до нового урожая. А землепашцу А не хватило на это самое «чуть». Если выживет, урок будет выучен раз и навсегда — «живи своим умом». И детям то же накажи.

Более того. Вполне может оказаться так, что почти все сделали так, а один сделал эдак. И именно этот один в итоге не попал под раздачу. Ведь речь-то идёт о рискованных действиях не в смысле игр с нулевой суммой внутри социума, а о действиях перед лицом внешней непреодолимой и малопредсказуемой силы. Так что здесь действительно может оказаться, что «все неправы, а я прав». См. Ивана-дурака, Емелю и прочие архетипы.

Следовательно, «все» как образец для подражания в деянии или недеянии исключаются. «Живи своим умом». И именно такой человеческий тип воспроизводился на русской земле, с *пониманием правильного поведения в первую голову как поведения независимого*.

Кроме «зоны рискованного земледелия», однако, присутствует у нас родное российское, в девичестве московское государство. Из-за той же самой низкой биопродуктивности у государства не было денег, чтобы организовать адекватное по избирательности управление людьми «себе на уме». Проще говоря, *снятие ресурса с населения происходило через обращение к сообществам, а не к отдельному подданному*. Гораздо дешевле было прикрепить крестьянина к служилому дворянину и спрашивать с последнего качеством службы и снаряги, чем пускать сборщиков налогов по деревням. В развитие того же подхода, порабощение крепостных при Петре I преследовало цель высвободить дополнительный управленческий ресурс для дальнейшей модернизации.

Как следствие, мужиков «себе на уме» вынуждали жить в сообществе, с которого спрашивали как с целого, то есть сильно повышали коммунальное напряжение между людьми, ценившими независимость. При том, что условия, в которых это «себе на уме» воспроизводилось (климат), никто не отменял. Получается два противоречащих друг другу эволюционных стимула.

И вот представьте себе: деревня на сотню таких независимых пахарей в середине гауссианы плюс некоторое количество кулаков и пропойц по её крыльям, и какой-нибудь приказчик с эдиктом типа «чтоб вот столько-то и столько-то община к такому-то месяцу и

дню выложила. В случае облома влетит всем». Что будет в результате?

Помещика могут спалить, однако это всё же крайние меры, которые аукнутся по самое не балуйся, и которые надо приберегать в качестве ответа на совершенный уже беспредел. Народ может побежать, однако и тут — бежать надо налегке, а семья, а дети... с другой стороны, на 1/6 часть суши разбежались всё-таки (не преуменьшая русских завоеваний). Может начаться выяснение дел внутри социума: «кто больше должен», то есть перманентный внутренний конфликт со значимой угрозой взаимоистребления. Или же — людям «себе на уме» *придётся договариваться* промеж себя.

Получаем тот самый механизм принятия решений с либерум вето, который угробил Польшу и который исправно служил русским деревенским общинам довольно долгое время. То бишь *решение не принимается, покуда хоть кто-то против. Решение должно устраивать всех*.

Казалось бы, здесь самая почва для «южного полюдья»: «делай то же, что и все». Однако, как и было сказано, это физически проигрышная стратегия, и каждый новый голод подражанцев сокращал, попутно напоминая остальным — «живите своим умом».

Следовательно, *правильным оказалось задавать не то, что нужно делать, а то, чего делать нельзя*. Например, нельзя не кормить сироту, которого назначено в рекруты. Западло это. Неправильно.

Вообще, задавать сообществу людей «себе на уме» некоторое поведение приказами «делай так» — напрашиваться на косяки и туфту: скажем, помещики прекрасно видели, как крестьяне отработывали барщину и как работали на себя (о да, этот льениви русски мяжик). Никакое коммунальное напряжение их не заставит выполнять *приказы* извне. А вот *запреты* — совсем другое дело. Если нельзя соседа заставить работать, надо ему запретить косячить.

Если группе людей «себе на уме», вынужденных к сосуществованию, сказать «вот этого всем делать нельзя», то будьте уверены — делаться и не будет. Здесь коммунальное напряжение, вынуждающее к действиям друг против друга, как раз и станет работать на полную катушку, выражаясь в слезке каждого за всеми, в чинении помех соседям, а по распространении грамотности и в упоённом написании доносов: я т-тя прищучу, барин узнает, как ты запрет нарушил, а то, вишь ты, сделал то, чего всем нельзя, и чего я сам не делаю... Много позднее и крайне масштабно такое проявилось в 1930-е годы.

И вот оно, готовенькое «северное полюдье»: **«никто не должен делать того, чего я не делаю»**. Хорошего в нём мало, как и в любом полюдье. Это — позволяет независимость, но сдерживает инициативу. На всякий случай поясню, что в дискурсе, построенном на «западной» этике, независимость и инициатива взаимообусловлены, однако в общем случае это не так.

Самое неприятное здесь то, что *этическая эволюция русских шла двумя путями одновременно*. Путь, расписанный выше, был характерен для крестьян — большей части русского общества, хотя меньшая часть эту большую часть обществом и не признавала.

А «наверху» тем временем шло банальное заимствование всего, что работало, откуда только можно. По той же самой причине — дешевле было скопировать, чем вырастить

своё. В общем, этическую эволюцию «наверху» русского общества можно описать как практику «восточной» этической парадигмы при всё увеличивающемся влиянии «западной». Превращённой формой этого противостояния можно считать знаменитый мировоззренческий спор «западников» и «славянофилов».

Можно сколько угодно говорить о «социальном лифте», приводить пример вполне поднявшихся в тех условиях людей, «счастья баловней безродных», но все эти разговоры дезавуируются фактом — 3/4 русского населения в начале XX века сидело по деревням. Квалифицированное большинство в любом социальном конфликте.

Закончилось тем, чем и должно было закончиться. Долбануло, снеся почти все цивилизационные наработки прежней России, в то время оформленной, как Российская Империя. Не потому, что «северное полюдьё» круче или лучше «восточной» или «западной» этических систем, а потому, что эффективно сдержано оно может быть только «северной» этической системой, которой в России не было. Не удосужились отработать. И началось то, о чём говорят уже девяносто лет, и всё не могут договориться.

А это мужички взбунтовались. Дело в том, что «северное полюдьё» **всякую непривычную деятельность признаёт неэтичной** (неправильной, аморальной, недозволительной, несправедливой, ненужной). И далеко не в один, далеко не в прекрасный день, воспользовавшись переворотом «наверху», «народ» послал все и всяческие элиты к едрене-фене, не только *понимая* их, как чужие, но и *относясь* к ним, как к чужим.

Конечно, очень утешительно полагать, что это жида с кайзером и англичанами насвященнодействовали, обманули, продали и купили, понимаешь, богоносцев. Несколько ближе к истине предположения о том, что образованный слой не знал свой народ. Ну вот не знал. Мы им крест над святой Софией обещали, а они орут «нахрен эту войну» и нас же штыком в пузо. Хулиганы.

А богоносцы в тылу тем временем перестали отдавать хлеб в города и выбирались туда на своих телегах, покупая за снесь всяческие бранзулетки, *постановив свою цену за городской образ жизни*, им непривычный. Богоносцы едва ли не в каждой деревне организовали собственную самооборону — потому что независимости как ценности никто не отменял. Богоносцы останавливали поезда и грабили пассажиров, потому что это было хорошо и правильно. Как это сформулировал Булгаков:

«Увы, увы! Только в ноябре восемнадцатого года, когда под Городом загудели пушки, догадались умные люди, а в том числе и Василиса, что ненавидели мужики этого самого пана гетмана, как бешеную собаку — и мужицкие мыслишки о том, что никакой этой панской сволочной реформы не нужно, а нужна та вечная, чаемая мужицкая реформа:

- Вся земля мужикам.
- Каждому по сто десятин.
- Чтобы никаких помещиков и духу не было.
- И чтобы на каждые эти сто десятин верная гербовая бумага с печатью — во владение вечное, наследственное, от деда к отцу, от отца к сыну, к внуку и так далее.
- Чтобы никакая шпана из Города не приезжала требовать хлеб. Хлеб мужицкий,

никому его не дадим, что сами не съедим, закопаем в землю.

- Чтобы из Города привозили керосин.

Ну-с, такой реформы обожаемый гетман произвести не мог. Да и никакой черт ее не произведет».

Впрочем, можно и Толстого на эту тему почитать, который Алексей, а равно Бунина, который Иван...

Большевики, чьей бы клиентурой они ни были, попросту оказались в наибольшей степени соответствующими этому драйву: устроить формат-цэ всему, что не похоже на деревню, потому что это «всё» — несправедливо. И не говорите мне, что матрос, накушавшийся матросским же чаем, имел хоть какое-то представление о Марксе, а тем более об Энгельсе.

Деревня, разумеется, восстала и на большевиков, но красные успели использовать совпадение своих целей и мотивации большей части населения и построить военную силу, достаточную, чтобы давить хотя бы локальные мятежи. Белые и прочие не сумели даже этого, и отнюдь не из-за излишней гуманности. Просто их дело не виделось моральным и справедливым хотя бы такой же части населения, которая поддерживала большевиков или не препятствовала им.

12. О восприятии денег в различных этических системах. Коротко

Сразу скажу, что никак не посягаю на святость экономической науки, на её сияющие формулы и благоуханные уравнения. Здесь просто иной угол зрения.

С точки зрения этики деньги, имхо, можно рассматривать как обобщённое средство обеспечения правильного мироощущения, то есть тех чувств, которые в данной этической системе полагаются желательными к достижению; вариант — как ремедий от тех чувств, которые в данной этической системе полагаются неправильными и нежелательными.

«Южная» этическая система заточена под преодоление скуки, нежелания жить. Соответственно, *деньги для "юга"* — в первую очередь эквивалент развлечения (речь идёт именно о «юге», которому понятие денег навязано извне, сами они до такого додуматься не могут). Красивый жызн, да, нечто ресторанно-шезлонговое. При этом статус для «южной» этической системы чётко коррелирует с размером трат. Такое, кстати, можно наблюдать далеко не только в этническом разрезе — любая моно(суб)культурная тусовка поощряет свой эквивалент «гусарства». Склонен полагать, что и «благотворительность» в её классическом варианте имеет истоки как раз здесь, во взаимопонтах богатого сословия. Внешний вид денег на «юге» — не обязательно какая-то счётная валюта, там дискретизация вообще ситуационная, бартер включительно. Сами деньги — это нечто красивое, блестящее, приковывающее взгляд, развлекающее само по себе, то, чем приятно обладать без практической пользы. «Золото манит нас». Или раковины каури.

«Восточная» этическая система ориентирована на достижение стабильности и неизменности, преодоление страха. Следовательно, *деньги в ней в первую очередь* — средство откупиться от неприятностей и/или возместить ущерб. Для «востока»

главная легитимная функция денег — уплата налогов и иных административно определяемых пеней и проторей. Красота этим деньгам не нужна, нужны как раз счётность, упорядоченность, чётко установленное взаимоотношение между отдельными денежными единицами. И дискретизация здесь происходит, скорее всего, именно как «эта монета — столько, сколько средневзвешенный серв должен принести дохода за год, если хочет жить». ЕМНИП, бумажные деньги в том же Китае завелись в незапамятные времена. «Благотворительность» как явление присутствует и здесь, но рассматривается не как вариант состязания за статус, а как «выплата налогов высшим силам», власти небесной, а не земной; вариант — как «замаливание грехов».

«Западная» этическая система направлена на достижение, на преодоление зависти. Значит, *деньги для «запада» нужны для демонстрации достижений человека, демонстрации хотя бы только ему самому.* Это может быть приобретение модной/статусной вещи, это может быть участие в некотором крупном проекте, это может быть сам факт наличия чемодана с деньгами — зависит от того, что в конкретной среде считается правильной демонстрацией: золотая цепь в палец толщиной или отлаженная работа частного предприятия. Внешний вид денег тут уже вообще неважен, потому что даже когда демонстрируются они сами, то смотрящий видит именно достижение, а не пачку невзрачных бумажек. С другой стороны, деньги должны соответствовать всему разнообразию возможных достижений, то есть действительно всё должно продаваться и покупаться, а сами деньги быть не только счётны и упорядочены, но и предельно ликвидны. Дискретизация вновь теряется, потому что стоимость приобретения очень сильно колеблется из-за множества субъективных обстоятельств, в т.ч. из-за манипулятивных усилий на рынке. Утрированно выражаясь, денег становится «многоденег» или «малоденег» в зависимости от ситуации, а сколько их с точностью до копейки — уже неважно. «Западная» «благотворительность» собственного обоснования не имеет, её истоки сугубо «южные» или «восточные»; её своеобразие проявляется в оформлении этой благотворительности именно как «помощи в достижении» — компьютеры в детские дома, демократию в Ирак...

Собственное обоснование есть: списание налогов и проч.

«Северная» этическая система предполагает преодоление ненависти, а желательным состоянием для неё является, ИМХО, воля как переживание своей независимости. Получается, что *«северные» деньги есть эквивалент права, некая личная привилегия, которая позволяет избежать ситуации, порождающей ненависть, остаться независимым или приобрести независимость.* В условиях «равноправия» и прочих «универсальных демократических принципов», когда «счастье для всех», легитимные права обесценены уравниловкой, а оттого дарятся на халяву и отбираются по капризу — *«северные» деньги могут проявиться только как взятка, покупка для себя части полномочий некоторой управленческой позиции.* Следовательно, «северная» этическая система (хотя бы и только её полюдые) плюс «универсальные демократические принципы» равняется «системообразующая коррупция». Что мы и имеем. «Северная» «благотворительность» собственных этических оснований не имеет так же, как и «западная» (не может быть

благотворительности в этической системе с императивом «другие (не) должны...»), а её оформление сводится к «помощи в достижении независимости» — невооружённым глазом видна окраска некоторых благотворительных акций типа «это для этих должно делать государство, а сделаем мы, чтоб чиновники подавились, суки, зависеть ещё от них»...

Внешний вид «северных денег»... вряд ли тут можно изобрести нечто практически применимое новое — но если уж фантазировать, то внешним признаком привилегий в прошлом являлись ордена и всевозможные нашивки на одежду... какой-нибудь хайтековский эквивалент орденских планок со встроенным визатором? Ну да это уже для писателей-фантастов. Дискретизация «северных денег» — отдельный интересный вопрос, ответ на который зависит от того, удастся ли сформулировать некую «единицу права», наименьший неделимый элемент привилегии в пространстве и времени... А это к юристам. Смотрите, не перепутайте с фантастами.

Вот примерно так.

От себя дабавлю: ИМХО тут Джагг зафантазировался про 4-ю систему, опять же описывая некий «идеал в сферическом вакууме». ИМХО проще: в 4-й системе деньги не являются самоценностью, а лишь ресурсом, и при этом ни у кого нет именно *нужды*, т.е. имеется обеспечение всех базовых потребностей — жильё, медицина, образование при желании, компьютер с интернетом, достаточно еды и проч. Деньги нужны для приобретения *дополнительных благ*, но при этом чем дальше идёт развитие, тем большее кол-во потребностей удовлетворяется *для всех*, и можно даже сказать, что деньги постепенно отмирают, как об этом мечтают коммунисты :-). Но я не люблю гадать про столь отдалённое будущее с умным видом — мол, «будет точно так»..

13. Пикейно-пикейное. «Северная дипломатия»

Прочтя статью Крылова «Взрослая ложь»¹⁰⁷, имену сказать следующее после обширной цитаты.

Западной лжи хочется верить. Это самое главное, что нужно понять, имея дело с западной системой пропаганды.

Почему хочется? Не потому, что она лучше и убедительнее сделана. Но потому, что она возвышает того, кому лгут. И делает так, что правда — даже если она станет известной — огорчит, оскорбит, унизит.

Западный обман — это всегда возвышающий обман. Который, разумеется, дороже тьмы низких истин.

Российская же истина, даже когда она истина — всегда низкая. Неприятная. Унизительная какая-то.

Ну вот сравните. Западный «представитель неправительственной организации» поёт в уши «национальному лидеру» какого-нибудь постсоветского углодья: «Вы — надежда свободы на Востоке. Мы смотрим

¹⁰⁷ <http://novchronic.ru/1907.htm>

на вас как на самую перспективную страну региона. Мы готовы оказать вам всестороннюю поддержку, прежде всего в строительстве институтов демократии... Надеемся, вы не сделаете ошибок».

А в другое ухо шипит краснорожий кремлялин: «Мы вас кормим. Будете делать нам гадости — газ отключим и денег не дадим».

При этом Запад реально ничего не дал, кроме обещаний и небольших подачек (правда, распределённых в нужных точках, адресно), а Кремль реально даёт «кучу бабла», газ, нефть и так далее. Но как грубо звучит правда кремлёвского сатрапа, и как сладка лисья песенка западного политика — который, кстати, никого толком не представляет и ни за что не отвечает?

И «нацлидер» это даже где-то понимает. Но до чего хочется далеко послать подальше грубого кремлянина, и хоть на миг поверить в сладкий мираж: «мы — надежда свободы... мы — надежда свободы... наверное, нам всё дадут, со всем помогут, не оставят же нас, ведь сами говорят — мы самая перспективная страна региона, им, наверное, это выгодно, вкладываться в нас, они вложатся, обязательно вложатся, вложились же в Чехию, дали же Польше, и нам, и нам дадут... и прикроют, и примут в НАТО... а уж в НАТО жизнь — ох, какая жизнь в НАТО, а потом-потом...» Дальше человек сам себя убедит и накрутит до нужного градуса.

А если в результате получит шиш, а то и серьёзные неприятности — будет винить в первую очередь себя. «Ой, кажется, старшие товарищи в нас разочаровались, это я виноват, мудака, они же предупреждали насчёт ошибок».

И вот что хотелось бы прокомментировать. И западный политик, и кремлёвский сатрап в данном случае решают одну и ту же задачу: *приобрести союзника*. Решают её одним и тем же способом — чего-то дают. Нефть с газом или уверения в совершеннейшем почтении к делу продвижения зимокарации в мировом масштабе... но — дают. Не было, а теперь есть. Почему «краснорожий кремлялин» проигрывает — из-за техники. Не умеет себя и своё подать-с.

Так вот. Не умеет и уметь сравнимо с западным поющим лисом никогда не будет. Даже если вместо КрКр в данной ситуации окажется лидер русского национального государства. Потому что *сама задача не та*.

Приобретение союзника в изложенном понимании есть задача европейской дипломатии, шире — «западной». Той самой, где действует «западная этика» с её «реальность должна уподобиться мне». Иными словами, такая игра для «западного политика» естественна, он в ней, как рыба в воде. Он делает правильную, естественную, безальтернативную вещь, которой не по учебникам учатся. Уподобить будущего союзника себе, поднять его до себя, обеспечить его лояльность этим поднятием — значит, надо быть медоточивым, интересным и всё такое. Человек, разделяющий «северную этику», при прочих равных держаться наравне с человеком «западной этики» при решении этой задачи

не сможет. Да, он может прочесть те же учебники по дипломатии и прочему НЛП, но...

Задача «северной дипломатии» — это *обеспечить будущее непричинение вреда от окучиваемого субъекта*. Кстати, для какого-то блокового противостояния с выходом на «горячую войну», когда усилия дипломатии поверяются делом... в этом пределе такая задача равноценна задаче приобретения союзников. «Я не причиню вреда Этим, даже если это означает неприятности с Теми».

Как этого добиться?

Во-первых, погасить мотивации по зависти и ненависти субъекта к нам. Иными словами, быть открытыми для обмена, быть готовыми продать любую нужную субъекту вещь (не продавать, а быть готовыми продать — это разные понятия; и не забываем, что речь идёт об искусстве лжи); плюс вести постоянную разъяснительную работу на тему «у русских нет ничего вашего, что бы вы хотели вернуть».

Во-вторых, усилить мотивации по страху и безразличию субъекта к нам. То бишь субъект должен понимать, что налезать на русских — это игра с сильно ненулевой суммой. Если хотите, должно даже изобрести какой-нибудь культ излишнего применения силы, не обязательно военной. Кроме того, необходимо добиваться, чтобы *противостояние с русскими было субъекту неинтересно*, не вызывало у него каких-то восхитительных эмоций, ни адреналиновой, ни норадреналиновой реакций. Чтобы мысль о таком была ему скучна.

Из чего и получается форма «взрослой лжи» «по-северному», которая имеет те же признаки «взрослой лжи», что указаны в статье, но исполняется несколько по-другому. Полагаю, что одним из её отличительных признаков станет «игра на понижение» в эмоциональном смысле. То есть если «западный» политик по мере обострения противоречий превращается в трибуна, упоённо играет лицом и изобретает феерические речи на тему всего хорошего, то «северный», наоборот, из более-менее человека должен превращаться в Молотова, скипуя всевозможные обличения и тупо выдавая условия разрешения конфликта. Другой признак — это риторика, изначально построенная не на элане ко всему хорошему и личной дружбе, а на реалполитик и равновесии интересов, обеспеченных возможностями. Скучная циническая риторика, без стука ботинком по трибуне. Ложь, которой, в отличие от «западной», *не хочется не верить*.

Разумеется, это будет работать только в случае, если окажется выстроенным в некую школу, в систему «взрослой лжи», столь же самодостаточную, сколь и «западная».

Во так как-то.